

Ольга Гусейнова

Счастье на снежных крыльях. Назначена истинной

Дорогие мои читатели, надеюсь, эта диалогия вам понравится! Хочу выразить огромную благодарность сразу нескольким моим помощникам, без которых история, скорее всего, не вышла бы именно такой полной и, надеюсь, интересной. Я благодарю Бога за то, что у меня есть моя сестренка Юлия, которая с удовольствием читает мои сказки и тем самым подкидывает дровишек моему вдохновению, заставляя гореть творческий костер еще ярче.

Я не могу не выразить признания самой замечательной и преданной помощнице Вере Борисковой. Она делает мои сказки еще лучше.

Я благодарна админам в ВК: Ирине Перхиной, Ирине Стратулат, Оле Сахаровой и Светлане Гарагуле, благодаря которым читатели узнают о моем творчестве и присоединяются ко мне в путешествиях по другим мирам.

Подругам и прекрасным авторам Алене Медведевой и Наталье Косухиной – за поддержку и советы.

Потрясающей художнице Дарье Ржаниковой – за обложку, ведь именно благодаря ей перед моими глазами были прототипы героев.

И просто невообразимо огромную благодарность я испытываю к своим читателям! Спасибо вам, что читаете, покупаете и столько лет поддерживаете мое творчество и меня лично! Вы – мое главное вдохновение!

- Не грусти, - сказала Алиса. - Рано или поздно все станет понятно, все станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что все будет правильно.

Глава 1

Казнь

Из тьмы забвения меня вытянули жажда и боль – не острая, а глухая, сродни усталости, разлитая по всему телу, завладевшая каждой клеточкой. Словно я треснувший сосуд, из которого вытекла вся жизнь... Ну или почти вся, я же чувствую боль, значит, жива. И еще слышу тихие голоса. Голоса отнюдь не ангелов, а Амилы, услышав который мысленно улыбнулась, и второй – знакомый женский. О, вспомнила: Деларии! И так у меня на душе хорошо стало, что я решила послушать.

Делария не просто «стучала», она довольно артистично передавала нюансы и интонации провинившихся леар, выдерживала паузы:

– ...Вчера шаа Чатима в разговоре с шаа Уоне несколько раз нехорошо говорила про род Арэнк, особенно досталось шаазе Кайе. И слова «подкидыш Язы» тоже не раз упоминались! Их слышали три посудомойки и лишь ша Кичи, невзирая на свое более низкое положение, возмутилась оскорблениями и пыталась совестить обеих мерзавок. За что получила от них плетью...

– Прискорбно! – тон Амилы был до жути ледяным. – Этих двух – к лишению; тех, кто промолчал и не доложил, – в поле. Ша Кичи назначить главной по кухне!

– Но... она же черная? – засомневалась Делария.

– Для рода Арэнк каждый леар шаазата ценен одинаково, мы всегда это подчеркивали и доказывали своими делами. Главное – верность шаазату и преданность роду Арэнк!

– Я сообщу волю шаазы, – с воодушевлением и беспредельным подобострастием выдохнула Делария.

– Это уже какие по счету? – задала странный вопрос Амила, еще больше заинтриговав меня.

– Двадцать восьмые. Своих наказали, осталось еще тридцать три, но те соседские.

И вновь меня поразил заискивающий и восторженный голос Деларии, отчитывавшейся перед Амилой. Будто ее допустили к трону и доверили нести королевский шлейф.

– Большинство из третьего и четвертого, – сухим, надтреснутым голосом, словно вся тяжесть мира давила на нее, задумчиво произнесла Амила.

– Но ведь эраты Керук и Тито немедля выдали своих?! – осторожно заметила ее собеседница. – И главное, сам шаэр сейчас там, на Черной площади Лараны, следит за исполнением наказания. Это значит, он солидарен с Арэнками? Признает ваше право? И готов разделить ответственность?

– Иси просто воспользовался ситуацией, чтобы чужими руками предупредить своих недовольных о последствиях, если кто-то вздумает напасть на первый шаазат, как и на нас, – слишком спокойно ответила Амила, в ее ровном тоне крылось нечто более глубокое и злое, а может – мстительное.

Приоткрыв глаза, я увидела собеседниц. Они стояли возле террасы, и свет, бьющий в глаза, мешал их хорошенько разглядеть. Обе смотрели на «экран», или ледаю два на два, транслирующую столпотворение на городской площади. Ого! Мои глаза сами по себе широко распахнулись: огромная толпа крылатых, стоявших рядами, паривших в небе, потрясла и напугала. От траурных серо-черных цветов рябило в глазах. За их спинами не было видно построек, а над головами возвышалась черная твердыня тюрьмы.

В центре площади на коленях стояли заговорщики, их серые крылья трепетали за спинами, а фигуры походили на сжавшиеся пружины: тронь – и они либо сломаются, либо распрямятся, жестко сопротивляясь судьбе. Позади каждого конвоир. Ряды серокрылых суровых мужчин – тех, кто готовился расстаться с жизнью, и тех, кто сопровождал их на эту казнь, – выглядели настолько впечатляюще и пугающе, что у меня сжалось сердце.

В стороне от коленопреклоненных преступников стояли разнополюе группы леаров. Мне показалось, собравшиеся по семейному признаку и явно не для средневековых забав, когда горожане приходили поглазеть на казнь преступников и подбадривали палачей. Нет, каждый из них замер с выражением ужаса на лице, трагедии и безнадёги.

Прямо перед экраном замерли двое белых шаазов, таких похожих, но в то же время неуловимо разных, – отец и сын. Знакомые лица, свои, но в то же время далекие, бесстрастные, бездушные. Не просто леары, а – палачи! Высшие судии! И великолепные белоснежные крылья у обоих не трепещут, как у осужденных, ни одно перышко не шевелится у этих жутких карающих ангелов.

И все-таки я выдохнула с невыразимым облегчением: мой муж жив! Трагические события минувшей ночи привязали меня к нему больше, чем обряды и браслеты. Йелли, не раздумывая, спас меня в ущерб себе, тратил магию на мою защиту, а не себя. Ради меня, кроме бабушки, никто не жертвовал чем-то важным. Временем, вниманием, тем более жизнью.

Затаив дыхание, я смотрела, как эрат Арэнк подошел к очередному преступнику, стоящему на коленях, соткал над его головой знакомый голубой купол. Щелкнул пальцами, превратив купол в волну, а та прошла насквозь поверженного преступника. И вот у ног эрата уже не мощный русоволосый мужчина с красивыми светло-серыми крыльями – а безжизненное тело брюнета с расprostертыми, абсолютно черными крыльями. Конвоир жестоко, бесцеремонно схватил труп за крылья и потащил прочь с площади.

Я задыхалась от страха, ни вдохнуть, ни моргнуть, и все-таки глаз не могла отвести от страшного зрелища леарской казни. Выходит, Йелли выпил из преступника жизненную силу и всю магию досуха, отправив его на тот свет?! А черные – пустышки, поэтому никаких тебе природных катаклизмов после смерти. За крылья уволочут в неизвестность и забвение. Глаза защищало от слез, но «кино» продолжалось, вопреки моему желанию, вопреки моим земным представлениям о гуманности, вопреки...

Ниол махнул рукой, и конвоиры вывели из толпы группу серокрылых леаров. Мужчины впереди, ссутулившиеся, обреченные. Женщины на руках несли самых маленьких детей, младшие держались за старших родственников. Насчитала пятнадцать леаров, от скорбно-обреченного вида которых во мне будто все замерзло.

Эрат Арэнк подошел к очередному коленопреклоненному шаа, который с невыразимой болью и страданием смотрел на своих родственников, и громко спросил о чем-то на леарском; конечно же, чтобы услышал каждый на площади и во всем Леарате благодаря ледае. Его голос скрипел, как у простуженного и вместе с тем звучал бесстрастно.

– Кайя, ты проснулась? – взволнованно спросила Амила, обернувшись ко мне. – Не надо тебе на это смотреть. Поверь, там страшно и мерзко для всех... А ты и так слишком много пережила!

– Нет, я должна! Нельзя спрятаться под одеяло от жизни, мне все равно рано или поздно придется столкнуться с какими-нибудь неприятными или мерзкими ее сторонами, – прохрипела я, набравшись храбрости. Вдох-выдох. Я почти приказала: – Амила, я очень прошу, переводи!

Не знаю почему, но она послушалась. Видимо, «железная леди» приняла мои доводы.

– Ты знаешь законы Леарата? – скрипел Йелли.

– Да, эрат! – ответил шаа.

– Ты считаешь, что мечты о власти стоят благополучия твоего рода?

– Нет, эрат! – прорыдал серокрылый мужчина, скрючившись в ногах Йелли. – Простите, молю, пожалейте их!

– Когда ты пришел убивать меня и мой род, ты думал о жалости и прощении? – скрежетал эрат.

– Нет, эрат, но я не...

- Ты не думал, что можешь проиграть, так? Когда шел убивать меня и мой род, ведь ты был уверен в успехе! И уж точно не думал, что твою семью и весь род постигнет заслуженная кара?

- Нет, я просто не...

- Да! Ты не ду-ума-ал! - ожесточенно протянул Йелли, чуть наклоняясь к несостоявшемуся убийце. Дальше каждое его слово походило на гвозди, которые он забивал в крышки чужих гробов: - Вас было порядка шестидесяти, все опытные воины, умеющие убивать! Все серые - сильные маги! Вы не думали, что моя семья и несколько преданных нам телохранителей легко и просто остановят нападение! Уничтожат вас! Ты не подумал о возмездии, ты предал не только своего эрата! Ты предал собственный род! Украл у них силу, вечную молодость и долголетие. Ради своих амбиций и жажды власти собственными руками ты лишил своих детей дома, благополучия и надежного будущего. Лично выкинул на обочину! Ты сам лишил магически одаренных потомков силы.

- Молю, пожалейте моих детей... - голосил приговоренный.

- Разве ты пожалел тех, кто встал на защиту своего эрата и шаазата? Тех, кто до конца выполнил свой долг, сохранил честь рода, слово и был предан до конца? За что ты убил их? Вы походя осушили и убили шестнадцать наших женщин, больше двадцати мужчин, которые не смогли оказать вам должного отпора и спастись, а просто встретились на вашем пути к цели! Вы напали ночью, как воры и убийцы, прокрались во дворец. А теперь ты молишь о пощаде?..

Вперед выступил Ниол, мне показалось, что Йелли на грани и может сорваться, настолько глухо скрипел его голос на последних словах. Словно Йелли обвинял убийцу в том, что сейчас происходит. В том, что он вынужден сейчас делать - карать женщин и детей. Это выворачивало его наизнанку, но переложить обязанность на других он не мог. Свекор обернулся и посмотрел на обреченно поникших родичей леара, который унижительно валялся в ногах эрата Арэнка и молил о пощаде.

- Леарат существует тысячелетия! Первый закон высшего Тойлеса тоже. Тот, кто злонамеренно поднял оружие или применил силу против эрата, его семьи или главы своего рода будет казнен! Его род - осушен! Это придумано не нами, но нам положено блюсти законы! Глава вашего рода шаа Яс родился и вырос со знанием этого закона, насколько я знаю, сам применял его десять лет назад к своему племяннику за попытку сместить его. А теперь решил, что сам выше законов Леарата? И сам нарушил главный закон! Ради чего? Чтобы получить для себя больше власти!

Мы, Йелли и Ниол Арэнки, говорим: смотрите! Смотрите в лицо тому, кто забрал у вас благополучную жизнь, здоровье и долголетие, силу! У вас и ваших детей! Не мы! И не род Арэнк! А ваш глава, сын, брат, отец, дед! Пренебрег вами, забыл, проклял в своей ненасытной жажде власти и денег! Смотрите и помните об этом!

Дальше я безмолвно плакала, глядя, как голубая волна высасывает силу у всего рода преступника, у взрослых и детей. Да, их не тронули и пальцем, они остались живы, но их волосы и крылья почернели абсолютно. Признаться, меня, иномирянку, факт, что не казнили семьи предателя и убийцы, примирил с происходящим. Я облегченно вздохнула, ведь еще не успела привыкнуть к своей магии, только начав разбираться с ней. Но отметила, как содрогнулась Делария. Видимо, для нее это хуже смерти.

Затем Ниол казнил следующего преступника так же, как до этого его сын. Несколько мгновений оглушающей тишины на площади - и снова раздался голос Йелли:

- Те из вас, кто принесет клятву крови на верность роду Арэнк, останутся во втором шаазате со всеми его милостями и привилегиями согласно иерархии и обязанностям. Те, кто не захочет, покинет второй шаазат, останется без нашей защиты. В течение суток леары, не захотевшие принести клятву, обязаны навсегда покинуть наши земли и дома! Они получают метку, из-за которой больше не смогут пересечь границы второго шаазата без высочайшего позволения эрата или его рода.

Все убитые горем лишены, ставшие чернокрылыми, как это ни поразительно, дружно, заставив повторять даже детей, сделали надрез ладони, пустив кровь, и принесли клятву роду Арэнк. Но почему? Неужели остаться без рода и шаазата настолько страшно? Или

второй шаазат не так уж плох, раз живые, но «высушенные магически» родственники бывшего главы готовы забыть о мести и ненависти к палачам и принести нерушимую клятву верности?!

- Кайя, достаточно! С тебя хватит, - объявила Амила, решительно хлопнула ладонями, и экран исчез.

Свекровь с Деларией подошли к моей кровати. Приятно было видеть Деларию живой и здоровой, в нарядном светло-сером костюмчике. Я вытерла слезы и не сдержала восклицания:

- Боги, ты чем-то заболела? А то немного... подурнела!

Бывшая жгучая красавица брюнетка, превратившаяся в русоволосую шатенку со слишком смуглой кожей, на мой взгляд, выглядела как девица, перестаравшаяся с загаром. Удивительно: черный из колера Деларии исчез полностью, теперь она темно-серая шаа и весьма собой довольная. А вот светло-серый наряд производит унылое впечатление. Девушка поблекла, посерела, потеряла былую яркость.

Услышав мой «комплимент», улыбающаяся Делария запнулась, выпрямилась, словно кол проглотила, на миг бросила счастливый взгляд на свои однотонные серые крылья и не без язвительности посоветовала:

- На себя посмотри! Усопшие в храме и то симпатичнее бывают...

- Шаа, ты забываешься! - Амила таким ледяным тоном одернула ее, что даже я немного струхнула.

- Да, - весело поддакнула я. Деларию прочила себе в помощницы, и ее излишняя угодливость мне точно ни к чему. Хочется хотя бы подобия дружбы и искренности. - Между прочим, я - твоя магия, а ты так невежливо со мной.

- Простите, шааза, подобное больше не повторится, - заискивающе склонила голову Делария... перед Амилой.

Довольная этим свекровь важно кивнула, мое недоумение поведением новоявленной шаа тоже отметила, и оно ее откровенно позабавило. Ведьма!

Делария тем временем опять прогнулась - придвинула удобное кресло-стул для Амилы, а для себя поставила подальше, видимо, чтобы шааза ни в коем случае не заподозрила, что обычная шаа пытается сравняться с ней хоть в чем-то.

Наконец-то я поняла, чем же изменилась и сама Амила. В отличие от Деларии, она побелела. Серых прядок осталось совсем мало, так, едва заметные тени в ее волосах и крыльях. Получается, она апгрейдилась накануне? Или...

- Долго я тут валяюсь? - заволновалась я.

- Часть ночи и весь день. Скоро ужин, - любезно улыбнулась Амила, невольно отправив меня в нокаут. - Не переживай, Кайя, к утру все будет в полном порядке!

Мягкий тон и даже толика нежности в глазах и голосе свекрови насторожили. Прежде она этим не страдала по отношению ко мне.

- Хочешь сока? - спросила она и протянула руку к бокалу на столике, притянула его голубой «плетью» и поднесла мне. - Я заметила, что ты предпочитаешь сок гуаши. Выпей, он очень полезный.

Рывком приподнявшись, я с наслаждением выпила сок. Действительно, сразу стало легче. Вернув бокал подскочившей ко мне Деларии, я со вздохом облегчения откинулась на подушки, которые она быстренько поправила. Амила продолжала поражать - смотрела на меня с почти материнской, вернее бабулиной, заботой, беспокоилась о моем здоровье.

Прочистив горло, я поблагодарила:

- Спасибо, Амила! Я тронута твоим вниманием, это так приятно...

- О, не обольщайся, Кайя! Йелли приказал мне присмотреть за тобой, - «успокоила» она, ехидно хмыкнув.

- Твоя жертва просто неоценима! - уныло похвалила я.

Тем не менее настроение сразу вернулось: привычная свекровь-ведьма мне знакома, как с ней себя вести, тоже приблизительно знаю. А вот ласковая и мягкая - как обезьяна с гранатой, не знаешь, когда и где подорвет.

Но Амила умеет удивлять. Она спрятала крылья, удобнее уселась в кресле и, сложив перед собой пальцы домиком, спросила:

- Кайя, полагаю, увидев нас, у тебя возникли вопросы?

- Вы не представляете, как много! - улыбнулась я грустно. - Ты вновь практически белая? - Затем вспомнила Ниола с белоснежными крыльями и добавила: - Ниол тоже изменился.

Загадочно улыбнувшись, идеально причесанная Амила неосознанно поправила белый локон, который вчера был серым, и совершенно без ехидства пояснила:

- Да, благодаря тебе! Нападение, смерть, предательство настолько сильно потрясли тебя, что спровоцировали третий переход.

- Но после второго перехода, наоборот, было легко, словно я заново родилась, а сейчас такое ощущение, что на мне слон потоптался.

- Я не знаю, кто такой слон. Дело в том, что ситуации бывают различные. Тогда погибла Лаиша. Умирая, шаазы выпускают всю свою магию. Да, девочка была слишком юной и еще не полностью созревшей, но даже она помогла тебе достаточно легко совершить переход и значительно расширить собственный резерв. К тому же второй переход обычно бывает у детей в возрасте восьми - десяти лет. Их магия не столь сильна, а резерв невелик, поэтому тебе всего хватило.

- Но Йелли сказал, что для третьего перехода слишком рано и...

- Нет строго установленных временных перерывов. Есть средние значения, но у каждого рода они разнятся в зависимости от силы и многих других факторов. В твоем случае имеет место принудительное взросление. Магия защищала хозяйку от эмоционального выгорания, поэтому так скоро начался следующий этап взросления. Причем за счет собственных сил, прилично оскудевших, когда ты неконтролируемым потоком вливала их в стену, защищая моего сына.

- А как тогда, если без сил и...

- Третий переход - это преддверие полного раскрытия и созревания магии, подготовка всех энергетических каналов, максимальное расширение резерва. Самый энергоемкий и сложный период! В этот момент внутри у леары все перестраивается, меняется, буквально заново рождается магия и происходит ее всплеск. У белых он столь силен, что может вызвать природные катастрофы. Остановить его невозможно - только удержать, закрыв куполом, что и делают родители или опекуны. И те, кто оказался рядом, особенно внутри купола, принимают часть всплеска на себя. Усваивают! В редких случаях, к примеру, если взрослеет сильная шааза, можно в процессе перехода расширить и собственный резерв. Или, как в нашем с Ниолом случае, вернуть утраченное.

- То есть мы вместе «повзрослели» вчера? - пошутила я.

- Более чем, - улыбнулась Амила.

- И я тоже! - не утерпела похвастаться Делария, получив косой взгляд Амилы.

- Каким образом? - я посмотрела на свою «подопечную».

Ответила свекровь, под взглядом которой серокрылая опустила хитрые глазки и притихла:

- На моей памяти подобного ни разу не случилось, наверное, по той причине, что дураков привязывать черную к белой раньше не находилось.

- Я не совсем поняла, - нахохлилась я.

Делария, втянув голову в плечи, изображала немую и глухую - переживала за обретенную магию. Но исподтишка влюбленно поглядывала на свои посеревшие крылья, которые, несмотря на некоторое неудобство (сидела эта хитрюга на краешке стула), не спрятала.

- Твой неожиданный переход и ваша обоюдная связь спровоцировали первичный переход и у Деларии. Теперь она - полноценная шаа с собственным энергетическим резервом, правда пока с уровнем младенца. Но даже если ты разорвешь вашу связь, черной она больше не станет.

- И возможно, с твоим последним, четвертым, переходом я тоже стану полноценной, сильной серой, - восторженно выдохнула Делария, не в силах справиться с эмоциями.

Я улыбнулась бойкой шаа, порадовавшись, что ее мечты сбылись. Сбылись самым невероятным образом. Как в сказке!

- Если я позволю вам сохранить связь к тому моменту! - строго заявила Амила.

- Нет, только я решаю, как долго продлится наша связь! - не выдержала я. Это уже чересчур!

Делария сразу успокоилась, а Амила, кажется, ничуть не была задета моим «самоуправством», царственным жестом позволила:

- Неважно, в любом случае шаазату не помешает еще одна сильная серая леара. Тем более что ночью мы столько подданных потеряли из-за чужой глупости и жажды наживы.

Мысли и действия моей свекрови непостижимы. Мало того, Делария пытается подражать ее манере держаться. Даже в кресле сидит точь-в-точь как шааза, для чего ей все-таки пришлось втянуть свои драгоценные серые крылья. Забавно наблюдать, как бывшая ша стремится походить на шаазу, быть как она.

- Амила, неужели публичная казнь на площади была необходима? - спросила я глухо о том, что терзало меня, пока пикировалась с ней.

Шааза вскинулась, как перед дракой, но сдержалась, села ровнее и напряженно, с жаром ответила:

- Запомни! Здесь никто не терпит слабости. Слабости тебе никто не простит, не спустит, не пожалеет. Пока все видят, знают, что ты силен, - ты жив. И не просто небо коптишь, а живешь так, как хочешь и можешь! Если ты проявишь слабость - тебя сразу сожрут! А мы, род Арэнк, отвечаем за весь шаазат, за всех, доверивших нам свои жизни!

- Но шаазат - это лишь дворец и его...

- Глупая! - рыкнула Амила, вскакивая с кресла, затем потерла ладони, наверное, «успокаивала» магию, передумав хлестать меня плетьюми. - Ладно, шаа Фэй еще не успел тебе разъяснить основы. Шаазат - это не дворец! Дворец - главное представительство в Ларане! Это отражение нашего места в иерархии, мы - вторые, и это видно всем и каждому! Шаазат включает в себя земли, множество богатых родов, которые возглавляют менее сильные леары, и отдельные семьи. Касаемо нас: Арэнк - не только название шаазата, это имя самого сильного рода, семьи эрата. Мы создали второй шаазат, он носит имя Арэнк несколько тысяч лет! Но если бы нас всех вчера убили, шаазат достался бы следующему, самому сильному леару. Возможно, Арэнку из другой ветви наследования. А может, и нет! И тогда второй шаазат сменил бы имя и сразу же потерял позицию в иерархии Леарата. Ведь в Совет Девяти могут входить лишь те, кто серый не более чем на четверть. Но при этом шаазат сохранил бы все свои земли и

богатства, только под управлением семьи другого, нового эрата!

- То есть шаазат - это такое специфическое территориальное образование, которое включает разные роды и семьи? А управляет и владеет всеми территориями только эрат?

- Да, почти так. Хотя территории, которые принадлежат одному шаазату, могут быть в совершенно разных частях Леарата. Управляют и владеют этими землями доверенные эрату леары - главы, которые свой пост и владения могут передавать по наследству. Но если кто-то из глав утратит доверие эрата, то запросто может лишиться всего.

Из сказанного бывшей «первой леди» следовало, что шаазаты - местные княжества, где князь-эрат - самый главный и может назначать и выделять земли всяким «баронам». И в случае чего лишать «баронства» неугодных.

- Я правильно поняла: вчера была попытка силовой смены власти? Раз эратом может стать любой, лишь бы магически сильный?

Гнев Амилы выдохся так же быстро, как и возник. Она глубоко вздохнула, сцепила тонкие изящные пальцы в перстнях и призналась, буквально исходя желчью и яростью:

- Вчера убили больше сорока наших шаа и ша. Обычные леары: горничные, кухарки, пара моих помощниц и портниха. Охрана дворца. Черных убивали, серых еще и выпивали перед нападением на нас. Убили одиноких и семейных... наших родственников, убивали тех, кто пытался поднять шум, и тех, кто спал не на своем месте, выпив лишнего. А ведь все мы считали, что дом - наша надежнейшая защита! Но нашлись предатели, которые обманули и взломали защитные заклинания, пустили сюда врагов. Таких же отщепенцев, убийц, проклятых теперь даже своими родными!

- Что теперь с защитой? - крикнула я, кровать перестала казаться уютным островком.

- Сын с Ниолом восстановили ее еще ночью, - успокоила меня Амила. - Твой всплеск энергии полностью очистил Йелли от магии хаоши и основательно прибавил сил нам всем. Даже исцеление прошло за мгновения. Затем я занялась тобой, а они решали насущные проблемы. Ночью подняли всех жителей дворца, каждый принес клятву крови в верности роду Арэнк и преданности шаазату. Утром у нас был список нападавших. Двадцать восемь из них были из шаазата Арэнк, еще тридцать один - из двух других шаазатов, третьего и четвертого. Керук и Тито без проволочек выдали нам преступников с их семьями.

- Прямо ударно поработали, - буркнула я.

- Да, - согласилась Амила, глядя мимо меня. Я заметила серые тени у нее под глазами и затаенную боль. - К полудню шаэр сам вызвался начать церемонию наказания и первых преступников и их семьи казнил лично...

- В назидание другим? - тихо спросила я, вспомнив ее горькие слова. - Чтобы неповадно было?

Амила Наверняка устала и глаз с ночи не сомкнула, но виду не подавала - прекрасна и бодра; взглянула на меня красивыми голубыми глазами, чуть нахмурилась, но кивнула, пояснив:

- Такого хорошо организованного, многочисленного нападения не было уже лет триста. Время от времени убивали по одному, ну по двое, выдавая за несчастный случай или происки врагов из других стран. Разное случалось. Но открытые военные действия против высшего рода верховного шаазата - это переходит все границы!

- Йелли говорил, что Хтон - не главный, за ними кто-то стоит, - вспомнила я.

Амила расстроено поморщилась и сухо пояснила:

- Точно пока неизвестно. Возможно, это был анклав заговорщиков. Всегда были, есть и будут серые, которые недовольны своим более низким положением в обществе. Периодически эраты с помощью преданных подданных находят подобные тайные общества и уничтожают. У некоторых шаа жажда власти так горит, что в одном месте аж

подгорает. Может быть, за ними стоит кто-то из белых. Но тому, кто вчера натравил на нас недовольных, хватило для обострения ситуации всего лишь ничьей белой шаазы. Пришелицы из другого мира, которая неожиданно вошла во второй шаазат и может усилить род Арэнк!

- О-о-о... я виновата, что...

Амила вскинула руку, останавливая мое нытье:

- Нет! Ты - следствие, причина в другом! Раньше эратом мог стать исключительно белый шааз, но нас становится меньше, а магия слабеет. Сейчас уже больше половины шаазатов возглавляют большей частью серые эраты. Пройдет еще несколько столетий и белых, возможно, не останется вовсе. Но власти хочется всем! Белые шаазы грызутся за абсолютную власть. Чем меньше сильных конкурентов, тем выше положение эрата, ближе к Кристальному дворцу. Это значит: никаких ограничений, абсолютное всевластие! Серые эраты пока дерутся за лишние земли, богатства и сферы влияния, скорее, как апики и аяши, как торговцы. Большая часть земель и богатств именно у девяти верховных шаазатов, а значит - против нас постоянно плетутся интриги и козни мелких соседей. В общем, белые гибнут часто. То от рук своих, то от серых. А рождаемся мы все реже, ведь встретить пару так сложно, а потерять магию, чтобы получить хоть одного наследника, так легко. Наша жизнь и уклад меняются незримо, но заметно нам, долгоживущим!

- Амила, вы с Ниолом теперь снова белые и можете завести еще одного ребенка, наверное, - робко улыбнулась я, необдуманно намекнув на выход из ситуации.

Шааза застыла, словно эта идея ей в голову не приходила. Уголки ее рта дрогнули в намечающейся улыбке, но она так и не показалась.

- Возможно, мы решимся на это когда-нибудь. Но только в крайнем случае. Если с тобой что-то случится!

- А почему именно со мной? - воспротивилась я.

Амила глянула на меня холодно:

- Ты забрала верность Йелли, а значит, если тебя убьют, он не сможет получить наследника даже с помощью ритуала. Хотя истинные все равно друг без друга долго не живут. Энергетическую связь супругов слишком сложно разорвать, а многие и не хотят...

А если с Йелли что-то случится, что станет со мной?

Амила подумала и добавила «приятных» ощущений:

- Кайя, тот, кто возглавлял заговорщиков, преследовал несколько целей. Повезет: разом обезглавит второй шаазат и сможет прибрать его к рукам. Не повезет... Видимо, рассчитывал покончить с тобой или Йелли. Если бы погибла ты, главная цель - обезглавить шаазат - все равно была бы достигнута. Йелли связан с тобой магией и верностью и умер бы довольно скоро. А мы... нам пришлось бы отдать всю магию в ритуале, чтобы родить еще одного наследника. В общем, если бы ты оказалась слабее, менее доброй, - Амила насмешливо улыбнулась, - или менее заинтересованной моим сыном и не защитила бы его, то будущего у нас не было бы в любом случае. Но наш враг не учел тебя в своем раскладе - и просчитался. Ты не переживай, мы найдем его. Обязательно найдем, это дело жизни и чести!

- Уверена, у нас получится, - решила я подбодрить воинственную и, конечно же, расстроенную свекровь.

- Делария тебе поможет привести себя в порядок. Пока отдыхай. Все важное оставь на завтра, когда резерв восстановится.

- Хорошо, так и сделаю, - заверила я, втайне радуясь, что свекровь собралась оставить меня в покое.

Амила осмотрела меня странным, оценивающим взглядом, как если бы изменила мнение

о чем-то, переосмыслила, затем перевела его на Деларию и ушла. Даже моя мама не смогла бы так пройти! Даже не шла, а ступала, казалось, не касаясь пола. Смешно, но стоило закрыться за ней дверям, мы с экс-любовницей моего мужа одновременно облегченно выдохнули.

Глава 2

Зачем мне нужны тень и телевидение

- Тебе лучше встать и привести себя в порядок перед приходом супруга! - категорично заявила Делария, едва за Амилой закрылись двери. Мне дар речи на несколько секунд отказал, а она наставительно добавила: - Эрат не любит, когда женщина...

Преодолев чудовищную слабость, я села и ледяным тоном оборвала нахалку:

- Я больше чем уверена, ты даже представления не имеешь, что Йелли любит, а что нет! Две недели ваших, хм-м... коротких контактов проходили явно не с целью общения на тему его жизненных предпочтений и интересов. Поэтому никогда не смей при мне его обсуждать или давать ценные советы, как себя вести с собственным мужем!

- Ты мало знаешь о...

Я одарила ее коронным папиным взглядом «еще слово - и ты труп». Подействовало! Затем решила расставить все точки над «ё» - мне одной ведьмы-командирши здесь за глаза хватает, чтобы позволить им плодиться на мою голову. Тем более терпеть бывшую любовницу мужа. Эх, не ищу я легких путей. Должна же была ситуация с Машкой хоть чему-то научить, но, кажется, я вновь наступаю на одни и те же грабли, поэтому, взяв официально-холодный тон, заявила:

- Делария, давай сразу проясним важные условия наших взаимоотношений. Первое: я уже достаточно взрослая, чтобы самой отвечать за свою жизнь и решения. И командиры мне не нужны. Второе: так уж вышло, что главная в этом доме - я, хоть и под присмотром Амилы. Пока. Поэтому твои наставления мне точно не нужны! А если потребуется совет, то я обязательно обращусь за ним... к более опытному.

Шаа слушала с прямой спиной, словно сжатая пружина, и сверлила меня возмущенным полночным взглядом. Единственное, что в ней не «посерело», - глаза. Они по-прежнему были очень яркими, раскосыми и красивыми.

- Хорошо, шааза, я поняла, - произнесла она глухо.

- Мне нужна спутница, которая ответит на вопросы, заданные мной, - продолжила я, смягчив строгий тон. - Помощница, в конце концов. Подруга, а не руководитель! Верная и надежная.

Делария заметно расслабилась, изящно оперлась локтем о подлокотник и веско заметила:

- В отличие от большинства служащих дворца, я дала расширенную клятву верности и преданности. Не только роду Арэнк, а тебе лично!

- Да-а-а?.. Когда это? - опешила я.

Почувствовав себя более сведущей и на шаг впереди, моя несостоявшаяся начальница не сдержала самодовольную ухмылку:

- Еще утром, когда тебя сюда перенесли из ваших разгромленных покоев. Шаазы, прежде чем уйти по делам, заставили меня поклясться, что твоя жизнь будет важнее моей. Поэтому твои благополучие и жизнь теперь для меня на первом месте. Мы связаны не только магией, но и клятвой.

- Странно, что Амила позволила, - удивилась я. - Меня она вчера чуть не расчленила за раздачу магии направо и налево.

Делария нервно повела плечами и радостно сообщила:

- Ох, шааза Кайя, если бы не нападение, меня бы точно расчленили. А так повезло просто. Когда тебя сюда принесли, мне приказали заблокировать связь, но я осталась серой! Шаазы втроем посовещались недолго, затем приказа... сделали мне предложение, от которого никто бы в здравом уме не отказался. Так возвыситься...

- А как ты тут с утра оказалась? Так рано? - я подозрительно уставилась на нее.

Карьеристка с видом оскорбленной невинности закатила глаза, поморщилась и смущенно призналась:

- Я ночевала во дворце! Надеялась с утра прийти к тебе и пробиться в помощницы.

- Пробиться? - удивилась я.

От смущения шаа не осталось и следа. Эта всезнайка быстренько меня просветила по части леарских дворцовых традиций:

- Какая же ты наивная! Если бы не злосчастное нападение, с утра у твоих покоев толпились десятки шаа, чтобы попытаться возвыситься - получить при главной шаазе Арэнк теплое местечко, продвинуться в иерархии, улучшить положение и...

- Я поняла, спасибо, - вздохнула я, останавливая рассказчицу, а потом нервно уточнила: - Значит, нам это еще предстоит?

Делария цвела и пахла от удовольствия:

- О да! Завтра или послезавтра тебе придется объявить о наборе личной прислуги. Портнихи, горничные, голоса шаазы и...

- Кто? Голоса? - Моему удивлению не было предела.

- Да, использовать повсеместно ледаю невозможно. Снежные вестники служат для связи с избранным кругом. Поэтому каждый эрат и его родные имеют «голоса». Это назначенный вестник, который выполняет личные распоряжения хозяина, призывает в назначенный час или сообщает волю хозяина. Это очень важная должность, у голосов огромные полномочия, но таких служащих нужно выбирать очень осторожно. И клятву они дают не менее расширенную, чем тени.

- Тени? - устало уточнила я.

Делария хоть и улыбалась, но в ее глазах мелькнула неуверенность, когда она ответила:

- Да, тени. Те, кто всегда за спиной шаазы для любых задач и услуг. Тени никогда не предадут, они абсолютно верны! Хозяина с тенью связывают узы магии. Твоя тень - я! Ведь мы уже связаны магией, и мне позволили... назначили твоей тенью.

Я окинула девушку взглядом, действительно тень, серая, даже чересчур. Протянула ей руку, предложив:

- Хорошо, давай скрепим наш союз.

- Тебе пока нельзя делиться силой, - строго, как доктор больному, запретила Делария. - Ты сейчас пустая, как чернокрылая. Я же говорю, эрат заставил меня временно блокировать нашу связь, чтобы ты восстановилась быстрее.

Я с досадой шлепнула себя по лбу:

- Черт, совершенно вылетело из головы, что мое прикосновение может сорвать у других крышу от удовольствия.

- Ты так забавно, непривычно выражаешься! - по-девчоночьи хихикнула Делария и вернулась к наставлениям: - У серых от прикосновений эйфории не бывает. А вот черные, даже если рядом находятся, радуются и наслаждаются. Просто до этого ты была совсем, хм-м... юной, поэтому не особенно влияла. После четвертого перехода и полного раскрытия ты поймешь, насколько сильно действуешь на окружающих. Во дворце чернокрылые служат на нижних ярусах, чтобы, как ты сказала, крышу не рвало от счастья. Выше работают серые, причем чем ближе к шаазам, тем светлее.

Откинув простыню, я поправила сбившуюся ночную сорочку, вспомнив, что вчера была в другой одежде, испорченной в бою. Оттолкнувшись от кровати, с трудом встала. Голова кружилась и очень хотелось есть. Голод последние месяцы меня постоянно преследовал, и временами - нестерпимый.

- Я в ванную, а ты попроси, пожалуйста, накрыть нам стол, есть хочу.

- Нам? - осторожно переспросила Делария.

Она подалась ко мне, словно не верила тому, что слышит.

- Э-э-э... разве тебе нельзя есть со мной за одним столом? - поинтересовалась я.

- Можно, но это высшая степень доверия и благоволения, - уныло пояснила Делария, поняв, что я просто не знала очередных нюансов этикета.

Призадумавшись о благоволениях для бывшей любовницы моего мужа, ставшей моей тенью и магрещипиентом, я, твердо взглянув ей в глаза, поставила жесткое условие:

- Если ты никогда и ни при каких обстоятельствах не посягнешь на моего мужа и...

Делария фыркнула:

- Да нужна я ему, как шаазу шерстяная шапка апики в Кристальном дворце! Скажешь тоже. Я вообще удивляюсь, как мне смелости... да чего уж там, глупости хватило приблизиться к нему. И пережить эти две недели... только на одном упрямстве. Видимо, великие лары специально ненадолго забрали у меня разум, чтобы чуть позже одарить... тобой!

Я с улыбкой покачала головой: неужели кого-то можно наградить мной, вот рассмешила. Делария напомнила мне третью папину жену. Та блондинка любила весь мир, но особенно себя в нем. При этом была по-своему доброй, искренней, немного глуповатой, на бабушкин взгляд. Про таких на родине говорили со снисходительной улыбкой: «Прелесть какая дурочка!» А не зло шипели: «Ужас какая дура».

Тем временем «прелесть какая дурочка» решила уточнить:

- Шааза Кайя, можно спросить? - Я кивнула, обернувшись от двери в ванную. - Эрат такой... такой жуткий... в общем... не понимаю я: зачем? Зачем ты забрала у него верность? Ведь теперь тебе придется терпеть его близость... каждый день...

В ее голосе было столько страха и неприязни, что я замерла в изумлении. Странная мысль, что Йелли незаслуженно обидели, засвербела в душе, поэтому ответила, снисходительно усмехнувшись:

- Одна очень умная женщина из моего мира сказала: «Хранить верность - это достоинство, познать верность - это честь!»

Делария нисколько не прониклась классикой моей родины. Пожав плечами, она встала, направляясь ко мне:

- По мне, верность порой лишняя, а частенько и непосильная обязанность!

Я хотела уколоть ее и уже собралась выдать ироничное «фи», но вспомнила Игоря и Марию. Верность для него действительно оказалось непосильной обязанностью, поэтому промолчала. Открыла дверь в ванную и шагнула в более вычурное помещение, чем в наших с Йелли покоях. Делария попыталась пройти вслед за мной. Я подняла руку, останавливая ее, и строго предупредила:

- Нет-нет, я привыкла заниматься столь интимными делами в одиночестве. Я ненадолго... постараюсь.

Плескалась я, наверное, полчаса, все-таки нет тут замечательных душевых и прочих банных прелестей. Но выходила довольная, благоухающая, чистенькая и зверски голодная. С улыбкой отметила, как Делария командовала шаа, накрывавшими стол на террасе. Если бы не темные волосы и серый наряд, можно было бы подумать, что передо мной клон Амилы. Увидев меня, русоволосые девушки почтительно закрывали лица, а потом поедали глазами, явно надеясь понравиться, укрепиться в моей памяти. Теперь понятно для чего: все открыто и откровенно метят на лучшие места в леарском обществе, ну и вакансия вкусная открылась.

Утолив первый голод, отдав должное хорошей кухне и огромному выбору фруктов или овощей (пока не знаю, что из них что), я спросила у Деларии, евшей тоже с огромным удовольствием:

- Может, расскажешь о себе? Как случилось, что ты решилась «постареть»?

Она поморщилась, вымученно улыбнулась, а потом, немного наигранно откинувшись на спинку кресла, начала рассказывать:

- К сожалению, моя история мало чем интересна. Я сирота, родители погибли. Отец - под обвалом в шахтах, в Блаке, а мать... тоже погибла. Папу она любила больше, чем меня. - Кажется, мама у Деларии совершила суицид. - В Ларане верховные шаазаты держат приюты для детей, вот там меня до двенадцати лет и воспитывали. Потом отправили на работу, сначала в одно место, потом в другое... В восемнадцать я попала в горничные в поместье рода Люверно; Хтон - младший брат наследника главы. Он показался мне тогда таким... таким умным, сильным, красивым, что просто забыла, кто он, а кто я. Я старалась, так сильно старалась, чтобы он заметил меня, выделил. Мечтала, чтобы полюбил. Ну и пусть бы я рано умерла, но тогда считала, что его любовь стоит всего на свете. Даже моей жизни.

- А он не оценил, - посочувствовала я.

- Он просто не замечал. - Делария отвернулась и грустно смотрела на светлячков, разгонявших наступающие сумерки. - Я крутилась изо всех сил: за четыре года пробилась в старшие горничные, потом - в личные помощницы хозяйки. Тогда он меня и заметил, на пару ночей. Забрал невинность, получил мои признания в любви - и выгнал взашей из своей спальни.

- И тогда...

- Было так больно, обидно, я не знала, что делать со своими чувствами и как отомстить или вернуть его внимание, и... совершила еще большую глупость! Задумала соблазнить эрата, чтобы стать богатой и важной! Хтон последнее время, как безумный, пробивался в личную охрану семьи Арэнк, поэтому я решила: сведу с ума шааза Йелли и попрошу его выгнать Хтона. И тогда он сам приползет просить у меня прощения и... милости. А я...

- А ты? - я подперла кулаком щеку, в сущности, зная о концовке истории, но решив, что лучше узнать из первых уст.

- О, я не только пустышка, о чем не раз говорил Хтон. Я вообще ничто! Мечтала соблазнить? Властвовать умами мужчин? Ха! Мне потребовалось четыре года, чтобы привлечь Хтона, а его внимания хватило на пару ночей. Эрат меня выкинул из кровати сразу же, как приبلудного тошика, когда я тайком пробралась в его покои впервые. Представь, сколько безрассудства и смелости нужно, чтобы решиться на связь с эратом. О нем ходит очень жуткая молва, как о суровом и очень жестком шаазе. Я лежала в его пустой кровати и тряслась от страха. А он лишь взглянул раз - и за шкурку прочь, на террасу... Потом я умоляла его оставить меня хоть ненадолго, наврала, что мне лары во сне это приказали. А кто из леаров рискнет не выполнить волю ларов? Я даже не думала, что эрат настолько силен и моих жизненных сил практически ни на что не хватит. Что он такой... холодный. Хотя... может, это было наказание ларов за вранье.

- То есть ваши отношения с Йелли...

- Наши несуществующие отношения завершились гораздо раньше, чем он встретил тебя, шааза. Просто я снова... наврала всем, что он увлечен мной и околдован. Вчера я с трудом попала к нему в кабинет и попыталась добиться какой-нибудь должности во дворе. Он отказал. Я в ногах валялась, а он лишь деньги предложил в качестве подъемных - не захотел портить настроение жене. Так все глупо вышло, неправильно. Но меня будто кто в спину толкал, гадкий и дурной. Дергал за язык... стыдно, но не исправить уже.

Я наблюдала за Деларией. Рассказывая об особо грустных и неприглядных событиях, она явно играла веселую самоиронию, улыбалась, помогала себе жестами. Если бы я не жила с несколькими актрисами в одном доме почти всю сознательную жизнь, могла бы ошибиться в эмоциях этой леары. Но я четко видела, что веселости в ней ни на грош нет.

Самобичевание – да, уязвленные самолюбие и гордость – да, стыд – с лихвой. Вот это актриса!

Я крутила бокал с соком в руках, откинувшись в кресле, внимательно слушая и разглядывая ее. А в голове появилась и неотступно свербела совершенно безумная идея. Что же, почему бы и нет? Чем не занятие для юной по местным меркам шаазы, когда все бразды правления находятся в руках более старшей?

– Чего ты хочешь от жизни? Только скажи хоть раз абсолютно честно! – предложила я Деларии, очень пристально вглядываясь в ее глаза.

И она не подвела:

– Быть известной... уважаемой... богатой...

– Короче, ты хочешь славы и денег? – хихикнула я.

– Можно и так сказать, – смутилась моя тень.

– В моем мире есть такой... вид искусства, деятельности – телевидение. Почти как ваша леда, только круглые сутки показывает интересные программы.

– Моих сил на ледаю не хватит, – приуныла она.

– А моих – да! – подняла я указательный палец вверх. – Мы сделаем тебя великой актрисой, звездой телевидения!

– Звездой... этого теловидения... зачем? – опасно уточнила она. – Может, не надо, я...

Я махнула рукой с досадой:

– В общем, создадим свой телек. Звезда у нас уже есть, осталось только выбрать интересный сюжет и набрать других актеров. А потом покажем всем жителям шаазата нашу постановку и...

– Ой, а что скажет шааза Амила? – всплеснув руками, забеспокоилась Делария.

Я постучала пальцами по столу – и решительно отмела любые «нет»:

– Это я беру на себя. А ты набери труппу леаров – десять мужчин и женщин. И найди здесь светлое, просторное помещение.

– Труппы? Целых десять штук? – вытаращилась она на меня.

Чуть не плюнув с досады, я пояснила, что представляет собой актерская труппа. Идея начала стремительно обрастать подробностями, а энтузиазм – фонтанировать. Делария прямо светилась от радости и робкого предвкушения.

– Только знаешь что, – встrepенулась я, – для звезды у тебя имя длинное, давай сократим. К примеру, Делла тень Арэнк. Звучит?

Агатовые глаза новоиспеченной Деллы заискрились ярче черных бриллиантов.

– Еще как звучит!

– Значит, завтра с тебя к полудню группа леаров, согласных играть в нашей постановке. И помещение! С меня – идеи и руководство...

В этот торжественный момент рождения в Мире телевидения и кино на террасу приземлился Йелли. Весь в белом. Наверное, как был на площади, так и не переодевался. Я замерла, во все глаза разглядывая мужа: высокий, стройный, буквально пронизанный силой и властью с головы до ног! Пока он шел к нам, спрятал крылья, перестав походить на ангела, но не потеряв и толики невероятно мощной ауры хозяина жизни.

Белые брюки и рубашка мягко облегают его мускулистое тело. Золотистая от загара кожа, блестящие белоснежные волосы и брови, удивительно прозрачные глаза,

пронзительные, голубые. Сжатые в тонкую линию губы и глубокая, ярко выраженная ямочка на подбородке. Мой муж!

Белая прядка упала ему на лоб, прикрыв глаз; у меня руки зачесались, до чего захотелось убрать ее и еще – пожалеть, ведь я видела, какой ценой далось ему восстановление порядка не только в шаазате, но и в Леарате.

Делла сразу вскочила, закрыв лицо ладонью, затем глазами попросила у меня разрешения уйти и – сбежала, словно мышка от голодного кота.

– Не понимаю: зачем ты решила ее приблизить? Была возможность сразу все исправить, – спокойно, но с легкой досадой спросил Йелли, присаживаясь на освободившийся стул рядом со мной.

Я пожала плечами, устроилась поудобнее, подобрав ступни под себя, и предложила:

– Будешь ужинать?

– Нет, я только что поел с родителями. Они сказали, что ты сейчас отдыхаешь, приходишь в себя.

Йелли устал, очень заметно устал. Темные круги еще сильнее подчеркнули слишком светлые глаза, придав им опасного блеска. Но мне больше не страшно. Наоборот, в очередной раз чуть не умерев, я решила брать от жизни все и по полной, не откладывая на потом. А то ведь может и не случиться. Муж сел напротив, внимательно, чуть сощурившись, прошелся взглядом по моей фигуре. Криво усмехнулся и похлопал по коленям:

– Иди ко мне!

Я хмыкнула, подалась вперед и, положив локти на стол, с некоторой веселой иронией спросила:

– Знаешь, твоя ситуация выглядит немного странно.

– Какая именно? – удивился он.

– Для моего бывшего мира более чем странно, когда взрослый мужчина живет с родителями. И предпочитает ужинать с ними, а не с молодой женой... Там бы такого посчитали незрелым маменькиным сынком!

Йелли весело расхохотался, запрокинув голову, и потом, кажется, нисколько не обидевшись, ответил:

– К счастью, в нашем мире мы живем родами. У нас принято совместное проживание сразу нескольких семей. Если откровенно, то мама выразила опасение, что после казни ты могла решить, будто я чудовище, и попытаться сбежать. Она просила дать тебе время успокоиться и... забыть об этом.

Я поморщилась, вновь откидываясь на спинку кресла, в котором уютненько уселась, согнув ноги в коленях, словно отгораживаясь от проблем. Но ответила честно:

– Йелли, я слишком мало знаю об этом мире, однако успела убедиться, что он не так прост и хорош, как хочется. К тому же была с тобой ночью и помню... знаю, что вас... нас предали. – Закусила губу от волнения, а потом призналась: – Я, если тоже откровенно, рада, что подобные решения и вопросы лежат не на мне. Могу лишь посочувствовать тебе.

Арэнк молча смотрел на меня, как и на Совете, когда я увидела его впервые; так же, как его мать, сложив пальцы домиком перед собой. А потом неожиданно глухо спросил:

– Почему ты спасла меня? Ведь могла сбежать? Или еще что-то придумать? Я заметил, что фантазия у тебя богатая и самобытная. Думаю, могло бы получиться...

Я машинально выпрямилась. Не обиделась на него, нет, ведь не раз и не два рассматривала вариант побега, – ощутила в хриповатом, будто простуженном,

бесстрастным голосе Йелли нотку заинтересованности, надежды, тайной, глубоко спрятанной. Но улыбнуться не решилась, зато ответила максимально откровенно, ведь мы впервые наедине беседовали по душам:

- Я не могла бросить чел... того, кто ценой своей жизни меня защищал. Больше того, когда ты проснулся, наверняка почуввав опасность, первым делом вытолкнул меня из-под удара.

- Не обольщайся, Кайя! Первым делом я подумал о тебе по той причине, что ты - будущее моего шаазата. Без тебя все остальное уже не имело бы смысла!

- Ты правда так думаешь? Совершенно искренне? - горько улыбнулась я. - А мне кажется, что во сне человек... леар за долю секунды не может думать рационально - действует на инстинктах. Ты рефлекторно сначала позаботился о моей жизни, о женщине рядом с собой, а потом уже подумал о себе и шаазате.

- Откуда ты знаешь?! - хмыкнул муж.

- Не знаю, могу лишь догадываться, что в той ситуации по-другому ты поступить не мог, - я настояла на своем.

Мы посидели молча пару минут, разглядывая друг друга. В глазах Йелли затеплились хороший интерес, прогнав ледяной, бездушный холод, и та самая надежда, которую он, несомненно, скрывал и не собирался кому-либо выдавать. Я умею видеть сквозь маски, опыт большой.

- Может, поделишься, о чем ты грустишь сейчас? - нарушил хрупкую тишину Йелли.

- Может, о моем вынужденном браке? Не по любви. - Я рисовала пальцем по мраморно-белой столешнице, искоса глядя на него.

- Знаешь, Кайя, в нашем мире очень высока цена счастья. Поверь, твоя цена за безопасную и благополучную жизнь не очень высокая. Всего лишь быть моей женой, - муж иронично улыбнулся уголками губ.

- Скажи, Йелли, я тебе хотя бы нравлюсь? Как женщина? - решила я на важный вопрос.

- Более чем! - До чего бесит его безэмоциональный ответ и неподвижная фигура! Сухарь!

- Твое красноречие меня порой поражает. Ты бываешь таким убедительным.

Он усмехнулся, неожиданно тепло и по-дружески:

- Я рад, что ты оценила мои старания. Идем спать, я слишком устал сегодня, чтобы вести длинные дискуссии. Хвала ларам, у нас для этого еще много времени.

Йелли встал и легко поднял меня на руки. Бережно уложил на кровать и присел рядом. Мы вновь смотрели в глаза друг другу: я - настороженно, опасаясь, что вот сейчас меня поставят перед фактом обязательного обмена сокровенными жидкостями, а он - просто рассматривал мое лицо, наверное.

Я тяжело вздохнула, в душе прекрасно понимая, что необходимо закрепить связь. Иначе мы оба будем по лезвию бритвы ходить. Не хочется повторения прошлой ночи. С другой стороны, вот как вынужденно переспать с вполне законным мужем, но пока еще практически незнакомцем? Внутри все переворачивалось.

А Йелли смотрел, проникая мне в душу, читая сомнения, впаиваясь в мои чувства, ощущения, завладевая мыслями. Затем с понимающей, даже немного грустной улыбкой произнес:

- Успокойся, сладкая, сегодня ты пустая, как ша, а завершение связи требует полного обмена энергией.

Простите меня, лары, но я не сдержала облегченного выдоха. Он покачал головой, еще

шире улыбаясь.

- Это не из-за тебя, - поспешила я успокоить его самолюбие и гордость. - Просто обязательные постельные игрища это... сложно.

- Игрища? - белые брови взлетели на лоб, а потом он меня добил: - Да ты шалунья!

Я было нахмурилась, но Йелли осторожно погладил меня по волосам, затем обхватил лицо ладонями и медленно, предоставив возможность отстраниться или отвернуться, наклонился и поцеловал. Не спеша, мягко, лаская каждый миллиметр моих губ, проник внутрь и углубил поцелуй. Не знаю, в какой момент я расслабилась полностью, растворилась в этом поцелуе, горячей волной побежавшем по моим венам. Йелли творил свое волшебство, ласкал мои губы своими, а руками знакомился с моим телом, заставляя его просыпаться, откликаться на прикосновения. Тянуться за ними...

- Нам будет хорошо вдвоем. Поверь! Я понял это сразу, как увидел тебя в зале Совета, с первого взгляда, - хрипло, напряженно выдохнул Йелли, неожиданно прервав волшебный поцелуй.

- Ты решил отдать за меня шахты до того, как узнал, что я твоя истинная, или после? - прошептала я, отчаянно желая получить заветный ответ.

- До, - не задумываясь, порадовал Йелли. И едва все не испортил, ухмыльнувшись, как бандит с большой дороги: - Когда я увидел знак избранности, то отдал бы за тебя и больше. Хорошо, что никто его не заметил!

После недолгих размышлений «финансовые» откровения мужа пришлись мне по душе. Если восемь советников и самых богатых леаров страны сочли, что шахты Блэк - огромная цена за невесту, значит, я ему действительно очень понравилась. Во всех отношениях.

Последовавшее затем раздевание Йелли я восприняла как короткий стриптиз и всю любовалась представлением. И даже не сопротивлялась, когда, улегшись рядом, он хозяйски притянул меня к себе под бок.

Глава 3

Единение

Розовый утренний свет Комка мягко пробрался под ресницы, заставляя проснуться. Открыв глаза, я сладко потянулась, всем телом ощущая что-то новое в себе, словно избавилась от тяжести целого мира. Усевшись на постели, огляделась и заинтересовалась еще спавшим рядом Йелли. Мой атлетически сложенный, большой мужчина вольно раскинулся на огромной кровати. Загорелая кожа на фоне белых простыней, чуть согнутая нога и такое истинно мужское узкое колено, переходящее в мускулистое бедро. Я не могла оторвать взгляд от красивой фигуры мужа, едва прикрытого простыней, а мое сердце ускорило бег.

Йелли тихо посапывал, лежа на спине, отвернувшись от меня, дав возможность беззастенчиво, неторопливо, подробно изучить его. Более острое ухо, чем привычно землянам. Необычайно белые растрепанные волосы, блестящие в утреннем свете подобно снегу. Такие же искрящиеся белизной брови и ресницы. Резкие скулы и чуть впалые щеки. Машинально протянула руку и, едва дыша, осторожно поправила прядку на высоком лбу, чтобы не лезла в глаза. До зуда в пальцах хотелось коснуться его золотистой гладкой груди, но остановилась, не решаясь. Ведь муж может проснуться, и тогда мое прикосновение послужит толчком, знаком к переходу на новый уровень. Отдернула руку, чтобы не передумать, и тихонько встала, прислушиваясь к звукам раннего утра и своим ощущениям.

Почему-то сейчас тонкая нежная ткань леарской «пижамы» ощущается особенно остро, касаясь вершинок груди, раздражая кожу, даже не так – скользит по коже, словно легкое прикосновение чужих пальцев. Наваждение какое-то!

Упрямо мотнув головой и потеряв лицо, я направилась в ванную. Да, воды вдоволь, еще бы самый обычный душ. Хотя... леары магичат с водой – вот бы направить ее вверх и постоять под освежающими струями. А пока, вымывшись в «полупоходных» условиях, я надела оставленный с вечера горничной наряд цвета свежей зелени. Топ и шаровары идеально сели, новые мюли порадовали тонкой кожей, мягко обнявшей стопу. Привычно собрала волосы в высокий хвост, закрепив на макушке красивой изумрудной заколкой, подаренной Амилой. Единственным моим украшением. Даже немного расстроилась их отсутствием. Поразмыслив, пристыдила себя: будет время – будут и радости. Какие мои годы?

Муж по-прежнему спал, а я, налив себе в стакан сока, вышла на террасу насладиться рассветом. Горы-исполины быстро окрашивались в розовый цвет, который заливал все вокруг, спускаясь в долину, к неспешно просыпавшейся зеленой, благодатной Ларане. Кристальный дворец на вершине буквально искрил, словно розовый бриллиант, – невероятное зрелище! К нижним ярусам дворцов на работу спешили серые и чернокрылые. Только мне почему-то было неуютно и одиноко, хоть и чувствовала себя прекрасно физически, в отличие от вчерашнего убийственного состояния «старая кляча».

Не знаю, сколько я так простояла, любуясь неповторимым ларанским восходом, зябко обняв себя за плечи и печально вздыхая. Вдруг на мои руки легли крепкие мужские ладони – и мне в собственном теле стало тесно и жарко. Хотелось выплеснуться, согреть собой все вокруг, заполнить.

– Снова грустишь? – шепло со сна прозвучал голос Йелли у меня над головой.

Жар его тела, а может, и магии, с которой я связана божественными узами, словно коконом окутывает меня, горяча кровь, заставляя ее бежать быстрее. Бодря и вызывая томительно чувственную жажду! Боги, ему даже не надо прикасаться ко мне, просто подойти – и я начинаю думать только о нем и ощущать его кожей. Моя сила действительно полностью восстановилась, раз так ярко и остро откликается на свою идеальную пару. Но... нужно быть честной с собой: я очень сомневаюсь, что это только магия неодолимо влечет, притягивает меня к мужу.

Обернувшись, я посмотрела ему в лицо:

- Да, немного. Доброе утро. Ваш мир такой необычный и по-своему красивый!

- Доброе...

Вместо обычных кожаных штанов, муж надел легкие свободные, которые низко сидели, точнее, держались на внушительном «честном слове». Да-а-а... Одно дело – видеть этого великолепного мужчину спящим, отстраненным, другое – смотреть на полуобнаженного, слишком горячего и сверлящего меня внимательным взглядом. Я смутилась и без резких движений, словно ничего «такого» не испытала, не видела, отвернулась и постаралась дышать спокойно, чтобы унять не согласившееся со мной сердце. Черт! Не девственница уже, и с Игорем у нас был довольно страстный секс, но впервые чувствовала себя неопытной, стыдливой девчонкой.

Затылком почувствовала, как мой великовозрастный и чересчур опытный муж насмешливо хмыкнул – все подметил! В следующую секунду он сдвинул ткань на моих плечах и начал медленно массировать, мягко, но настойчиво. Ловкие горячие пальцы пробежались по моей шее, ключицам, затем недвусмысленно забрались под топ, приласкали мою грудь. И опять, как в храме, золотистое облако полностью накрыло нас, сияло и переливалось, играло со светом Комка и нашей магией, приятно покаявая кожу, призывая... обещая...

Я всей спиной и ягодицами ощутила, как Йелли придвинулся и готов хоть сейчас! И вот вроде я тоже готова отдаться его молчаливому чувственному напору, но вот обязателька-ради-жизни мерзко засвербела в душе, мешая наслаждаться.

- Ты привыкнешь, я уверен.

- А?.. – я не сразу поняла, о чем речь, но, вспомнив про красоты Леарата, немного хрипло мурлыкнула: – Наверное, уже привыкла. Им невозможно не восхищаться.

Йелли начал поглаживать мои предплечья, его длинные красивые пальцы спустились к локтям, оставляя на коже возбужденные мурашки, затем неожиданно перебрались на живот... Муж довольно выдохнул мне в макушку, когда мои мышцы непроизвольно «испуганно» поджалась, пытаюсь отстраниться от горячей мужской ладони. очередной насмешливо снисходительный «хмык» – и его руки медленно, словно крадущиеся хищники, передвинулись на мои бедра, подобрались к сокровенному местечку, вызывая у меня горячий внутренний отклик. Напряжение от неумолимой развязки росло...

- У тебя были мужчины... до меня? – Йелли огорошил неожиданным вопросом, вырывая из чувственного плена своих рук и неги золотистого сияния.

Я облизала губы. Наверное, он заметил это неуловимое движение, развернул меня к себе, поднял мой подбородок, чтобы видеть глаза. Я сглотнула; кажется, ситуация становится еще более интимной и... непростой, чем ожидала. Совмещать секс и беседовать по душам – это слишком много. Ответила честно, ведь спросил мой муж навеки, да и скрывать особенно нечего:

- Да, один.

Голубые глаза Йелли потемнели, мне показалось, от удовольствия. Его рука застыла на моем животе, а второй он не давал мне отвернуться.

- Твой муж из другого мира? Ты страдаешь из-за него?

Я досадливо поморщилась: в сущности, я много страдала здесь из-за него, но не о нем печалилась. И спокойно пояснила:

- Нет, Игорь был моим женихом, а не мужем. В последнее время наши отношения изменились, и сюда я попала из-за его измены. Погибла для своего мира, как бы чудовищно это ни звучало.

- Измены? – Йелли едва заметно нахмурился, быстро окинул меня цепким взглядом, словно оценивал заново.

Пришлось рассказать все, как было. А было стыдно, горько и неловко. Еще объяснила в общих чертах, что такое самолеты и парашюты, как они выглядят. И кто мой отец, и чем

он занимается, и кто моя мать, и даже сколько было жен после нее. Рассказ вышел длинным, хоть и с кратким изложением фактов, но мы не сдвинулись с места, так и стояли, будто прилипли друг к другу. Я стрункой вытянулась вдоль его тела, глядя ему в глаза.

- Значит, вот откуда твое условие про верность?! – сухо подвел итог Йелли, выпуская меня из рук, давая призрачное ощущение свободы. – У отца девять жен, а избранник предпочел другую.

- Да, – с грустью призналась я. – Не хочу умереть и в этом мире, потому что моему мужу одной жены будет мало. Или потому, что встретит более красивую, идеальную, страстную...

Йелли мотнул головой и остановил меня, коснувшись пальцами губ. Мы вновь замерли, глядя друг на друга: высокий сильный мужчина и хрупкая уязвимая женщина. Никогда раньше я не ощущала себя такой маленькой и ранимой. Но и более защищенной, чем сейчас, никогда себя не чувствовала. Голос мужа звучал глухо, но настойчиво:

- Не в нашем случае, поверь! Думаю, ты уже успела разобраться, что у нас можно безоговорочно доверять только небольшому кругу близких, помимо родителей и пары, с кем связан магией и кровью. Встретить избранную – это для редких счастливиц и порой кажется недостижимой мечтой. Особенно для таких, как мы, – белых! Представь, что я испытал, когда увидел тебя на Совете.

- О... я могу только догадываться, – хрипло ответила я – горло перехватило от эмоций.

Йелли жадно следил взглядом за моими губами, а когда я замолчала, нежно погладил их пальцем и продолжил, глядя мне в глаза:

- Мы занимались самыми обычными делами, привычно ругались из-за очередной ерунды. Тут врывается голос шаэра и отвлекает его от «важного» занятия. – Слово «важного» было сказано с таким сарказмом, что стало весело. – Потом мы увидели тебя. Знаешь, я наблюдал за тобой все время. Да, новость об одинокой шаазе из другого мира поразила всех, но тогда я думал о другом. Белокрылая леара... избалована с рождения. В нас с молоком матери вкладывают чувство исключительности, избранности и вседозволенности. Магия дает нам красоту, силу, власть...

- А тут я – сероволосая и неидеальная, с двумя переходами, – подытожила я, спрятав за усмешкой досаду.

Йелли улыбнулся неожиданно мягко:

- Нет, я увидел совершенно необычную шаазу. Наши похожи на белоснежные сверкающие горные вершины, недоступные и холодные. Ты не идеальна, как истинная шааза, но гораздо более яркая, непосредственная, обаятельная – живая! И так похожа на маленький комочек – само средоточие жизни. Она так ярко горит в тебе, что это отметили все на Совете. И каждый захотел тебя в свой род! Горячий комочек чувств и жизни может согреть гораздо лучше, чем любая снежная вершина.

Наверняка я расплылась в глупейшей улыбке:

- Ты меня поэтому захотел?

- Да, захотел присвоить твой внутренний огонь, твою жажду жизни, неиссякаемый источник эмоций. Я устал от смертей, мне просто хочется жить, – непривычно покорно вздохнул Йелли и добавил: – Тем более, когда понял, кто ты для меня!

- И что теперь? – шепнула я с горячей надеждой на новые признания и чувства.

Муж притянул меня к себе, склонился и ткнулся носом в мою макушку, одной рукой прижал за плечи к своей груди, а второй скользнул под одежду и начал ласкать мою грудь, хрипло шепча мне на ухо:

- Теперь все будет хорошо!..

- Нас могут увидеть... – я не менее хрипло попыталась остановить откровенное

соблазнение.

- Пойдем в покои, - скрипучим, полным желания голосом предложил муж, отпустив мои плечи, твердо, собственнически, нетерпеливо сжимая мои бедра и ягодицы, сминая ткань и прижимая к своему возбужденному телу.

- Я... - даже не знала, о чем хотела сказать, растерявшись от быстрого перехода от признаний и откровений к интиму.

Йелли вновь резко развернул меня к себе и под моим ошарашенным взглядом создал ледяной кирпич. Поставил меня на него, чтобы повыше была, наверное. Его потемневшие глаза горели яростным голубым огнем.

- Два дня, которые я тебе дал на привыкание, прошли. Теперь ты моя целиком! - выдохнул он мне в губы, жадно целуя.

- Да, но я думала, что...

Возможно, все бы свершилось здесь и сейчас, потому что от вкуса его губ, собственного напора и жара во мне все бурлило от желания, но совершенно неожиданно Йелли решил проявить красноречие, так сказать. Видимо, чтобы уговорить неуступчивую шаазу на обмен сокровенными жидкостями для завершения связи. Будь оно все неладно! Обнял мое лицо ладонями и, покрывая его поцелуями, обещал:

- Утро потратим на себя. Потом ты будешь нужна в наших покоях, там делают ремонт, и ты выскажешь свои пожелания. У тебя другие цветовые предпочтения. Заодно покажу твою сокровищницу. Она полна драгоценных украшений, камней для нарядов и...

- Прямо бесит! - выпалила я, с трудом отстраняясь от мужа.

Он замер и недоуменно переспросил:

- Что тебя бесит?

Я с досадой поморщилась, признаваясь:

- Что попала в ситуацию, когда меня уговаривают на секс с помощью сокровищницы. Это так пошло и продажно звучит... хоть от этого и зависят наши жизни. Ненавижу подобные вещи.

Йелли выпрямился, сразу став таким громадным и ледяным, а затем с глухой яростью выдал:

- Кайя, я тебя уже почти ненавижу, хотя никогда ранее не испытывал столь сильных чувств!

- За что? - опешила я.

- За то, что должен стоять тут и упрашивать собственную жену на тот самый секс. Была бы возможность, я бы тебе лет сто на раздумья дал! - прохрипел он и добавил с горькой иронией: - Видно, мироздание пошутило, определив мне в идеальную пару нытика!

- Да ты только что меня сам комком жизни называл! - возмутилась я.

- Да, комок вечного нытья и жалоб! - рыкнул Йелли, потом, подняв глаза к небу, выдохнул: - О лары, чем я мог вас настолько прогневить?

- Может, все-таки надо было плюнуть на алтарь? А ты пожадничал? - съязвила я.

- Надо было тебя еще там, на алтаре... только я не насильник! - прошипел он.

- Да ты... знаешь кто ты? Иди ты знаешь куда...

- Иду! - Йелли мгновенно закинул меня на плечо и, звонко хлопнув по заднице, бодро направился прочь с террасы.

- Отпусти! - завопила я. - Куда ты меня тащишь?

- Куда надо! - рявкнул Йелли. Открыл дверь и добавил мстительно: - Дам тебе новый повод для нытья и страданий! Можешь беситься сколько угодно.

Я колотила его по спине, отмечая, что мы идем, хорошо так отвечивая «избранностью» - считай, незавершенной связью, - по общему коридору. Стены кое-где еще пестрят выбоинами - последствия боя. А когда увидела ошарашенного Алела, который тенью устремился за нами, то тайком щипалась и пыталась улыбаться, изображая игрища с мужем. У-у-у... ненавижу-у...

Арэнк вошел в соседние покои, рыком выгнал темно-серых шаа, наводивших порядок в наших разгромленных комнатах. И, не останавливаясь, напрямик двинулся в огромную гардеробную. Там уже красовались мои новенькие разноцветные наряды, которые успели сшить и развесили, а кое-что разложили на полках. Не успела порадоваться такой оперативности местных модельеров и швей, Йелли без церемоний поставил меня на ноги у какой-то двери, схватил за руку и, приложив ладонь к этой двери, произнес фразу на леарском, а значит - тарабарщину вроде «сезам, откройся».

Через секунду дверь сама распахнулась. Большое помещение сразу залил яркий свет, напомнив о современных системах освещения на Земле. Неужели?! Под впечатлением от этого я прошла внутрь, окидывая взглядом множество полок вдоль стен, заставленных сотнями коробочек и бархатных подложек, заполненных драгоценностями и целыми горками сверкающих камней всех цветов. В центре сверкало гарнитурами потрясающей красоты несколько выставочных «грибов». Меня действительно принесли в сокровищницу.

- Обалдеть! - выдохнула я восхищенно. - Как ты это сделал?

- Это не я, - усмехнулся довольный произведенным эффектом владелец сокровищ. - Это еще мои предки и родители собирали...

- Я про освещение! - нетерпеливо махнула рукой, осматривая потолок и стены. - Как ты его таким ярким сделал? Здесь есть лампочки? Неужели электричество?

Молчание Йелли насторожило. Обернувшись и отметив его нехороший многозначительный прищур, я моментально нарисовала виноватую улыбку и предложила:

- Ладно, я же понимаю, что у мужчины могут быть свои секреты. Может, когда-нибудь расскажешь...

Йелли тряхнул головой, как необъезженный конь гривой, глядя на седло, и проскрежетал, явно с трудом удерживаясь от крепких выражений:

- Переодевайся, если надо! У тебя сегодня слишком много дел. - Он уже развернулся, в два шага оказавшись у двери, но остановился на пару мгновений и ядовито процедил: - Это теперь твоя сокровищница. Пользуйся... когда светом насладишься!

- Спасибо... - пролепетала уже в пустой дверной проем, чувствуя себя неловко, потоптавшись по мужскому эго!

Мужик явно на пределе! Сама-то хороша! Он старался: сокровищница для «любимого» нытика! Готовился... Впечатление производил! А тут я - непредсказуемая до неприличия - полцарства за лампочку. Попала пальцем в небо...

Я еще раз внимательно огляделась, уныло размышляя, как неудобно получилось. Мне вон сокровища к ногам бросают, а я - про электричество. Ну просто на миг почудилось, что включился свет, как в моей бывшей гардеробной автоматически зажегся при открытии двери, ведь это означало бы огромный прогресс в средневековом мире. А пока всего лишь четыре «шаровые молнии», сгустка магии, по углам сокровищницы, то есть никаких электрических чудес: все по-прежнему работает на простейшей магии. Жизнь полна разочарований!

Посмотревшись в узкое овальное зеркало, сиротливо стоящее в углу великолепной, богатой сокровищницы, я не согласилась с мнением мужа: «Нытик значит? Ладно, посмотрим!» Помнится, бабушка не раз предупреждала, что только юные глупышки думают, что парней можно бесконечно доводить до кипения, и те, как сказочные

рыцари, будут терпеливо сносить капризы и «милые» выходки. Щас-с...

До сегодняшнего дня нытиком меня еще не называли – вот что бесит! Теперь мои глаза отразили не унылую горечь, а фиалковый вызов. Дальше о насущном: зеленую «пижаму» нужно сменить на... к примеру, двойку из сиреневого шелка, которую заметила в гардеробной. Нежный сиреневый мне будет к лицу, сделает мои глаза еще ярче. Я внимательно осмотрела «грибы», прошла вдоль полок и выбрала гарнитур с изысканным и невероятно сложным плетением, с камешками, похожими на аметисты. Широкое ожерелье прикрыло декольте, одарив тяжелой прохладой. Длинные серьги, похожие на гроздь темного винограда, подчеркнули длинную стройную шею. Волосы я завязала узлом с помощью шпилек, украшенных такими же фиолетовыми камешками, выпустив несколько прядок. В довершение «аметистовые» браслеты гармонировали с голубым брачным.

В огромной гардеробной я прошла вдоль внушительных рядов полок (в моей бывшей их было значительно меньше), выбрала нужный наряд и сбросила зеленый. Осталось найти подходящее белье – и в этот момент Йелли угораздило вернуться! Неужели не все «комплименты» высказал? Быстро вошел в комнату и, увидев меня, встал как вкопанный. Влажные волосы, распахнутая жилетка – он мылся и переодевался в наших покоях.

Полыхнувший жадным, нет, жаждущим огнем взгляд Йелли прикипел к моему телу – скользил по груди, пробежался по длинным ногам и замер у моих бедер, словно не в силах оторваться. Я тоже замерла изваянием: жар, с которым мужчина меня осматривал, сделал со мной гораздо больше, чем любые слова. С подобным голодом на кого-нибудь не смотрят, нет. Так смотрят только на того, кого желают всем существом!

– А я вот... – пролепетала, робко коснувшись ожерелья.

Голубые глаза Йелли ярко вспыхнули, высоко оценив мое «одетое» исключительно в драгоценности «вот». Из него будто хищник вырвался наружу, голодный и оттого неуправляемый и беспощадный. Сплав голода, восторга, неверия и желания... Полная капитуляция и феерия победы сияли в его глазах, как если бы он знал, что именно таким будет этот миг! Сотни и сотни раз пережил его в своем воображении, и вот сейчас – реальность сокрушила, в миллионы раз превзойдя самые заветные ожидания.

Хищник подобрался ближе, в глубине его расширенных зрачков в этот миг я увидела себя: растерянную, но тоже желающую. Чем еще больше раззадорила моего леара. Медленно выдохнула и судорожно, будто воздух вокруг вдруг стал раскаленным и вязким, вдохнула. Черные зрачки почти полностью заполнили голубую радужку, когда Йелли увидел, как дернулась моя грудь, – я пыталась глотнуть хоть капельку воздуха.

Бывают мгновения, когда перед глазами проносится жизнь, когда дух захватывает от невероятных ощущений, когда эмоции зашкаливают, а грудь стискивает и не хватает воздуха. Мгновения, которые невозможно забыть. Вот и этот голодный, буквально пожирающий меня мужской взгляд я никогда не смогу забыть. Не захочу. Всей своей женской сутью почувствовала: вот она – черта, за которой пропасть. И мы на бесконечно краткий миг замерли на краю, еще балансируя, но уже понимая: падение неизбежно. Этот шквал не сдержать. Такая бешеная страсть и оголенные чувства бушевали во взгляде Йелли. Он стиснул побелевшие кулаки, за его спиной взмыли вверх, выдавая потерю контроля, огромные крылья.

«Как хорошо, что здесь просторно», – мелькнула у меня совершенно неуместная мысль, когда я в трансе моментально вспыхнувшего желания сделала шаг навстречу крылатому герою. Настоящая женщина всегда знает, когда отступать бесполезно. Бешено вздымавшаяся мужская грудь, хриплое дыхание, раздувающиеся крылья носа и умопомрачительный взгляд, которым, казалось, он вобрал меня полностью, – все кричало, что этот миг настал.

Йелли тоже скользнул вперед. Я сделала еще шаг. Он повел плечами, убирая крылья, одним махом сорвал с себя жилетку и штаны, жалобно «пискнувшие» в полной тишине. В следующее мгновение мы соприкоснулись телами, едва ли осознавая реальность. А дальше словно время остановилось, разум покинул обоих.

Медленно, как в трансе, Йелли легонько сжал мою грудь и огладил вершинки пальцами.

Его глаза вспыхнули, как сверхновая звезда при рождении, от его рук по моей коже мурашками побежало золотистое сияние. Длинные сильные пальцы нежно скользили по моей молочной полной груди. Затем резкий рывок на себя – и мы будто спаяны навечно. Мои губы накрыли жадные мужские; язык Йелли, воспользовавшись моим сбившимся дыханием, двинулся так же напористо, как и его рука, скользнувшая между моих бедер. Я всхлипнула от удовольствия. Мужской томительный вздох – влажное скольжение языка, уверенно покорявшего мой. Дерзкая ласка груди – и Йелли отступил, позволив мне перевести дыхание, а самому полюбоваться, и снова накинулся с еще большим голодом и напором...

Он был порывист и даже резок, изначально стремясь оказаться как можно глубже, коснуться источника моих самых чувственных ощущений. В такие мгновения я словно взлетала, тело выгибалось дугой, не желая его отпускать, руки, которыми я терзала его спину, требуя не медлить, сжимались в кулаки. И он слушал мои безмолвные приказы.

Ощувив спиной стену, я обняла его талию ногами. Мой крик удовольствия совпал с мужским рыком. В глазах мелькало от переизбытка ощущений. Йелли продолжал страстно целовать меня, словно упивался вкусом моих губ, сминая их так же яростно, как и двинулся. Кажется, не существовало ничего, кроме ощущения нашего яростного движения, нашего страстного, сумасшедшего танца. Впиваясь пальцами в его спину, я стонала, умоляя не останавливаться, не могла насытиться. Меня душил чистый чувственный восторг и экстаз, грозя затопить сознание безумием удовлетворения.

И наконец это случилось – в очередной раз встретив его движение, я сорвалась за грань контроля над своим телом, поймав в ловушку страсти своего мужчину. Давление моего тела стало последней каплей для Йелли!..

– Животное! – восторженно прохрипела я на русском после того, как стих его удовлетворенный рев.

Такого накала эмоций и бешеного всплеска адреналина я не представляла! Только подумала о том, что кто-то мог услышать, о последствиях, наша реальность опять взорвалась: нас обьяло голубое пламя, начавшее волнами гулять по комнате. Вырвавшаяся энергия прошивала наши тела, переплетаясь с золотистым сиянием, соединяя, связывая навеки. Сначала знакомый холод пробежал по моим венам, затем его сменил горячий поток лавы. Я кричала, а Йелли глухо стонал, напрягаясь так, что на коже выступили жилы. Нас накрыла чистейшая, неповторимая и нереальная эйфория. Страсть, магия, холод, огонь...

Очнулись мы на полу. Тело пело от переполнявшей меня силы, словно я не делилась, а брала у Йелли. Выбравшись из-под него, я стыдливо прикрылась смятыми тряпками и осмотрелась: да уж, беспорядок мы устроили знатный. Неловко-то как! Щеки горели, наверняка как и уши, и шея.

– Ты покраснела... – муж вальяжно улегся на спину, открывая мне вид на свое прекрасное мускулистое тело, еще очень крепкий и вздыбленный пах, и медленно заложил руки за голову, с одобрительной улыбкой разглядывая меня. – Что-то случилось?

Я облизнула губы, с трудом отведя от него взгляд. Теперь, когда узнала, на что он способен, плавилась под его взглядом. Но ответить постаралась спокойно:

– Нет, это признак крепких нервов, свойственных моему роду. – И не удержалась от ироничного замечания: – Как и храп!

– Любопытные свойства... рода, – удовлетворенно усмехнулся муж. Неожиданно резко сел, обхватил меня за плечи и притянул к груди. – Хорошо, что между нами, наконец, все решилось, моя сладкая.

– Угу, – выдохнула ему в ключицу, наслаждаясь его запахом лютого январского мороза и самой сильной февральской вьюги.

Йелли зарылся рукой в мои волосы, посмотрел в глаза и с улыбкой признался:

– Ты действительно моя идеальная половина, мне никогда ни с кем не было так хорошо.

- Правда? - не сдержала я счастливой улыбки.

Мечты, надежды, восторг - все выплеснулось наружу. Ничего не спрятать, слишком невероятным было наше единение.

- Абсолютная! - признался Йелли и с предвкушением добавил: - Теперь бы еще ночи дожждаться и повторить!

- Да, - мечтательно согласилась я.

Йелли довольно блеснул глазами, плавно поднялся вместе со мной и совершенно неожиданно вновь превратился в сурового эрата:

- У нас дел выше гор. Одеваешься, завтракаешь, пусть Делария покажет в рабочем крыле твой кабинет. Туда скоро мама придет с мастером Фэем. После него у тебя обучение магии. За ужином встретимся.

Он отстранился, подобрал с пола одежду и шагнул к двери, но я схватила его за руку, вспомнив о договоренности со своей тенью:

- Йелли, мне нужно выделить для себя время, ежедневно, пожалуй, пары глыб хватит.

- Для себя? - его белая бровь слегка изогнулась.

- У меня есть идея, чем я могу заняться, пока ничего здесь не знаю... Тем более что вряд ли Амила в ближайшее время поторопится передать мне свои дела, и это правильно. Так что я придумала себе собственное занятие.

- Кайя, я считаю, что пока уроков Фэя и мамы тебе более чем достаточно, - сухо возразил муж.

- А я считаю, что две глыбы на собственный досуг первая шааза Арэнк может себе позволить, - не менее холодным тоном настаивала я.

Эрат Арэнк хотел отказать, причем жестко и категорично, но взглядом схлестнулся с моим, непримиримым, затем опустил глаза на мое обнаженное разгоряченное тело - и в них вновь загорелся жадный, страстный огонь. Он судорожно сглотнул и неохотно согласился:

- Хорошо. Все для тебя, моя сладкая!

Я смущенно прикрылась руками и счастливо прошептала:

- Спасибо! Тем более это будет на благо шаазата!

Йелли повел плечами, привлекая мое жадное внимание к своей наготы, и поинтересовался:

- В чем это благо будет выражаться?

Я усмехнулась в предвкушении:

- Знаешь, один великий древний правитель на Земле как-то сказал, что народу требуется немного, чтобы забыть о революциях и войнах: хлеба и зрелищ. Леары, конечно, не голодные, но, чтобы отвлечь их от сборищ всяких заговорщиков, мы дадим им зрелищ. Если получится.

Муж возвышался надо мной самым эротичным образом. Но смотрел на меня с пристальным, оценивающим вниманием, уже не по-мужски заинтересованно, а по-деловому.

- Хорошо! Попробуй, я поддержу.

Захлопав в ладоши, я ринулась подбирать разбросанную одежду, а Йелли, улыбаясь, ушел.

Глава 4

Всплеск

Ну не должен так критично выбивать из колеи секс с мужем вроде бы, каким бы фееричным ни был. И тем не менее я сидела на полу гардеробной, опершись на кучу тряпок возле стены, еще с полчаса – горела от стыда! Первая близость на полу, практически в шкафу – это не то, к чему я привыкла или слышала от знакомых. Впрочем, больше пылала от удовольствия. Во мне бурлила неведомая сила, с которой предстоит разобраться, и одновременно внутренний голос нашептывал: «Ну и как дальше будешь вести себя с Йелли?!»

В общем, мне достался самый невероятный мужчина, какого только можно представить!

Руки дрожали, я то растерянно оглядывалась: что бы надеть вместо помятого наряда? То касалась ожерелья – снять или оставить? То трогала припухшие от жадных поцелуев Йелли губы... А внутри боролись совершенно противоположные чувства: хотелось выть от стыда, орать от восторга, спрятаться от неловкости и... счастливо улыбалась. Все-таки женщины крайне нелогичные существа в любых мирах! Никогда не могут на сто процентов решить, чего же хочется, в конце концов.

С небес на землю меня вернула Амила, вернее, я вспомнила, что скоро занятия под ее присмотром. А если сюда явится?.. Ей-богу, словно за маленькой следит! Или чтобы пожилой мастер Фэй не обесчестил «кровиночку», равно весь род, или я их. Смешно, но голова пришла в порядок, унялась дрожь, подбородок поднялся сам собой вслед за мной. Высунув нос из гардероба, я с облегчением убедилась, что в покоях ни души, и поторопилась в ванную.

Я уже готова была выйти, одернув серебристый костюм, и обдумывала свое рабочее расписание, когда Делария влетела в гардеробную и восторженно выдохнула с порога, одновременно придирчиво осматривая меня:

– Ваш всплеск ощутили все!

Как обычно, моя тень была в светло-сером, но другом наряде, нежели вчера. Не надоела ей однообразная, скучная униформа?

Делла продолжала восторгаться:

– Это было так мощно, что теперь все-все проникнутся твоим положением!

– Как все? – Я чуть не плюхнулась на пуфик, сообразив, о чем она говорит. Но в надежде, что пронесло, спросила: – А какой именно всплеск?

– Какой, какой, будто не знаешь: первого обмена, единения избранных, – снисходительно и самодовольно пояснила тень-всезнайка. – Он был настолько сильным, что волной прошел от купола до подвала дворца. Все радуются!

– Чему? – хрипло выдавила я, подозревая самое худшее.

Может, не выходить сегодня из комнаты?

– Во-первых, по естественным причинам. Такая неожиданная и хорошая бесплатная подзарядка – сплошное удовольствие. Во-вторых, главная супружеская пара шаазата наконец-то полностью связана, а эрат силен как никогда. После сильнейшего всплеска в этом уверены все. Значит, второй шаазат еще больше укрепился и ждет наследников! – Делла с жадным любопытством окинула взглядом полки и вешала, поморщилась и резко сменила тему: – Кто? Кто задумал унизить первую шаазу темными тряпками...

– Я! – строго оборвала ее.

Как ни странно, чужой негодующий тон по поводу моего гардероба помог вернуть мне самообладание. Плевать на любые сплетни и «знания» служащих дворца.

– Но как же? Ведь шаазы носят...

Я вскинула руку, останавливая возмущенно-трагический лепет Деллы:

- Запомни первое правило звезды: у звезд нет правил и ограничений! Именно звезда задает модные направления! Тем более первая шааза второго в иерархии шаазата!

Смотреть на выпученные черные глазищи главной карьеристки и подхалимки Леарата было весело. Я не сдержалась и рассмеялась.

Делла поджала губы, но любопытный, чуть скептически взгляд, которым она обвела мои новые цветные наряды, подсказал: восходящая звезда телевидения Леарата на ус мотаает все!

- Шааза Амила по просьбе эрата приказала показать тебе твое рабочее крыло как можно быстрее. Затем легкий завтрак и занятия.

- Уточнение про легкий завтрак меня почему-то пугает, - передернула я плечами, предчувствуя жесткие ускоренные методики обучения.

- Не переживай, сегодня Амила тебя не тронет! - заверила меня Делла.

- Это почему же?

- Так ты же восстановилась, и я возобновила нашу связь. Мы с шаазой Амилой как раз проверяли твое крыло, когда меня, представляешь, подкосило от экстаза...

- Экстаза? - вновь охрипшим голосом переспросила я.

Делла неожиданно смутилась, развела руками и глухо пояснила:

- Ты не подумай чего-нибудь плохого, просто мне по нашей связи пришел откат от вашего энергетического обмена. - Девушка глубоко вдохнула и счастливо выдохнула: - Представляешь, у меня даже крылья побелели на осколок, такой он был силы! Теперь же все знают, что я твоя тень! Потом и волна всплеска пошла... Шааза толпу горничных заставила твое крыло срочно вычистить до блеска, вот ша и увидели мои побелевшие крылышки... и сами... порадовались. Уж как шааза Амила ликовала, когда поняла, что вы обмен провели и связь закрепили, - не передать словами!

- Боги! - я закрыла щеки ладонями.

- Да, они! Если бы мне такая силища досталась, я бы неустанно благодарила ларов. А ты им голый зад пожалела показать у храма... - проворчала Делла.

Вот знала, что обязательно кто-нибудь про эти несчастные трусы мне напомнит.

А взявшаяся за старое тень, увидев, что я разозлилась, сразу защebetала, старательно переводя разговор на предмет своего подражания:

- Зато шааза Амила прямо вся светилась от счастья. Как увидела эрата, тоже всего такого просветленного, с улыбкой... почти заметной, и буквально пышущего силой и довольством, сразу подобрела... к тебе.

- Каким боком? - засомневалась я.

- Ну, сперва тебе хотели отдать комнаты в левом крыле северной части, а потом - в правом восточной, прямо рядом с эратом. Горничных, конечно, жаль, но после хорошей подпитки они там за пару льдинок повторно все вычистили. Твои рабочие кабинеты теперь в одном из самых престижных мест. Роскошные и буквально сияют красотой и светом.

- Какая щедрость с ее стороны, - усмехнулась я.

В общем, как и предполагала, свою вотчину и бразды правления свекровь мне точно не отдаст. Поэтому надо искать себе занятие, чтобы не пересекалось с ее делами. Я решила: театру и телевидению - быть! Чего бы мне это не стоило!

По дворцу я «шла», старательно работая крыльями, чтобы спина и мышцы привыкали. Встречавшиеся нам леары не только почтительно закрывали лица, еще и душевно

улыбались – поздравляли с полноценной связью. Мне тоже хотелось прикрыть лицо, но от неловкости и стыда. Оставалось надеяться, что всплески скоро пройдут и все войдет в привычное русло, без участия общественности.

Вторая моя тень – Алел – следовал за мной неотступно, сурово взирая на любого, кто осмеливался приближаться ближе, чем позволяло пространство или исходя из собственных соображений. Хотя на мой вопрос об опасности уверенно ответил, что нет никакой. Потому что эрат и Ниол вычистили всех предателей и обновили сеть защитных заклинаний. Чужак не пройдет! Не проползет! Не просочится!

Оценив мою рабочую зону, мы спустились в цоколь, или подвал, где Делла нашла чистое просторное помещение для нашего театра. Именно туда вечером она призовет желающих попробовать возвыситься и поучаствовать в аванюре первой шаазы, как она честно всех предупредила. Боюсь, после такого «любезного» приглашения, актеров у нас не будет.

После осмотра студии, я попросила принести туда стулья, потом легко перекусила и сдалась на милость Амилы, счастливой, как голодный крокодил при виде безмозглого туриста, решившего искупаться в его заводи.

– Ты крыльями, крыльями больше работай, – в приказном тоне посоветовала она, плывя рядом со мной по коридору.

– Я думала, первой шаазе больше мозгами работать надо, – проявила я находчивость.

– Мозгами придется поработать мне, а то ты вон даже с крыльями пока справиться не можешь, – не осталась в долгу она.

Я скрипнула зубами, но, вспомнив змейсов, решила блеснуть остроумием:

– Крылья, крылья, главное – хвост! Вон ледяные змейсы как отлично устроились – воруют белых шааз, а потом кормятся всем родом и...

Амила приостановилась, взглянула на меня свысока и сообщила:

– Ты еще не в курсе, что сводный отряд из девяти верховных шаазатов за три дня вычистил Байсакал и предгорья от этих пиявок и разрушил Первое гнездо Серого Подземья. Вчера верховный змейс лично принес Леарату в лице шаэра извинения за тот инцидент. В качестве компенсации верховный согласился выдать оба рода убийц Лаиши из рода Ланей.

– Вчера? – опешила я. – Когда только все успели?..

Амила поморщилась и ответила гораздо спокойнее:

– Мой мальчик, была бы возможность, больше времени уделял бы своей юной жене. Но, к сожалению, у эрата не хватает времени на себя... и тебя, так уж вышло... совпало, что ты встретила ему в очень сложное время. Дай ему шанс, дай вам обоим шанс стать счастливой парой. По-настоящему близкими и родными. Надо немного потерпеть, Кайя. Скоро все разгребем, Йелли постарается уделить тебе внимание и дать все, что захочешь. Вы сможете стать близки, как положено...

В голосе этой «снежной вершины» звучали просительные интонации, хотя я уверена, что просить совершенно не в ее характере и привычках. Махнула рукой и весело сказала:

– Оставь, Амила, с момента нашего знакомства с мужем прошло четверо суток, а мы с ним пережили столько, сколько я со своим бывшим женихом за семь лет не испытала. В ускоренном темпе преодолели, прошли огонь, воду и медные трубы, как на моей родине говорят. Удивляюсь, что жива осталась. И после этого оставить его? Предоставить ему свободу? Нет уж, пусть терпит меня до скончания времен!

У свекрови желваки побелели от злости, но она демонстративно мне улыбнулась, окинула оценивающим взглядом, как соперника, и приказала:

– Спину выпрями, плечи расправь, сделай умное лицо – ты не чернокрылая в полях гуаши!

Я невольно вытянулась в струнку, а потом, заработав крыльями, позволила себе сыронизировать:

- Амила, тебе же всего четыреста, откуда это ворчливое старческое брюзжание?

Условно пожилая шааза, юному личику и осанке которой позавидовали бы любые наши молодые красотки, потеряла дар речи, а я бросилась наутек.

- Ах ты, несносная девчонка! - неслоь мне вслед.

- А ты повторяешься! - смеялась я, спеша добраться до учебной комнаты.

Наши догонялки увидел Ниол, когда выходил из-за поворота, а мы с гиканьем пробежали-пролетели мимо. Я успела заметить его вполне добродушную ухмылку, он явно сдерживался, чтобы не расхохотаться так же откровенно, как я. Кажется, свекор был рад, что я втянула его жену в активное противостояние, оживляя ее серые трудовые будни.

В просторную учебную комнату, где в свое время занимался и Йелли, мы ворвались с разницей в доли секунды. Но свекровь не успела меня наказать или устроить разнос за неподобающее поведение. Увидев шаа Фэя, она мгновенно вернула себе чопорный, ледяной вид и, вежливо улыбнувшись и кивнув ему, присела за соседний стол.

Суровые ученические будни: история, география, леарский вперемежку с этикетом - все это в меня усиленно вкладывалось, вдалбливалось, трамбовалось. Обед мы пропустили, опять слегка перекусив «не отходя от кассы». Я уже покачивалась от усталости, зазубривая незнакомые символы чужого языка, попутно корябая пером по толстой шершавой бумаге и ляпая замечательные кляксы, к которым пририсовывала рожки и ножки.

И вдруг краем глаза я заметила тень, синхронно со мной качающуюся вперед-назад, словно сосед по парте появился. Еще не осознавая, в чем дело, повернулась, хмурясь и разглядывая странную тень. В прозрачном, едва заметном мареве при более пристальном осмотре угадывались очертания человеческой фигуры. И вдруг блеснули голубые огоньки... Глаза!

По инерции продолжая покачиваться над учебником леарского, я перевела взгляд на мастера Фэя и Амилу, которая, безвылазно присутствуя на моих занятиях, просматривала кипу бумаг. Оба, похоже, не видели «голубоглазую» тень: одна делала заметки на полях; другой, глядя сквозь меня, монотонно вещал правила чтения, сочетания букв и символов, но думал о своем.

Я застыла, тень тоже замерла и, развернувшись ко мне лицом, «улыбнулась»... По крайней мере, мне показалось, что у загадочного создания, образовался на лице провал - рот. Потом вновь блеснули голубые пятна-глаза и послышался шепот:

- Не справляешься?

- Не совсем, - полностью дезориентированная, согласилась я со снисходительно-ироничным «собеседником». - А ты кто?

- Смерть твоя, если сейчас же не соберешься, - рыкнула где-то на задворках сознания ведьма Амила.

- Уговорила, помогу! - прошелестел потусторонний голос.

- Да нет, спасибо, я...

Мастер и свекровь недоуменно посмотрели на меня, затем на... разросшуюся до большой человеческой фигуры тень и - шагнувшую в меня. Буквально! Я захлебнулась воплем ужаса, булькнула пару раз.

- Дух?... - вытаращилась на меня Амила.

- Снизол до иномирянки? - изумленно прошептал Фэй, а потом совсем сипло спросил: - Напал?

У меня в голове замелькали картинки, непонятные слова, символы и буквы. Через несколько мгновений, когда я перестала махать руками как мельница, тень вышла из меня. Только стала не почти прозрачная, а как бы осязаемая – ну, с виду, конечно, – белесая, словно туман... Привидение!

Я еще громче заорала от страха и кинула в него перья, тетрадку, потом пришел черед букваря.

- Остановись, Кайя! – рывкнула Амила. – Ты обижаешь защитника рода...

- Он пытался вселиться в меня! – огрызнулась я.

Амила будто очнулась, вперилась в разговорчивую потустороннюю, весьма уважаемую сущность немигающим взглядом и грозно прошипела:

- Вы хотели убить Кайю? Надежду рода Арэнк?

Призрак отлетел метра на три; кажется, нисколько не обиженно блеснул на нас голубыми глазами-провалами и неожиданно шкодливо и задиристо оправдался:

- Вообще-то я произвел обмен, вложил в нее знание леарского, чтобы обращалась к нам, духам, и тем более к ларам на самом древнем и прекрасном языке Мира. И сам подпитался от нее энергией. – Затем еще более неожиданно похвалил, как мужик, хряпнувший стакан водки: – Ух, и горячая штучка нашему шаазату досталась!

- В-вы м-можете говорить все? – заикаясь, почтительно пробормотал Фэй.

Призрак приуныл:

- Жаль, недолго.

- Но как? – не мог успокоиться Фэй.

Я нервно схватила какую-то статуэтку, приготовившись отразить очередное нападение. А Амила испуганно прохрипела, подбираясь ко мне, наверное, с целью закрыть собой, если что:

- Вы, защитник рода, чуть не убили свою подопечную! Это немислимо!

Призрак, облетев нас с готовой к отражению нападения свекровью, грустно констатировал, обращаясь ко мне:

- Удивительно наблюдать, как меняется Мир. Ты – настоящий подкидыш Язы, леара снаружи, но другая внутри. Справедливая любит преподносить сюрпризы. В отличие от великих ларов, дух рода не может вселиться в тело леара, иначе высосет всю силу – обычного резерва не хватает, чтобы мертвый почувствовал себя живым...

- Но я же жива! – пропищала, осознав масштаб угрозы.

- Как вы могли? Если бы вы осушили ее, погиб бы и Йелли! – глухо, словно перехватило горло, упрекнула духа Амила.

- У нее нет резерва, дочь рода, – мягко, виновато усмехнулся призрак, глядя на Амилу. – Я не нападал, лишь проверил свои ощущения.

- Не может быть! – отринув страх, заявил Фэй. – Я чувствую, все мы чувствуем, что она леара... шааза.

Призрак так мрачно улыбнулся, что пожилой шаа побледнел.

- У нее нет резерва, а значит – нет ограничений. Каждая клеточка ее тела, каждая жилочка и есть внутренний накопитель энергии. Кайя Арэнк – настоящий проводник и ограничена исключительно внутренними резервами организма. Усталость, голод, плохое настроение уменьшают запас и восприимчивость энергии. Сытость, бодрость, наоборот, увеличивают. Со временем, когда ее энергетические каналы созреют окончательно, как у обычных леаров, привыкнут, разработаются, у нее не будет ограничений в силе.

- Значит, и у Йелли... - восторженно выдохнула Амила.

- И у наших потомков тоже! - важно поднял палец призрак.

А я обрадовалась, что великая Яза полностью не перекроила меня под леару, личные, человеческие особенности остались; хорошо, когда есть хоть что-то свое, внутренняя связь с родиной, любимыми родными. Тем более что появился еще один повод для радости:

- Уважаемый дух, мне теперь язык учить не надо? Уже знаю?

Укоризненно покачав «головой», призрак ответил:

- Я лишь основополагающие знания передал, а уложить в систему и использовать - за тобой.

- Большое спасибо, - улыбнулась я.

Призрак словно прислушался к чему-то и попрощался:

- Засиделся я с вами.

Развернувшись, он стремительно рванул к стене, явно намереваясь пройти сквозь нее, как положено привидению, но вместо этого с глухим «Ох!» размазался по стене и стек на пол. Призрак медленно воспарил и сконфуженно пробормотал:

- Переел немного...

Выбрался на террасу и улетел, как леар, а мы еще с минуту или, как здесь говорят, осколок провожали его взглядом.

Амила пришла в себя первой и выразительно посмотрела на меня:

- Кайя, если ты думаешь, что сила есть, ума не надо, то заблуждаешься! Быстро за стол, у нас дел выше крыши, а через неделю бал в Кристальном дворце!

- Какой бал? В Кристальном? - удивилась я.

- О котором было объявлено после вашего шардиса. Шаэр вчера вечером уведомил Йелли, что оказывает нам честь - устроил наш бал в Кристальном, - зло объявила Амила, подчеркнув «наш», наверняка чувствуя себя униженной правительской честью. И сквозь зубы добавила: - Для укрепления духа леаров и дружественных связей между эратами. Приглашены первые пары сразу трехсот шаазатов...

Она трагически смерила меня взглядом - свою головную боль и заботу. Ну да, леарского не знаю, предпочитаю цветную одежду низших и прочая. Я по поводу бала и не думала переживать, будучи привычной к большим приемам, вечеринкам, пати. Чего только одни наши новогодние корпоративы стоят, где гостей от двух тысяч.

По окончании занятий, длившихся еще несколько часов-глыб, я неслась, размахивая крыльями, за Деллой на нижний уровень. Вырваться от Амилы помог ее урок магии, на котором научилась наконец делать вестники. И первый я послала Йелли, чтобы разрешил мне сбежать от ведьмы-свекрови для личных нужд. Вот чует мое сердце: отыграется она на мне за «растрату» драгоценного времени. Но я хочу жить, а не только учиться, учиться и учиться и выслушивать бесконечные нравоучения от чужой, по сути, женщины.

В студии, к моему полнейшему удивлению, собрались не менее тридцати леаров обоих полов. Правда, большинство чернокрылых, но мне не важно, какие они. Важно, чтобы талантливые были. Все дружно закрыли лица, я радостно кивнула, приветствуя добровольцев. Дальше начался отбор актеров, гримеров, декораторов и прочих деятелей будущего телевидения. Я намеревалась использовать каждого, кто решился сегодня прийти и поддержать наше с Деллой начинание.

Раздав листочки, на которых Делла под диктовку записала короткие отрывки из известных пьес, я попросила:

- Пожалуйста, по очереди прочтите так, чтобы я вам поверила. Поверила в то, что вы хотите передать с помощью этих фраз.

И пока слушала одного из будущих актеров, на редкость харизматичного серокрылого, поняла, что именно станет моей первой постановкой. «Золушка»! В конце концов, из Деллы выйдет идеальная Золушка, а народ поверит в чудеса: случиться может всякое, главное – верить.

- Что здесь происходит? – ледяной возглас Амилы разрезал непринужденную, теплую, душевную атмосферу студии.

Я обернулась: свекровь явилась в компании с Ниолом и Йелли. Муж цепким, внимательным взглядом осмотрел всех присутствующих, замерших статуями. В их глазах читалось не только огромное уважение, но и некий страх. Подданные следили за шаазами, ожидая развязки, а я откровенно смутилась, заливаясь горячим румянцем. После утреннего, хм-м... единения мне с трудом удалось выдержать его взгляд.

Йелли все подметил: и мою неловкость, и смущение, и недовольный взгляд, которым я одарила Амилу. Подошел ко мне, обнял за плечи и, прижав к себе, многозначительно произнес:

- Мама, надеюсь, ты поймешь правильно, без слов.

- Но это сборище...

- На сегодня все свободны, – ледяным тоном отпустил мою труппу Йелли.

- Завтра в это же время, – сухо, упрямо добавила я.

Народ поторопился на выход, а Делла тень Арэнк осталась стоять в сторонке, старательно играя всамделишную тень.

- Кайя, что происходит и как вообще... – продолжила гнуть свою линию и меня Амила.

- Милая, – Ниол обнял жену, пресекая дальнейшее возмущение, и тихо, но твердо продолжил: – Ты забылась. Кайя – шааза, вполне взрослая и самостоятельная. Не ребенок! Она вправе принимать собственные решения. Тем более заниматься чем хочет, если у них с мужем нет по этому поводу разногласий.

- У нас с женой нет разногласий, мама! – Йелли смотрел на мать, прищурившись, чтобы та без лишних слов приняла к сведению его волю.

- Могу я хотя бы узнать, что за балаган ты тут устроила? – демонстративно устало и смиренно поинтересовалась Амила.

Еще та актриса!

- Можно. Это моя будущая сфера деятельности, – задрала я подбородок, приготовившись встретить всевозможные упреки. – Театр и телевидение. Искусство, которое в скором времени станет настолько привычным и необходимым в каждой семье, что за него будут платить не раздумывая! Наслаждаться! Обсуждать! И главное, с их помощью можно управлять, да и много чего делать. Главное, правильно подойти к делу.

Муж и свекор с затаенным интересом глядели на меня, а вот Амила саркастически расхохоталась. Затем с досадой махнула рукой и объявила:

- Пора ужинать! Вам еще...

- Что нам еще, мы решим сами, – отрубил я.

Мужчины чуть поморщились, им наши перепалки, конечно, не нравятся. Но в женские дела они решили вмешиваться лишь в случае назревающего конфликта.

Выходя на террасу ужинать под руку с Йелли, я любовалась его мужественным профилем – впервые испытала глубокую радость, что именно он стал моим мужем. Удовольствие от секса – это, конечно, здорово и даже необходимо, а обрести поддержку в любом деле от самого близкого мужчины гораздо важнее. Ведь не страстью единой жив

и счастлив человек.

Глава 5

Романтический ужин

Я вновь проснулась рано, словно кто-то невидимый, но настойчивый будил меня, звал к новым приключениям. Сладко потянулась, тело пело от переполнявшей меня энергии. Наверное, вчерашнее... единение с Йелли действительно что-то изменило во мне, смело преграды и открыло двери.

Обернувшись, неожиданно для себя слишком бурно обрадовалась, увидев мужа рядом, – испытав яркое переживание, не похожее ни на какое другое, сродни дежавю, напоминающее волшебство. Как нечто необычное, но происходящее самым вроде бы обычным утром. Накануне вечером его вестником во время ужина попросил об аудиенции по важному делу один из теней. И заснула я одна, укрывшись крыльями.

Йелли, как и вчера, тихонько сопит, лежа обнаженным на спине, раскинув руки, одна нога согнута в колене, бедра слегка прикрыты простыней. Сильный, красивый... мой! Радость от его присутствия вылилась в горячий поток, который потек... понесся по моему телу этаким смесью желаний, восторга собственницы и капелькой неловкости. Испытывать такую гамму разнообразных чувств, причем так сильно, – это что-то новенькое и совершенно непривычное для меня.

Медленно прошлась взглядом по его руке от ключицы до кончиков длинных пальцев, полюбовалась сильной мужской ладонью, широким запястьем с голубым браслетом – леарским брачным свидетельством нашей нерасторжимой связи. Счастье – будто горячий клубочек, который согревал, пульсировал в моей груди вторым сердцем, даря ощущение покоя, заставляя забыть о холоде одиночества.

Потянувшись кошкой, я скользнула грудью по простыне и, коснувшись носом сгиба локтя Йелли, жадно вдохнула его неповторимый аромат. Словно декабрь с январем сошлись в жестком споре: кто сильнее и морознее? Так ярко, насыщенно и жизнеутверждающе.

Муж повернулся на бок, ко мне лицом. Рукой зарылся в мои спутанные волосы, рассыпавшиеся по постели, и хрипло спросонок спросил:

– Проснулась?

У меня от его голоса дыбом каждый волосок на теле встал от желания.

– Да, доброе утро, – нашлась я, осторожно выпутала волосы из его пальцев и встала с кровати. – Вчера что-то случилось? Ты поздно пришел и...

И чуть не застонала, сглотнув и прикрыв глаза, глядя на усевшегося Йелли, потому что простыня с него сползла. Фигура моего мужа – невероятное эстетическое наслаждение!

– Пока я ограничил твои контакты, чтобы из-за незнания каких-то нюансов или леарских правил ты не попала в неудобную ситуацию, не столкнулась со сложными проблемами или недоброжелателями. Но совсем скоро тебе придется познакомиться с моими доверенными лицами, обзавестись своими, вникать в дела шаазата. Так что наслаждайся свободой и покоем, пока лишних к тебе не допускают...

– Свободой? – возмутилась я. – Да Амила запрягла меня, как лош... шайгала, и погоняет, с живой не слезает. И вообще, меня вчера ваш дух чуть не съел!

Муж усмехнулся, качнул головой снисходительно, словно слушал ребенка. А ведь и правда, ему – сто восемьдесят один, а мне – двадцать пять. Я ему даже не правнучка! Но мои мысли по этому поводу он прервал советом:

– Мама рассказала, что случилось. Мой тебе совет: сегодня дух непременно снова явится на урок, а ты спроси у него, кто или что они такое. Поймешь, почему Фэй с мамой не кинулись тебя сразу защищать. Мне даже представить сложно ситуацию, когда духи рода захотят кому-то из подопечных навредить.

– Первым делом спрошу. Про таких личностей лучше знать заранее, чтобы защититься,

если что, – пробормотала я, направляясь в ванную.

Завернувшись в большое полотенце-простыню, я вспомнила, что забыла взять сменную одежду. Хорошо, что часть нашего гардероба перенесли во временные покои. Бросив взгляд на брошенную на пол ночнушку, решила сходить за одеждой в полотенце. В конце концов, вчера меня видели всю.

Йелли сидел на кровати с моей стороны, наверное, ожидая, когда я освобожу ванную. Увидев меня, он попросил:

– Подойди!

– Зачем? – насторожилась я, а мое тело «поплыло» в предвкушении, словно в противовес разуму.

Похоже, схожу с ума от раздвоения личности! Никогда в жизни даже подумать не могла, что во мне живет настолько похотливая особа, которая спокойно мимо собственного мужа пройти не может.

Йелли встал, медленно, неторопливо завязал на бедрах простыню. Но при этом хитро, многозначительно улыбнувшись. Кажется, он все-все про меня понял, иначе откуда эти уже знакомые повадки хищника?

– У тебя из-за театра весь день занят, так что выделим глыбу на полеты сейчас.

– Летать сейчас? – удивилась я, невольно подходя ближе к нему.

Моя вторая, жаждущая, половина неожиданно расстроилась: муж хочет не страсти, а преподать очередной урок. Но не в моем случае отказываться от важных знаний. Летать и магичить – первостепенные задачи, которые я должна освоить для выживания.

– Хорошо, – преувеличенно бодро согласилась я. – Сейчас только оденусь и...

Йелли не дал договорить, приказав:

– Выпусти крылья и разомни их. Здесь хватит места.

– Но зачем в комнате, и я в простыне?!

– Я придумал для тебя особую технику обучения. Пока ты плескалась в купальне, мне пришла в голову отличная мысль, как помочь улучшить навыки, – совершенно серьезно сказал Йелли, но вот его светлые прозрачные глаза почему-то потемнели.

– Хорошо, – хрипло согласилась я, выпуская крылья.

Мы стояли друг напротив друга: я – задрал голову, в мокром полотенце и прикрывшись крыльями; муж – в ненадежно державшейся простыне. Мой взгляд сам по себе уперся в пласти мышц на его груди, чистую золотистую кожу, посверкивающую едва заметными тонкими волосками. Крепкий, рельефный пресс с кубиками. Широкие, отлично развитые плечи и руки. Вновь захотелось провести носом от ладони до сгиба локтя, а лучше языком, чтобы ощутить не только морозный запах, но и вкус.

– Сильнее! – окликнул меня Йелли низким приказным рыком.

Я вскинула рассеянный взгляд, с трудом отвлекшись от более интересной и чувственной картинке:

– Что?

– Крыльями маши сильнее! – посоветовал он с усмешкой пресыщенного циника. – Ты должна приподняться на пару локтей от пола и зависнуть.

Я встряхнулась, отринув посторонние мысли. Летать так летать. И старательно замахала крыльями.

– Контролируй движение, запомни темп и усилия, чтобы держаться в одном положении на высоте.

Чуть покачиваясь, перемещаясь то вверх, то вниз, я наконец поймала нужный ритм. Зависнув в метре от пола, торжествуя поспешила посмотреть на Йелли и поймала его горячий взгляд, которым он ласкал мою грудь.

- Вот и молодец, сладкая! Держи именно этот темп... чтобы ни случилось! - глухо похвалил он.

- А что может случиться? - пролепетала я.

- В жизни случиться может всякое, - протянул мой «пилот-инструктор» как-то странно. - Поэтому твои крылья не должны зависеть от разума. Они должны подчиняться телу!

И не спеша освободил закрепленный кончик полотенца, которое сползло к моим ногам и упало на пол, оставляя меня обнаженной. Парение чуть не прервалось, ритм крыльев сбился, и я начала опускаться.

- Держи ритм, Кайя! - рыкнул Йелли, а в его взгляде загорелись вызов и огонь страсти, зажигая мою кровь.

Но я каким-то чудом выровнялась и с колотящимся сердцем ждала продолжения. Облизала вмиг пересохшие губы, и Йелли тут же впился в них глазами, коснулся пальцами, стер влагу, потом потянулся к напрягшимся вершинкам моей груди и вдруг приник к ним губами... Дальше... дальше он вытворял такое, что в самых жарких снах не приснится!

Про крылья я действительно больше не думала, они работали, как руки и ноги, рефлекторно, а я плавилась в руках Йелли под напором его рта и страсти. Как мы оказались на кровати, не знаю, но поняла это, когда выгибалась от наслаждения и царапала его спину. Мой мужчина не был нежным и мягким в жизни, в страсти он был таким же, забирал все без остатка и отдавал мощно и настойчиво. Но при этом ни разу не перешел грани, когда наслаждение переходит в боль, нет. Забота обо мне, слабой и хрупкой в сравнении с ним, ощущалась во многом. Даже в том, как он почти черными глазами неотрывно следил за моим лицом, читая меня как открытую книгу.

Когда мы с трудом отдышались от «полета» и нового обмена энергией, он лежал на боку, нависая надо мной и всматриваясь в лицо, поглаживая его подушечками пальцев, наслаждаясь этой легкой лаской. А потом удивил, глухо шепнув, словно сам себе:

- Ты действительно идеальна для меня!

- Знаешь, мне уже кажется, что ты для меня тоже, - призналась я предательски сорвавшимся голосом.

- Приятно это осознавать. Мы истинные друг для друга в браке, а значит, неразрывно связаны и в смерти.

- Умеешь ты закончить романтическое признание мрачными перспективами, - проворчала я насмешливо.

- Мечтаешь избавиться? - насторожился Арэнк, смотря жестко и серьезно.

Так, с шутками у нас пока не очень. Поэтому ответила без раздумий и твердо:

- Нет.

- Твоя честность достойна награды! - муж едва заметно улыбнулся уголками губ. - Могу выделить...

- Вечер! - обрадовалась я. - Выдели мне свое время. Давай устроим романтический ужин вдвоем... без твоих родителей. Это такой приятный подарок, ты не представляешь!

Йелли несколько мгновений молча сверлил меня взглядом и вдруг расхохотался. Я замороженно смотрела на его запрокинутую голову, мощную шею и дергающийся от смеха кадык.

- Вы с мамой - отдельная история. Но весьма занятная, - признался он наконец, вытирая

глаза. – Хорошо, будет тебе романтический ужин.

– Отлично! – захлопала я в ладоши. А потом, вспомнив, как прокололась в сокровищнице, завершила: – Но от всего остального, чем ты еще меня наградить хотел, тоже не откажусь.

Заливистый смех Йелли уже не удивил. Скорее порадовал: довольный муж – хороший знак для жены.

По дворцу едва слышно пронесся перезвон сосуллек, и я, посчитав «удары», сразу подскочила:

– Уже восемь глыб, скоро Амила явится!

И снова полетела в ванную освежаться, а вслед мне неся негромкий смех ее сына.

О часовой системе – перезвоне сосуллек – мне стало известно только вчера. А до этого не могла понять, как во дворце узнают, сколько времени. Все оказалось просто: в недрах дворца есть ледяной колокол, за которым присматривает один из духов. Но главное, все духи связаны между собой. Благодаря их взаимодействию, в каждом доме, где есть собственные духи, существует «время» – незримый ледяной колокол. Хочешь узнать, сколько «натикало», обратись к духу дома и получишь ответ.

В большую учебную аудиторию я вошла почти степенно, успела вовремя. А там уже целая экзаменационная комиссия собралась: мастер Фэй, довольная Амила и... сразу три духа. Не знаю, по какому признаку, может, по знакомому флеру силы, я опознала вчерашнего соседа по парте. После приветствий мой знакомец «обрадовал» первым:

– Возблагодари ларов, Кайя, сегодня с тобой поделятся знаниями трое духов...

– А завтра от количества желающих поделиться я ноги не протяну? – буркнула я себе под нос.

– Какая жадная и неблагодарная леара! – возмутился незнакомый дух.

– Скорее рачительная, – парировала я весело. – Берегу жизнь и здоровье... эрата!

– Кайя! – ахнула Амила и зашипела: – Благодаря духам рода, ты сможешь быстро освоить все самое важное, основное, а после будешь спокойно разбираться с полученными знаниями.

– Разве я против? Я только за – выучить великий, – а про себя добавила «ужасный», – леарский язык, чтобы возносить молитвы ларам. А то сейчас дуб дубом, даже поблагодарить, как положено, и обратиться не умею.

– Я первый! – заявил незнакомый дух, словно голодный студент, прибежавший в буфет.

Даже Амила растерялась.

– С какой стати? – возмутился второй, тоже торопясь застолбить кормушку. – Я этику передам, а ты – всего лишь историю рода. На балу про умерших говорить неэтично!

Третьим вмешался мой вчерашний собеседник, устремившись ко мне:

– Я важнее, я помогаю с леарским. Вовремя поблагодарить ларов – это самое нужное! На балу беседы вести на своем языке правильнее. А она – дуб дубом... Дуб – это что такое?

– Дуб – это дерево, твердое очень и прочное, примерно как кость черепа. Вот и не пропускает лишние знания, – успела пошутить я, прежде чем холод потустороннего мира заполнил мое тело.

В голове замелькали знаки и символы. Только в этот раз дух не торопился и, наслаждаясь моей энергией, делился знаниями основательно, без спешки и системно, раскладывая все по полочкам. Похожая процедура повторилась трижды с перерывом на обед. Свекровь, даже если плохо помнит, отлично все записывает. А уж рекомендации по улучшению магии рода с моей помощью – особенно. Ведь слышала же вчера, что моя магия зависит от питания, сна и тем более от хорошего настроения. Последнее, правда, она точно упустила – ворчала весь день, недовольная любым моим промахом. Ведьма!

Зато духи разошлись не на шутку. Как и мастер Фэй. Вчера ошеломленный, сегодня он выжимал у разговарившихся сущностей все, о чем не знал сам. Мне кажется, такой учебный день дал гораздо больше предыдущих. И не только в части знаний, которые в меня впили в обмен на кормежку, а благодаря научным беседам духов и мастера Фэя. Я даже на миг почувствовала себя как в университетской аудитории, на семинаре у профессора философии на первом курсе. Наш старый Пал Палыч поощрял свободомыслие в умах студентов. Чтобы сами соображали, думали, спорили, а не тупо заучивали чьи-то учения или догмы.

Ближе к вечеру, когда я вымоталась и устала от «духовного» экспресс-курса, мне в голову пришла одна полезная мысль. Взглянув на шкаф, заполненный чистой писчей бумагой, и коробку грифельных карандашей, я решила озвучить:

- Уважаемые духи, а можно ли как-то перенести мои воспоминания на бумагу? Конкретные! Не забрать, а просто скопировать? Если я сама их уже частично подзабыла?

Трое «заматеревших» призраков, наевшихся, можно сказать, до отвала, переглянулись, кажется, мысленно переговариваясь. «Классный руководитель» заинтересовалась:

- Что ты хочешь записать?

Я была уверена, что она не оценит, но призналась:

- Я читала и смотрела сотни прекрасных пьес, сценариев и сюжетов. Многие в стихах, некоторые подзабыты. Если все эти знания скопировать на бумагу в первоизданном виде, а не придуманном мною, чтобы пробелы восполнить, - это будет просто потрясающе. Огромная помощь и ресурс для развития телевидения. Для успеха шаазата, в конечном счете!

Как Амила не поперхнулась, ехидно хмыкнув? А вот духи взлетели, переглянулись между собой и словно наперегонки ринулись ко мне, вынудив нервно дернуться. Дальше в комнате кружился белый хоровод. Призраки-духи словно в игру играли, пролетая через меня, заполняя собой и опустошая. А в шкафу взмывали над полками целые кипы бумаги. Рефреном этой «пляске духов» звучали Амилины вопли:

- Как? Как можно тратить драгоценное время на всякую ерунду?

Вскоре дочь рода, вчера и сегодня с утра с придыханием восхвалявшая защитников рода, беззастенчиво костерила их до седьмого колена и воспитывала меня за компанию. Я бы и рада была остановить «копирование», но духи слишком увлеклись. Услышав «Камасутра», я поняла: что-то не то в своей жизни читала... или смотрела, если духов так разобрало. Мои попытки отбиться от них, закончились щекоткой. Духи узнали, что я ее не переносу, и ринулись щекотать.

- Все, хватит! - кричала я и носилась по комнате. - Прекратите!

- Никаких больше обменов! Дальше будет сама учить! - носилась за мной взбешенная Амила. - Балаган устроили! А еще защитники рода! Молодняк!

Уже задыхаясь от беготни, смеха и щекотки, я увидела Йелли и с удвоенной скоростью кинулась к нему спасаться. Очутившись в его объятиях, ощутила мощную энергетическую стену, отрезавшую нас от духов. Те пристыженно замерли, отсалютовали шаазу, приложив ладонь ребром к лицу, и поспешили ретироваться.

- Йелли, она разлагает моральную основу духов! - обвинила меня разъяренная фурия Амила. - Перевернула, извратила все наши основы. Ты представляешь, она заявила, что высшие Яз, Аяз и Яза - это не боги! А их воздействие - это не наказание или благоволение, а, скорее всего, воздействие магнитных и энергетических полей этих звезд и нашей планетарной системы! Как можно такую ересь нести! Нет, даже просто открыть рот, чтобы осквернить богов!

- Только это? - спокойно уточнил Йелли, крепче прижав меня к себе.

- Нет! Она заявила, что защитники рода, духи - это остаточные эманации душ. Она хочет посорить нас с ними и тем самым лишить сердце шаазата защиты!

- Да-да, я смотрю, они так обиделись, что от хохота до третьего этажа провалились и напугали прачек, - возразила я.

Йелли обратил внимание на мастера Фэя. Тот, видимо, сомневался, смеяться вместе с духами или проявить солидарность с Амилой. Из-за чего косился то в одну, то в другую сторону. По-русски говоря, не знал, куда глаза деть. Муж это отметил. А потом удивил: отстранился от меня, заставив ощутить прилив одиночества и опасаться, что я его тоже оскорбила. Подошел к матери и, крепко обняв ее, шепнул с любовью:

- Не переживай, мама, все будет хорошо.

- Ты уверен, сынок? - пролепетала довольная Амила.

- Абсолютно.

Она сразу успокоилась и, пряча улыбку, проворчала:

- Вы с Ниолом спелись! Оба почему-то верите в нее. Слишком! А ее усилия не стоят и кусочка льда в долине!

- Не стоят, ты права, - согласилась я с ней. Но стоило ей возликовать, добавила: - Потому что они бесценны!

- Что? - свекровь нехорошо прищурилась.

Чтобы не нарваться на отработку, или незапланированный урок по магии, мне пришлось быстренько выкрутиться:

- Я бесценное дополнение к Йелли. Он великий и самый умный, а я - его естественный противовес. Ведь природа любит равновесие, ну, или отдохнуть решила.

Мастер Фэй все-таки не сдержался: плюхнулся на стул, давась от смеха. А Йелли, улыбаясь, чмокнул мать, подхватил меня на руки - и утащил прочь.

- Мы куда? - насторожилась я, удобнее устраиваясь в объятиях мужа.

Всего неделя прошла с нашего знакомства и брака, а он меня так быстро и неумолимо меняет. Подстраивает под себя. Это не может не пугать.

- Я же обещал романтический ужин?!

Серокрылые леары, глядя на нас, улыбались глазами, Алел следовал привычной тенью. Деларию с утра не видела. Получив от меня указания, она занималась делами. Йелли вышел на террасу и сорвался в бездну. Его мощные крылья сразу заработали с утроенной силой, и мы взмыли вверх. Я тихонько радовалась, что муж не заставил меня лететь самостоятельно, а нес сам, прижимая к груди. Осталось узнать куда.

Я то осматривалась, то заглядывала мужу в глаза, кажется, такие холодные, но на дне этих голубых глаз пряталось пламя. Невольно поддавалась порыву и коснулась рукой его скулы; погладив гладкую щеку, ощутила смещение нашей магии. Он покосился на меня, смерил внимательным взглядом, словно в душу заглянул, но промолчал, продолжая мерно махать огромными крыльями.

И откуда во мне столько чувств рождается к незнакомцу, каким-то магическим образом ставшим неделю назад моим мужем? Неужели из-за потрясающего секса? Волшебства? Биохимии? Наваждения? Вопросы, вопросы... Ведь Йелли настолько непредсказуемый, что порой хочется его треснуть чем-нибудь потяжелее. Но стать вдовой, когда так хочется иногда спрятаться в его сильных руках от всего на свете?..

Впасть в уныние, закопавшись в сомнениях и философии бытия, я не успела. Мы поднялись на высоту длиннющего дворцового шпиля, который пытался соперничать с вершиной горы. На уровне шпиля я увидела небольшую горную площадку с сервированным столом и двумя стульями, освещенную сотнями светлячков. Возле площадки зависла интересная компания серокрылых леаров. У одного из них на поясе висели... гусли? Но при ближайшем рассмотрении увидела на инструменте не струны, а льдинки разных размеров, а в руках музыканта - палочки. Двое других шаа, мужчина и

женщина, одетые в легкие светлые одежды, держали цветные ленты.

– Ой, так ты устроил настоящий романтический ужин?! – восторженно прошептала я. – С музыкой и танцами?

Йелли загадочно усмехнулся и посадил меня на стул. Совершенно незаметно появились официанты. Дальше все было настолько чудесно и почти по-земному, что я была на седьмом небе от счастья. Наслаждалась яствами, напитками и выступлением танцоров, кружившихся в восхитительно-прекрасном небесном танце под сказочную «ледяную» музыку среди горных вершин.

Где и когда еще я бы увидела танцующих ангелов? Только здесь, в Мире! Наверное, именно волшебный танец, музыка и великолепный мужчина, все время исподтишка наблюдавший за мной с легкой, едва заметной улыбкой, сломали плотину, которую я в себе построила, когда попала, причем как в прямом, так и переносном смысле. Почему-то именно сейчас я всем сердцем, всей душой поверила, что все будет хорошо! В чем Йелли недавно уверял мать.

Ведь это волшебный мир, так почему бы чуду не случиться со мной? Я стала леарой, белокрылой, поселилась на вершине горы, а не копаюсь в рисовых чеках в долине! Мне достался, наверное, один из самых замечательных здешних мужчин! Свекровь... ну подумаешь, ведьма, все равно по-своему заботится обо мне. Свекор вообще душка, может, и с подвохом, но пока мне нравится. Еще и Делария появилась...

– Йелли, – тихонечко обратилась я, вспомнив о важном деле. – Ты лично знаешь художника, который писал картины, что висят в наших покоях?

– Не нравятся? – спросил он слишком спокойно.

– Ну что ты! Очень нравятся! Мне для театра нужны будут декорации.

– Декорации? – у него слегка выгнулась белоснежная бровь.

Пояснив что это такое, я поделилась другими проблемами:

– Нам будут нужны десятки разных видов местности, а ваша ледадя не позволяет прерывать передачу, чтобы переместиться. И вообще, почему ваши спецы не придумают какой-нибудь артефакт, который позволит сначала записать все события или представления, а потом показать.

Йелли задумался на пару мгновений, прежде чем ответить:

– Наверное, это можно устроить. Просто раньше необходимости не было. Новости леарам сообщают в основном эраты крупнейших шаазатов, численность которых превышает тысячу. И сама понимаешь, важных новостей для населения нашей страны не так много. Иногда две-три за год, не более.

– Нам нужен артефакт, который каждый день «вещать» будет. Причем сначала записывать, а потом показывать всем, кому надо, кому хочется увидеть. О, еще бы и сохранять запись, ведь тогда можно повторять спектакли по многочисленным пожеланиям зрителей...

Я замолчала, заметив скеплично-снисходительный взгляд Йелли. Он не очень-то верил в успех моей затеи, но тем не менее поддерживал. Поэтому не обиделась и не расстроилась, а убежденно заявила:

– Вот увидишь, мой шоу-бизнес вас всех еще удивит.

– Твой что? – уточнил он с улыбкой.

– Шоу-бизнес. Это когда деньги заколачивают на развлечениях.

– Я буду рад, если у тебя хоть что-то получится! – Йелли откинулся на спинку стула, махнул рукой танцорам и официантам, чтобы оставили нас.

Через несколько мгновений мы остались одни любоваться закатом. Троица спутников и

богов по совместительству «расселась» на вершине горы, добавляя пейзажу фантастический флер. Дух захватывало от впечатлений!

- Расскажи, какой он, твой шаазат? - попросила я.

Йелли пожал плечами, прежде чем начать рассказ:

- Надеюсь, вскоре решу важные, безотлагательные вопросы, бал наш пройдет, и ты сама его увидишь. Я должен представить тебя главам городов нашего шаазата и...

- Городов? У нас есть целые города? - ошеломленно выдохнула я, потрясенная размерами владений.

Йелли усмехнулся довольно:

- Да, было шесть, но теперь пять. Три на востоке, один на западе, небольшой город на севере остался. Более крупный Блак с округом я передал Иси в качестве выкупа за тебя.

- Мне кажется, Амила злится на меня из-за этого Блака и изумрудных шахт, что достались шаэру, по-моему, на ровном месте, - приуныла я.

- Глупости! Просто мама очень требовательна ко всем и всему. А насчет Блака - вовремя избавились...

О том, как избавляются от сомнительных или ненужных активов, я в курсе, поэтому заинтересованно посмотрела на леарского девелопера:

- Можно поподробнее?

Шааз отдыхал, развалившись в кресле, положив ногу на ногу, но сложил пальцы домиком, перед тем как поделиться:

- Шахты достигли глубины, на которой выработка становится слишком опасной. Залежи истощились. Просто мы об этом не распространялись. Там в той или иной степени кормятся тысячи леаров, на чем держится весь Блак. Но как только мы закроем шахты, рабочим не на что будет кормить семьи. Целый город останется без средств к существованию на шее шаазата.

- Понятно... - глухо протянула я, ощущая себя в двусмысленном положении.

Йелли поняливо дернул уголком рта и продолжил выдавать коммерческую тайну:

- В соседнем округе, на севере, в нашем городке Сериме, мы нашли новые залежи. Еще более богатые, чем когда-то были в Блаке. Я приказал местному главе сообщить жителям Блака, что всех, кто хочет остаться подданным Арэнка, примут в Сериме. Так что от балласта избавились, а рабочих сохранили.

- Ты прекрасный предприниматель, как я погляжу, - оценила я. - От убыточного города избавился, на жену не потратился и даже премиальные получил - обзавелся дополнительной силой. В общем, сплошные плюсы...

Ледяные голубые глаза смотрели на меня с прищуром. Йелли не торопился опровергать мои выводы.

- Тебя смущает только то, что ты мне недорого досталась?

Я вспомнила, как боялась сбежать от него. Думала, шаэр меня за эти шахты в тюрьме сгноит. А если бы рискнула, то Иси бы уже выяснил, что его надули, и, возможно, позволил переиграть выбор. Внутренний голос на задворках сознания напомнил о том, что бегала бы я исключительно по дворцу, до ближайшего духа. В сущности, дуться на местного «князя» за то, что мало дал за меня, любимую, чересчур по-детски и смешно, поэтому, вспомнив родителей, выкрутилась, раз не смогла держать лицо:

- Да, смущает, что ты так же легко, как и шаэра, можешь надуть и меня в любом вопросе! И вообще, я, собственно, вот о чем: ты не боишься его мести? Возьмет и... понизит в звании? Или еще что-нибудь придумает?

- Не боюсь! Мы не оговаривали стоимость Блака, я предложил - он согласился. Все по-честному, - сухо ответил Йелли. - Касаемо тебя я предупреждал: мы связаны. До самой смерти! И не только магией и знаком избранности, но и будущими детьми! Поэтому правду от меня слушать придется, хочешь ты этого или нет.

Хотелось, конечно, верить, но я сомневалась. Поэтому спросила прямо, глядя в глаза:

- Даже Амила недоумевает, почему вы в меня так легко поверили? С отцом. Ты не закрепил нашу связь, дал мне время. Других вариантов давления не было?

Муж передернул плечами. Ага, вопрос явно не из легких. Посверлил меня несколько секунд оценивающим взглядом, прежде чем признался:

- Вариантов - как снега после лавины. Ты противилась, искала возможность избежать связи со мной, даже сбежать, судя по твоему загнанному, как у зверя, взгляду. Я решил дать тебе пару дней привыкнуть, а если ты продолжишь думать о побеге, - усилить привязку. Стала бы смиренной и послушной, о побеге бы точно не думала.

- Ты хотел жену-марионетку? - прошептала я, ужаснувшись. - Как шаман со змеем...

Йелли не ответил на вопрос, продолжал рассказывать обо мне:

- Ты была непосредственной, спорила, ерничала, но не выходила за рамки. Даже если спорила, то по делу и логично. Тебя можно было понять, причин более чем достаточно. Сам не понимаю, почему рискнул, отложив закрепление связи. Рискнул шаазатом, ради которого живу, вся моя семья живет и каждый день отдает и заботится. Утром я думал, как с тобой быть дальше. А ночью, во время нападения, ты все решила за меня: не сбежала, не предала, переметнувшись к врагам, а предпочла встать рядом, защитила. И отцу ты понравилась, хотя он после гибели большей части родных ненавидит всех вокруг. Он говорит, ты его согреваешь, вон даже мама забыла про меланхолию. Теперь она злится на тебя. Столько эмоций у нее мы давно с отцом не видели.

- Сомнительное удовольствие - злить Амилу.

Хотела отвернуться от откровенно расчетливого и прагматичного мужа, но он не дал, передвинулся на край стула, сменив вальяжную позу, взял меня за руку и добил:

- Возможно, но теперь это твоя участь.

- Ясно, - горько кивнула я. Раз уж мы тут душещипательные беседы ведем, почему бы не спросить о том, из-за чего хотела сбежать, нервничала и корила себя за ошибку с выбором жениха: - Знаешь, там, на Совете, я чувствовала себя оскорбленной. Думала: зачем тебе такая невеста, которой ты даже коснуться избегал, шарахался, как от заразной, но при этом отвалил за меня столько, что всех удивил? К чему были прятки и тайны? Ведь вы официально проводили выбор жениха.

Йелли посмотрел на сверкающий Кристальный дворец, находившийся почти на одном уровне с нашей площадкой, и ответил:

- Одно дело - заполучить ничейную шаазу и провести ритуал, чтобы получить сильного наследника. Всего одного, Кайя, как ты понимаешь, если пара не истинная. В нашем случае положение рода Арэнк это кардинально не исправило бы, почти не изменило, лишь отсрочило угасание. Слишком много белых родственников погибло за последнее время. И другое дело, когда эта шааза - истинная пара. Значит, наследников будет больше одного, если лары позволят, никаких потерь магии, поэтому я однозначно сохраняю пост в Совете. Если бы кто-то увидел, как мы сияли, просто так я бы тебя из Кристального не забрал.

- А что было...

- Могло быть все что угодно. За второе место в иерархии Леарата убьют любого и не поморщатся.

- Ну об этом мне уже известно не понаслышке.

- Важно было, чтобы до шардиса никто не узнал, что ты моя избранная. Свободную и не

связанную попытались бы забрать всем Советом, а уж потом решить, что с тобой делать и кому отдать. После шардиса ты абсолютно моя, Арэнк! Забрать тебя никто не имеет права! Отсюда такая спешка.

- Странно, почему эраты сразу не проверили меня на избранность? - недоуменно заметила я.

Муж лукаво усмехнулся:

- На самом деле сиять истинные леары начинают, просто находясь рядом. Золотятся потоки силы и тянутся друг к другу. Если бы ты была обычной шаазой, то, спустившись к нам, сразу выдала бы окружающим, что мы истинные. А к иномирянке потребовалось прикоснуться, чтобы ощутить свою пару. Мне кажется, великая Яза действительно благоволит тебе... и нам тоже.

- Надеюсь, - согласилась я, недобрым словом вспомнив плен у квошиков, невольничий рынок и змейсов.

Йелли задумчиво перебирал мои пальцы, потом вновь посмотрел мне в глаза и глухо проскрежетал:

- Той ночью, во время нападения, я засыпал, отравленный, четко понимая, что умру. Видел тогда лишь твои глаза, в них плескались ужас и боль, мне показалось, за меня. Знаешь, в тот момент я мечтал очнуться, чтобы ты снова смотрела на меня сияющими глазами, хоть в раздражении, хоть с подозрением, лучше, конечно, с восхищением. Странно было бороться со сном, все равно что со смертью, и думать о твоих глазах и чувствах, отражавшихся в них. И сожалеть о том, как хотел с тобой поступить.

- Надеюсь, ты никогда-никогда...

- Я клянусь, Кайя, всегда говорить тебе правду. Какой бы она ни была. И клянусь, что постараюсь сделать все возможное, чтобы в нашем союзе было полное доверие.

Вокруг нас вновь вспыхнуло голубое марево - духи рода приняли клятву.

- Без магии и всяких привязок подчиняющих? - потребовала я уточнить.

- Без! Все честно, без обмана, - согласился Йелли, криво улыбнувшись.

- Звучит немного высокопарно, - проворчала я, а про себя порадовалась, что муж за доверительные отношения и жена-кукла его не устраивает.

В восточных сказках тоже все по-честному и без обмана было, а в итоге «сим-сим» не сработал. Но связь с Йелли Арэнком дает мне многое и защищает, всезнайка Делария подтвердила. Кроме того, он дал клятву верности и тоже зависит от моей магии.

Глава 6

Бал

У высокой арки-входа в зал для торжеств и приемов Кристального дворца я невольно задержала дыхание. Каменный свод этой огромной пещеры, выдолбленной в горе, поддерживают высоченные обледеневшие колонны. Стены тоже покрыты белым инеем, искрящимся в свете тысяч светлячков, словно россыпи бриллиантов. Слева высится пьедестал с каменным тронем, устланным подушками и рассчитанным на пару монарших задниц. Справа сбегают вниз ступени, ведущие в амфитеатр, но не под открытым небом, а под ледяным куполом. Оттуда льется красивая музыка, под которую порхают танцоры, похожие на ангелов.

Рядом с тронем внушительная каменная арка, испещренная древнелеарскими рунами, будто из фильма про Индиану Джонса, – вход в храм рода Иси. В отличие от храма при дворце Арэнков, в который летают или ходят по горной тропе, храм Иси – сердце Кристального дворца. И все, торжественно и строго, больше ничего примечательного, никаких архитектурных излишеств, декора, цветов, украшений.

Живым и эффектным украшением зала стали гости. Я впервые видела столько белокрылых, серо-белых и светло-серых леаров. Сотни шаазов и шаа создали такое силовое напряжение, что, словно из ниоткуда, постоянно сыпался, подобно конфетти, снег, покрывая пол и гостей, змеясь поземкой, завихряясь смерчем. Перенасыщенный морозным запахом, воздух щекотал ноздри, раздражал обоняние, поднимал дыбом волоски на коже.

Шаэр пригласил, точнее, созвал первые пары сразу трехсот самых сильнейших шаазатов Леарата. Весь цвет страны. Представляю, как мечтали попасть сюда остальные и кусали локти триста первые или, к примеру, триста пятые. Так близко к «великим», всего шаг, но, оказывается, недостижимо, слишком далеко.

– Шаазы Амила и Ниол Арэнк! – громко прозвучало представление старшего поколения нашего рода.

Сразу несколько сотен чисто-белых, с серыми прядями и таких же платиновых, как моя, голов обратились на моих свекра со свекровью. Ниол, как обычно, в белых одеждах. Амила совершенно неожиданно решила меня поддержать, но ее «неформата»хватило лишь на зеленые босоножки в тон килограмму изумрудов, навешенному на шею, уши, волосы и руки. Ее бальный наряд неизменно белый. Как же у гостей вытягивались лица при виде искристо-снежных волос и крыльев Амилы и Ниола! Про апгрейд, случившийся из-за моего внепланового перехода, еще не все узнали. Хотя Ниол на казни заговорщиков засветился на ледае.

– Эрат Йелли Арэнк и его супруга Кайя Арэнк, новобрачные! Да даруют им лары много детей, силу и долголетие! – прогремело следом.

В душе я волновалась как никогда, но внешне, думаю, выглядела совершенно бесстрастно, как бывало всегда на любом приеме. Сегодня мне предстоит принять один из важнейших вызовов в новой жизни. Ничего, справлюсь! Тем более что рядом уверенно ступает Йелли, словно лев среди своего прайда. Как и отец он облачился в белый строгий, по мнению леаров, костюм: рубашку до бедер, классические прямые штаны и открытые сандалии. А вот голову мужа венчал тонкий обруч из металла, подобного белому золоту, украшенный светло-голубыми бриллиантами в огранке багет, подчеркивающей их безупречную чистоту, размером карата три каждый, не меньше. Такие обручи на важные и торжественные мероприятия надевают все эраты, имеющие право на высокий титул шааза.

Еще дома, когда я увидела Йелли в этой «короне», – обомлела. Выглядел он значительно и царственно, хорош – глаз не оторвать. Муж, отметив мой восторг, мягко усмехнулся и с наименьшим восхищением осмотрел меня. С того момента он ни разу не выпустил моей руки, лишь при перелете согласился не мять мой наряд и позволил лететь самостоятельно. Сама себе я напоминала в полете подбитый «кукурузник», то клевавший носом, то заваливавшийся набок. Но старательно выравнивалась и радовалась, что с каждым днем все более уверенно держусь на собственных крыльях.

На верхней ступеньке короткой лестницы я повыше задрала подбородок, взирая на всех свысока. Утверждение Амилы, что мы здесь после шаэра самые крутые и нам можно все, ну почти все, вселяло надежду, что меня после представления не закидают тухлыми яйцами, или гуаши, применительно к этому миру.

Гости замерли, разглядывая меня, некоторые даже рты приоткрыли. Еще бы, я нарушила высокий белолеарский протокол! Первое: на мне был непривычный для шааз наряд глубокого пурпурного цвета, но, как здесь положено, расшитый сотнями бриллиантов – наши швеи всю неделю старались. Приталенная туника почти до колен, с длинными рукавами, с высокими боковыми разрезами, расшитыми серебристой нитью. Спина чуть выше талии открыта, а вот спереди все плотно закрыто и даже шея под глухим воротничком. Облегающие узкие брючки с короткими боковыми разрезами тоже были расшиты по низу в тон тунике. На серебристые босоножки бриллианты лепить запретила – это чересчур. Зато грудь и запястья пришлось украсить богатейшим ожерельем и браслетами из «аметистов» и «алмазов».

Второе нарушение: мои блестящие пепельные волосы лежат на плечах и голой спине свободной волной. Двумя драгоценными заколками я убрала пряди со лба, отказавшись надеть серьги – маленьких не нашлось, а все остальные оттягивают уши. Выгляжу я, по меркам своей родины, чудовищно дорого и шикарно, как какая-нибудь восточная принцесса, и тем не менее осталась довольной.

Зато все шаазы и шаа, порхавшие по залу, были в более чем открытых белоснежных нарядах. Наверное, я походила на темную воро... нет, черного лебедя среди белых. В крови бурлил хороший азарт и желание пошалить. Сказывались две недели непрерывной учебы, тренировок и работы по созданию телевидения, вымотавших больше, чем пять лет обучения в университете и экстремальные увлечения бывшего жениха.

– Я рядом и всегда поддержу, просто помни об этом! – шепнул мне на ухо Йелли, пожав мои пальцы на сгибе своего локтя.

Я благодарно ему улыбнулась и пошутила:

– Постараюсь не сильно валять твою честь в грязи пересудов.

Его голубые глаза впилась в мои с непонятным жадным вниманием. На миг показалось, даже с голодом. Неожиданно муж ласково погладил меня по щеке, а ведь ему несвойственно публичное проявление чувств, словно не смог противиться желанию, порыву коснуться. Глаза Йелли потемнели, выдавая его состояние.

– Кайя, держись мамы, никуда от нее не удайся. Она прикроет, если меня рядом не будет.

Я тоже решила не сдерживать порывов и коснулась его щеки со словами:

– Не волнуйся, мой свет, все будет хорошо. Я запомнила: если что – выставляю щит и жду тебя, а ты дальше сам разберешься. И Лыл с нами.

– Внимание! Шаэр и эрат Яхто Иси с супругой Окэ Иси. Устроители бала в честь новобрачных Арэнк. Да даруют им лары много детей, силу и долголетие! – снова прогремело над толпой.

Дальше началась метель. На гостей, светлых сверкающих прекрасных «ангелов», с удвоенной силой посыпался снег, заигравший всеми цветами радуги в свете многочисленных светлячков, отражавшемся от поверхностей и не менее многочисленных украшений леаров. Волшебное! Нереально! Красиво так, что дух захватывало.

Через мгновение громогласный голос добавил:

– Эр первого шаазата Шиай Иси! Да даруют ему лары истинную, много детей, силу и долголетие!

К трону подошла семья: величественный шаэр, его супруга в роскошном белом одеянии, такая красавица, что я показалась себе пастушкой, и мальчик лет семи, тоже в белом, – Шиай Иси, тот самый наследник.

Следующий час-глыба прошел для меня под названием «пытка и показуха». Мы с Йелли, стоя возле восседавшей на троне монаршей четы, слушали поздравления. Сначала сам Иси настойчиво желал нам быстрого появления потомства. Советы, на мой взгляд дурацкие, раздавал с пылом и жаром. При этом не забыл похвалиться, что сам недавно встретил свою юную прелестную жену, старше которой на несколько сотен лет. И сын у них получился замечательный.

Затем меня познакомили с ближайшей родней из шаазата Арэнк, теми, кто имеет хоть какие-то виды на место эрата и относительно белый. На их присутствии на балу настояли родители Йелли. Их действительно оказалось мало, всего-то шестеро, но им, своим, я улыбалась искренне. Кроме того, муж заручился разрешением шаэра, чтобы меня на балу сопровождала моя личная тень – Льил. Видимо, дворцовой охране, обеспечивающей безопасность гостей, не мог доверять.

Далее нас поздравляли семьи советников «Большой девятки». Потом меня знакомили с местным бомондом, хотя имена родов и самих гостей я перестала запоминать уже после десятого, с учетом того, что их триста пар здесь собралось. От профессиональной улыбки героини праздника у меня сводило скулы. Хорошо, что солидная подготовка и прошлая практика, включавшая умение улыбаться в любых ситуациях, спасали меня, особенно в непредсказуемых.

Так было, когда эрат Керук неожиданно пришел на бал не с супругой, а с сыном. Действительно, сын оказался копией отца, но если старший умело прятал суть, демонстрируя спокойствие и доброжелательность даже глазами, то синие глаза младшего, эра, при взгляде на меня и Йелли вспыхнули нехорошим алчным огнем. Жадно вдохнув, он облапил меня взглядом, хищно усмехнулся и ушел вслед за отцом. Рефреном моему едва слышному вздоху облегчения проскрежетал зубами Йелли. Собственническим жестом положил тяжелую руку мне на талию и чуть прижал к себе. Мне бы обидеться из-за пустой ревности, а вот, наоборот, польстило и стало приятно на душе. Я знаю, что истинная, единственная и клятву верности слышала, но ревность может означать другое зарождающееся чувство.

Когда река поздравляющих закончилась, я не сдержала полноценного вздоха. Краем глаза заметила понятливую и сочувствующую улыбку первой леди Леарата Окэ Иси. Она все это время держала подле себя непоседливого сынишку.

Я еще раз убедилась: наследники невероятно похожи на отцов. Как Ниол с Йелли. Младший Арэнк немного шире в плечах и выше ростом. Значит, и наш сын, если родится, будет похож на отца. Я невольно бросила взгляд на мужа, изучая и оценивая. Не зря перспектива стать матерью в корне меняет отношение женщины к будущему отцу ребенка. Усиливает чувства, выделяет его перед другими.

- Устала? – спросил Йелли, поймав мой взгляд.

- Немного, но скорее от количества имен и новых лиц, – призналась я.

- Ты их нечасто видеть будешь, не переживай, – успокоил Йелли, вновь погладив мои пальцы на сгибе своего локтя.

- Кайя, – вмешалась в наши нежности довольная Амила. – Пойдем, пора вводить тебя в общество...

- Гадюк? – помогла я.

Амила нахмурилась, значение этого слова она не знает, но догадалась, что не из лестных. В этот момент к нам поспешила первая великосветская пара, и она напомнила, что это одиннадцатые в иерархии шаазатов.

Причем «одиннадцатая» шааза так спешила побеседовать с нами первой, что чудом избежала столкновения с другими гостями. Ее супруг, эрат одного из крупнейших шаазатов, вежливо нам улыбнулся, предоставляя возможность поговорить своей паре, а сам с досадой, что не успел, искал взглядом Йелли, отошедшего пообщаться с шаэром. А его девушка, женщиной ее язык не повернулся бы назвать из-за присущей всем шаазам красоты и молодости, после пары дежурных фраз ни о чем решила меня поддеть:

- Кайя, неужели супруг не выделил тебе средств на гардероб? Ты слишком скромно одета. И цвет такой... в высоком Леарате не встретишь, только в долине ша покупают. К тому же на тебе почему-то слишком закрытая одежда...

Я не менее любезно улыбнулась, сжав побелевший от ярости кулак Амилы и многозначительно, с придыханием поделилась:

- Фантазия мужчины - лучшее оружие любой женщины. Чем больше закрыто тело, тем сильнее распялет мужское любопытство. Бедняжка, тебя не заметили даже стоявшие рядом гости, супруг с трудом спас от столкновения, зато меня сегодня не заметит только слепой. Я предпочитаю быть на виду, а не в тени.

Кулак Амилы тут же разжался, она ядовито хмыкнула и, не прощаясь с растерявшейся «одинадцатой», увела меня от нее. А той еще и выговаривал недовольный супруг. Свекровь откровенно развлекалась, намереваясь получить удовольствие от нашей прогулки по залу и светского общения.

Следующая пара решительно пыталась высказать мне соболезнования по поводу нападения, затем наигранно возмутилась:

- Куда смотрит эрат?

- Как столько предателей смогли пробраться во дворец второго шаазата?

Флегматично пожав плечами, я адаптировала изречение известного правителя и полководца Филиппа II Македонского:

- Даже в самом защищенном дворце найдется дверка, через которую пройдет шайгал, груженный золотом. Предателей, жадных до денег и власти, хватает везде!

- Во втором шаазате враги получили достойный отпор, а если бы напали на менее сильный? - как ни в чем не бывало добавила свекровь.

Третья пара несколько минут, кажется, совершенно безобидно разливалась соловьями, нахваливая свой шаазат и, в лучших традициях русских бабушек, своего наследника. Амила начала покрываться красными пятнами, а я просто расплывалась от удовольствия. Но, поймав ее взгляд, обещавший мне расправу, решила вежливо сменить собеседников.

- Все лучшее Хоки досталось от меня, - не унимался тридцать восьмой эрат, восхваляя сына и наследника.

Пришлось критически окинуть взглядом отца супер-пупер-сына и откланяться:

- О, ну тут я могу лишь поверить вам на слово...

Амила фыркнула, подхватила меня под локоток и потащила прочь от шаазов, которые, оказывается, «пытались нагло увести жену у ее сына». Я же не могла понять: к чему ее волнение, если мы связаны кровью и магией с Йелли? Все же есть какой-то способ разорвать связь избранных? Без смерти кого-то из пары? Или все так уверены, что род Арэнк долго не протянет? Или Амила просто из той категории женщин, считающих своих сыновей идеальными? И любой комплимент чужим «детям» автоматически причисляет к покушению на «честь, собственность и прочие достоинства» своего ребенка? Надо разобраться!

Далеко уйти не успели - уперлись в весьма видную даму. Единственную, наверное, на всем балу с увеличенными габаритами и несурзной прической: белоснежные волосы были заплетены в огромную корзину, внутри которой лежали бриллиантовые фрукты. Одним словом, все богатства с собой принесла.

Отступив на шаг и увидев, с кем ее свела нелегкая, дама начала бурно нахваливать бал и петь дифирамбы шаэру, проявившему щедрую заботу ко второму шаазату. Свекровь скрипела зубами, мало того что гостья наступила ей на большую мозоль, так еще и от души топталась. Толстуха по-кошачьи довольно щурила зеленые глаза, прекрасно понимая двойственную ситуацию, когда унижают, оказывая честь, и откровенно наслаждалась.

- Я так люблю мероприятия с размахом, - прощепетала она.

- С прической ты тоже размахнулась! - ядовито улыбнулась Амила и пошла дальше.

Я за ней - и нечаянно попала в засаду сразу к трем великосветским дамочкам. Прелестные светло-русые шаа, наверняка из двухсотых, понравившиеся мне гораздо больше, чем надменные беловолосые красавицы шаазы, тут же постарались вовлечь меня в разговор, напомнив про нападение, пройдясь по жестокому Йелли, казнившему столько серокрылых. По «секрету» рассказали и про другие «выходки» моего мужа, после которых за ним закрепилась слава «не тронь, а то убьет!». Потом почти искренне восхитились, как легко столь необычная особа - открыто подкидышем Язы назвать меня не посмели - обзавелась мужем высокого полета. Я решила блеснуть афоризмом Мэй Уэст:

- Нынче легко выйти замуж, но трудно остаться замужней.

- Как ты права! - воодушевились леары перлами моей родины. - Ты должна бороться за счастье!

Красотки явно не о том подумали, я имела в виду нападение и повышенную смертность среди белокрылых, но сразу же выкрутилась:

- Ну что вы, счастье столь кратковременное чувство, что бороться лучше за любовь! Она - вечна!

- Прости, Кайя, оставила тебя совсем одну, - Амила схватила меня за руку и, демонстративно не замечая шаа, словно они пустое место, повела меня прогуливаться.

- У вас всегда так весело и доброжелательно? - ехидно поинтересовалась я.

Судя по манерам и беседам, «слабый пол» здесь исключительно с целью прищемить друг другу хвост. А вот их сильные половины вели себя словно хищники, безошибочно преследуя высших зратов, чтобы укрепить экономические и политические связи. Скучная вечеринка, но ничего из ряда вон, слишком похожа на наши, такие же лицемерие, показуха и подковерные игры. И почему-то называется балом, а танцуют только профессиональные артисты. Видимо, сложности перевода с леарского на аяш или формат приема такой.

Помимо тенью следовавшего за нами со свекровью Льила, я постоянно чувствовала взгляд Йелли, державшего меня в поле зрения, неважно, с кем он в тот момент вел переговоры. И отвечала ему глазами, мол, все в порядке. Он действительно неуловимо от всех отличался. Может, только для меня, но его высокую поджарую фигуру находила сразу, где бы он ни находился. Он стоял прямо, заложив руки за спину, словно генерал, осматривающий войска, глядя на всех сверху вниз, но не свысока. В нем не было высокомерия, скорее тщательно выверенный расчет, внимание и оценка ситуации и собеседника.

Мы с Амилой не успели присоединиться к Йелли и Ниолу - внезапно гул голосов оборвал мощнейший взрыв, прозвучавший со стороны храма. Кажется, сама гора содрогнулась, сверху посыпался не снег, а обломки и пыль. Гости попадали на пол, многих посекло осколками льда от начавших крошиться колонн. Через несколько мгновений леары опомнились, начали массово создавать защитные энергощиты - голубые купола, попутно оглядываясь, пытаясь выяснить, что случилось.

Шаэр с женой побледнели и хмурились, напряженно глядя на храм.

- Надо улетать, пусть сами разбираются! - прозвучал жесткий приказ Йелли, вдруг оказавшегося рядом.

И про щит я совсем забыла, а он плотным коконом окружал меня. Но покинуть Кристальный мы не успели. Из храма вышла красивая леара с наполовину серыми крыльями и волосами. Она что-то прижимала к груди, но мое внимание невольно привлекли браслеты, такие яркие и сияющие. Боже, я же их видела где-то... Следом за леарой из сумрака пещеры выплывали белесые тени духов рода Иси. Если я не ошибаюсь.

- Адана, что там случилось? - хрипло, взволнованно спросил шаэр.

- Кузина шаэра? - удивленно выдохнула Амила.

Родственница шаэра подошла к постаменту и замерла, глядя на чету повелителей. А я отвлеклась, заметив у одной из колонн, метрах в десяти, маленькую фигурку. Это же Шиай Иси, наследник рода! Почему-то без сопровождения, напуганный взрывом и одновременно напряженно следивший за происходящим. А ведь его торжественно отправили с няней из зала еще час назад, не меньше. Что он тут делает? Сбежал от няни и охраны?

Я удивленно смотрела на ребенка, слушая сухой, безразличный голос Аданы:

- Я, Адана Иси, заявляю, что по приказу шаэра и эрата шаазата Иси уничтожила сердце Кристального дворца - храм и вместилище защитников. Мы не верим в наших духов! Мы отрекаемся от вас! Клянусь собственной жизнью, все, сказанное и сделанное мной, правда!

- Ты что творишь, безумная? - Оба Иси стали мертвенно-бледными.

Дворец продолжал содрогаться, после серии очередных толчков обломки перекрыли выход, и все гости устремились к амфитеатру, где в ужасе мельтешили танцоры и музыканты.

- Ай, - испуганно взвизгнула я, когда буквально в метре у моих ног в пол, как нож в масло, вошла огромная ледяная глыба.

К счастью, крылья и магия Йелли спасли от осколков и травм. Тем временем пещера продолжала рушиться, дворец ходил ходуном, но не это оказалось самым страшным. Духи после заявления Аданы словно от нее заразились - обезумели. Озверели, будто бешеные псы сорвались с поводков. Спешили насладиться мстостью, накинувшись на своих обидчиков. Призраки пронеслись сквозь пару серокрылых гостей, на ходу осушив несчастных, и два уже чернокрылых тела рухнули на пол.

Поднялся невообразимый шум: высокие, душераздирающие вопли перепуганных леар, грубые ругательства их супругов, проклятия, крики боли, столкновения. И тем не менее леары, каждый или вместе, держали голубые заслоны уже не столько от камней и льда, сколько от взбунтовавшихся духов Иси.

Адана стояла неестественно прямо, глядя на повелителя. И тем не менее по ее бледным щекам бежали слезы. Вдруг она медленно, словно сопротивляясь самой себе, раскрыла прижатые к груди ладони - и изо всех сил швырнула к ногам Иси голубой осколок. И, в противоречие слезам, произнесла все тем же сухим, безразличным голосом, как заводная кукла:

- Вот все, что осталось от алтаря твоего храма, шаэр. Совсем скоро и от рода Иси останутся жалкие осколки. Первый шаазат проклят, погиб и забыт! Да будет так! Раз мы отреклись от наших духов!

- На ней же браслеты Канубы! - выдохнула я потрясенно, наконец-то вспомнив, где видела эти гипнотизирующие взгляд браслеты на руках кузины шаэра.

Меня отвлек плач ребенка. Окутанный своей защитной магией, Шиай плакал, обнимая себя за плечи и испуганно глядя на рвущихся к нему между многочисленными куполами призраков с оскаленными в ярости лицами-масками. На заснеженный пол продолжали падать чернокрылые трупы бывших эратов и их жен. С разгневанного предательства небес падали камни и льдины. Кристальный дворец разрушался. Духи и, кажется, боги леаров хотели стереть с лица мира род, который отказался от своих предков, уничтожил святыню - алтарь. Им не важно, что причиной вакханалии стало воздействие чужой магии.

Я не раздумывала, увидев ребенка в смертельной опасности. Меня будто что-то изнутри толкнуло. Взмахнув крыльями, я в пару шагов преодолела разделявшие нас десять метров и встала между ребенком и призраками, наверное, еще в полете поставив свой купол. Единственная надежда: если духи проникнут сквозь купол в меня, то, как и наши, подкормятся, но не убьют. Моя главная задача - не пропустить их к Шиаю. И кто-нибудь

обязательно должен помочь.

Мы с Шиаем привлекли внимание Йелли и четы Иси. Увидев сына напротив призраков-убийц, Окэ закричала и вместе с супругом рванулась его спасать, но, к сожалению, окружившие их злобные почившие родственники напирали со всех сторон. Повелителю с женой пришлось усиливать щиты, вместо того чтобы прорываться на помощь. Их телохранители падали один за другим, выпитые духами, но никто не сбежал. Не предал!

К нам с Шиаем с диким ревом подскочил Йелли, укрыл своими крыльями и щитом, не пропускавшим осколки и духов, и потащил за собой, пробираясь к матери и отцу, с которыми, наверное, по его приказу, остался Льил.

А отовсюду шелестело злобное шипение призраков:

- Отказались!..

- Предали!..

- Проклятые!..

- Умрите!..

По глупости я думала, что спасаю ребенка, но Йелли пришлось спасать и его, и меня. Ниол с Амилой и Льилом держали щит от духов – вместе проще. Многие собирались в тесные группки и формировали общие щиты, пытаюсь выбраться из смертельной ловушки, а ведь льдинку назад и не подумала бы, что такое единодушие бывает.

По лицу мужа ползли капли пота, кожа побледнела, он явно был на грани истощения. Ведь духи – бывшие леары – легко поглощали чужую энергию, наслаждались ею. Я прикрывала крыльями и телом ребенка. Сконцентрировалась и по наитию послала мужу волну своей энергии – мы же связаны, я могу помочь! Ура, хвала ларам, он будто вдохнул свежего воздуха – лихо усмехнулся, дав мне понять, что правильно делаю. До родителей, казалось, рукой подать, ан нет, обратно к трону мы продвигались, словно вторую жизнь проживали.

Мне под ноги попался кусок алтаря, отлетевший в сторону от пьедестала, когда Адана его швырнула Иси. В памяти всплыл наш шардис, а Йелли, к счастью, тогда не поленился рассказать об этом ритуале по ходу дела, так сказать. Шиай всхлипывал, держась за мою тунику. Я положила руку ему на макушку, успокаивая, и тут мне в голову пришла совершенно шальная и, возможно, бредовая мысль. Но сейчас не только первому шаазату и всему роду Иси вот-вот придет конец, поэтому выбирать не приходится.

Я дернула Йелли за крыло, требуя остановиться. И не обращая внимания на его яростный протест, подобрала голубой осколок, сразу ощутив вибрацию магии. Живой – значит, должно получиться.

- Шиай, хороший мой, – я присела на колени, чтобы быть на одном уровне с мальчиком, – сын шаэра должен быть сильным. Ты понимаешь меня?

- Я боюсь, меня съедят! – всхлипнул маленький эр, крепко державшийся за мою руку.

- Не бойся, если Арэнк с тобой, все будет хорошо, – уверенно сказала я. – Теперь слушай меня внимательно. Мы сейчас сделаем тебе чуточку больно, потому что нам нужна капелька твоей крови, а затем ты слово в слово повторишь мои слова. Понял?

Мальчик хлюпнул носом; казалось, его заплаканные глаза смотрели прямо в душу. Он кивнул и доверчиво протянув мне руку.

- Что ты задумала? – рыкнул Йелли обеспокоенно.

- Тихо, пытаюсь помочь... хоть как-нибудь, – постаралась бесстрастно ответить я, чтобы не испугать ребенка, одновременно срывая заколку с волос и до крови царапая его ладошку. Вложила в нее осколок алтаря и спокойно, четко, сквозь громкий стук своего сердца попросила: – Шиай, повторяй за мной!

Дальше маленький Иси громко говорил, вытянув алтарный камень перед собой:

- Я, Шиай Иси, эр первого шаазата, сын и наследник Яхто Иси и Окэ Иси, клянусь: все до единого Иси верны и преданы своим предкам, кровью и честью служим вам испокон веков, ни словом, ни делом не отрекались от духов рода, защитников рода, наставников рода. Клянусь кровью, самой сокровенной жидкостью, что Адана Иси соврала, но невиновна. Клянусь, что Адана Иси уничтожила храм и алтарь под воздействием проклятой магии браслетов Канубы по наущению врагов рода Иси! У нас с вами одна кровь, одна честь, один род! Да будет так!

Мир словно замер - детский голосок заставил духов остановиться и обратить на него внимание. Часть гостей ринулись прочь из зала, другая - вытаращились на нас. Я поспешила закрепить успех, не понравилось мне, что духи не исчезли, не ушли, а продолжали «скалиться», жаждая крови. Я полоснула застежкой от заколки по своей ладони, пуская кровь. Положила поверх осколка на его ладони свою руку, смешивая нашу кровь. Едва ли мой голос звучал громче, чем у мальчишки:

- Я, шааза Кайя Арэнк, посланница великой Язы Справедливой, клянусь кровью: все до единого Иси верны и преданы своим предкам. Кровью и честью служат вам испокон веков. Ни словом, ни делом не отрекались от духов рода, защитников рода, наставников рода. Клянусь кровью, самой сокровенной жидкостью, что Адана Иси соврала, но невиновна. Клянусь, что Адана Иси уничтожила храм и алтарь под воздействием проклятой магии браслетов Канубы по наущению врагов рода Иси!

Только прозвучало мое последнее слово, зазвучал глухой, холодный, уверенный голос Йелли, который повторил мою клятву. Затем синхронно - Амила и Ниол, за ними - эраты Ланей и Одэко. Совсем скоро голоса, вторившие друг другу, слились, многие встали на защиту рода Иси.

Окэ сияющими глазами, с невыразимой материнской гордостью смотрела на сына. У меня в груди защемило: если бы у меня был такой смелый сыночек, я бы тоже гордилась! А вот шаэр, как мне показалось, подсчитывал и запоминал голоса клятводателей. По всей видимости, вычеркивал их из ближайших врагов, а вот остальных ставил на контроль.

Последними поклялись сами верховные Иси, в конце на древнелеарском произнесли какое-то заклинание. Гости поспешили удалиться, а присмирившие духи занялись восстановлением дворца и выносом тел, ведь «наелись» досыта.

Окэ наконец сорвалась с места, чтобы обнять сына. Перед тем как уйти с ним, она серьезно предложила:

- Будем дружить?

- Будем! - так же серьезно, глядя ей в глаза, согласилась я.

Шаэр искренне улыбнулся нам с Йелли и его родителям:

- Моя благодарность неизмерима! Я запомню и верну этот долг!

- Больше на наши балы к себе не приглашай, и сочтемся! - мрачно произнес Ниол.

- Я же по дружбе, Ниол, - демонстративно «обиделся» шаэр на моего свекра.

- А Блук у моего сына ты тоже по нашей старой дружбе отобрал? - тоже «обиделся» Ниол.

Несомненно, этих двоих связывают приятельские отношения. Но вот зря он про Блук напомнил - шаэру словно на открытую рану соли насыпали, он грозно вскинулся:

- Знаешь что, вы с Йелли меня провели с этим Блуком! И после этого ты...

Так, не зря свекор вспомнил, а весьма своевременно, потому что мимо Яхто Иси пролетел озабоченный делами по восстановлению дворца призрак. Голос хозяина дома сразу потеплел:

- Ладно, забыли... друг другу.

После примирения заклятых друзей, мы, замученные, вымотанные и все-таки довольные тем, что все закончилось гораздо лучше, чем могло бы, полетели домой. Я - на руках у Йелли, крепко-крепко прижавшего меня к груди. Одним глазом наблюдая из-за его плеча за круговоротом из слуг, теней-охранников, гостей, рабочих возле по-прежнему сверкающего в лучах Моики Кристального дворца - оплота Леарата.

- Ты могла ошибиться, тогда призраки забрали бы всю твою кровь и душу! - глухо шепнул мне на ухо самый лучший в мире мужчина. - Никогда, слышишь, никогда больше не рискуй собой!

- Мы же связаны, - удивилась я. - Погибнешь ты, скорее всего, умру и я. Ты сам, между прочим, не стоял там в сторонке...

- Если тебя не станет, я - умру, потому что моя сила привязана к твоей. А ты - нет, потому что женщина - половинка, оставшаяся без истинной пары, - самодостаточна. Если и умирает, то от горя. Тебе это не грозит.

Вот и ответ, почему Амила раздражалась, когда мне нахваливали других наследников: если вычеркнуть из нашей пары Йелли, я вновь стану свободной сильной шаазой. Я подняла голову, чтобы взглянуть слишком рациональному мужу в глаза. И тихо, с горечью спросила:

- Ты уверен, Йелли?

- Разве это не так? - глухо спросил он.

- Нет, - без пояснений и прочей чепухи отрезала я, отворачиваясь.

Руки Йелли перестали походить на стальные канаты. Теперь он обнимал меня с нежностью. Во всяком случае, я верила в нее, ощущала. Для первого шага к пониманию и сближению и этого достаточно. Пока.

- Что-то ты бледненькая какая-то? - озабоченно заметила Амила, летевшая рядом и, конечно же, все слышавшая и видевшая.

Я на волне великосветского приема показательно-надменно заявила:

- Это у нас в роду такой признак героизма!

Йелли, наверняка вспомнив все свойственные мне «признаки», рассмеялся.

Глава 7

Рекрутинг

Всем семейством мы с террасы наблюдали за нескончаемым круговоротом леаров около Кристального дворца. Я – положив руки на перила, а Йелли – встав у меня за спиной и поглаживая мои плечи, порой легонько сжимая, словно хотел прижать к себе, но сдерживался. Ниол обнимал за талию Амилу, устало положившую голову ему на плечо.

– Почему красные? – спросила я, когда на стенах Кристального начали развешивать красные полотнища.

Кроме родителей сегодня вместе с нами ужинали родственники – близнецы Тукела и Туонис Арэнк, двоюродные братья Йелли, которые остановились у нас. Раз им никто не возразил, имели на то полное иерархическое и родственное право. В Совет Девяти им не войти, серого в них больше четверти, но присущие Арэнкам четкие, мужественные черты налицо однозначно. Четверо мужчин в нашей родственной компании похожи как внешне, так и разговорчивостью не отличаются. Кажется, если бы не я, они сидели бы молча – отдыхали, отдавая должное дворцовой кухне и бокалу вина, перебросившись парой фраз о самом важном.

Дополняя друг друга, близнецы рассказывали мне о традициях Леарата, когда я смотрела на них, вовлекая в беседу:

– Красный – цвет трагедии, он символизирует невинно пролитую кровь. Сегодня погибло несколько шаазов и шаа из сильных шаазатов. Причем не в бою, а случайно, из-за чьей-то подлости. Это чистый, светлый траур, когда разделяют горе и беду.

– А если бы Адана оказалась виновной?

– Тогда, если бы от Кристального хоть что-то осталось, последние представители рода Иси вывесили бы черные флаги.

– Символизирующие признание вины, сожаление и искупление.

– Достойная традиция, – вздохнула я и уточнила, задумавшись о зачинщиках сегодняшней бойни: – Сегодня сразу в нескольких шаазатах объявят новых эратов? Сменится власть...

– Да, – проскрипел Йелли. – Кто-то очень хитромудрый решил убрать Иси руками самих Иси. Вскоре после нападения на нас.

– Думаешь, это связанные события, эрат? – усомнился Туонис.

– Абсолютно! – ледяной тон Йелли не оставлял сомнений.

Ниол его поддержал:

– Да, поразительный размах и тщательно продуманная подготовка. Руководил один умник, без сомнений, высокого полета, с огромными ресурсами и возможностями, который раскинул сеть куда смог дотянуться. Против Йелли использовали кинжал, отравленный хаоши. Те твари редко с кем сотрудничают, тем более раздают артефакты, заряженные своей магией. Для Аданы браслеты Канубы где-то нашли. Создатели этих браслетов – ледяные – и сами теперь считают их практически утраченными. После казни жрицы Темной стороны Мойки мы их повсеместно уничтожали.

– Кануба – это темная жрица? – тихо обратилась я к Йелли.

– Да. Дочь леары и змейса, единственная из потомков подобного союза с хвостом и крыльями, в которой так соединились особенности обеих рас. Воспитанная в Подземье, ненавидевшая леаров и ледяных, она основала культ Ночи. К тому же Кануба была сильным магом и создавала жуткие артефакты, в частности браслеты подчинения леаров – магии и души. Темную жрицу казнили тысячу лет назад, но ее коварные «игрушки» до сих пор попадают, несмотря на наши усилия.

Я обернулась вполоборота, слушая мужа, и заметила, что гости и родители

поморщились.

- Может, не настолько этот умник и мудрый? - вновь высказал сомнение Туонис. - Ведь наш эрат с Кайей, хвала ларам, живы.

Йелли хмыкнул насмешливо; на безупречно красивых лицах его родителей появились такие кривые зловещие ухмылки, что пробрало и меня, и братьев. Амила высказала свою точку зрения:

- Просто этот «умник» уже второй раз не взял в расчет подкидыша Язы. Прости меня, сынок, за это прозвище, но оно как нельзя лучше отражает действительность. Кайя - слабая, почти ничего не знает и не умеет... - У меня от удивления чуть глаза на лоб не вылезли, пока Амила переводила дыхание! - На первый взгляд, но ее действия невозможно предугадать. Как, например, сегодня - клятва на осколке алтаря! Кто знал, что даже частица святилища пригодится? А их клятва с младшим Иси окажется столь искренней и проникновенной?

- Или когда леара, которая не в состоянии даже вестник сформировать, поставила защитную стену и спаслась вместе с супругом, - добавил с мягкой улыбкой Ниол.

В очередной раз убедилась: свекор - лапочка, а его жена - ведьма! Эх, жаль, сын пошел в Амилу, а не в отца. Неожиданно вспомнился Хинто - хваленый наследник Керука с ледяным, ошупывающим, раздевающим взглядом. И невольно передернулась, словно мне за пазуху пауков пустили.

- Что случилось? - с нежной заботой спросил Йелли, прижав меня к груди.

Я поделилась, не раздумывая:

- Ничего особенного, почему-то вспомнился Хинто Керук, он так жутко смотрел при знакомстве.

- Хинто? - ледяным тоном повторил Йелли, потом, взглянув на отца, вспомнил: - Кстати, ни отец, ни сын клятву духам Иси не принесли.

- Неплохо, решение легче принимать, - отозвался Ниол.

Это то, о чем я подумала? Но спросила осторожно:

- Скажите, уже есть предположения, кто за провокацией в Кристальном стоит? И за нападением на нас?

- Есть, но пока нет прямых доказательств, - с глухим раздражением признался Йелли.

Я обернулась к пострадавшему, но уцелевшему дворцу, сияющему еще сильнее. К сожалению, светится он благодаря магии тех, кто начал восстанавливать разрушенные взрывами или землетрясением башни, стены, переходы и ледяной декор, украшавший этот потрясающий воображение архитектурный ансамбль. Вокруг него летали сотни леаров: одни что-то несли туда, другие, наоборот, выносили, чаще всего трупы спускали в долину. Как здесь говорят, возвращали в родные шаазаты погибших. Страшная картина.

- Долго его восстанавливать будут? - шепнула я в грудь Йелли, обнимая его за торс.

Йелли расслабился и, чуть ссутулившись, тоже обнял меня, потом прижал еще крепче. Видимо, обнимашки и нежности не в его характере. Ну, раньше не были, а теперь, наверное, он восполняет, удовлетворяет новую внутреннюю потребность. И появилось это желание быть рядом со мной, касаться и, не побоюсь этого вряд ли известного моему суровому Арэнку слова, «нежничать» совсем недавно:

- Такие множественные большие разрушения и повреждения восстановят дней за тридцать - сорок, не раньше. Вдобавок энергозатратные работы ослабят магию рода Иси, поэтому года два остальные шаазаты, заговорщики, недовольные и откровенно безмозглые леары постараются вести себя тише камня и ниже наста.

- Да? А я подумала, наоборот, кто-то может попытаться занять их место, если они

ослабеют?

- Иси - самый сильный и многочисленный род. Сейчас у них одиннадцать крупных городов. Отправят во дворец усиленную охрану, ни одного заговорщика не пропустят, проведут массовую чистку неблагонадежных. Шаэр высушит любого, кто распустит крылья у него на пути. Столько силы на восстановление естественным образом не набрать, а вот забрать ее у врагов и неугодных - вполне. И повод для преследований и суровых мер вполне законный!

- Ясно, все как обычно, - мрачно констатировала я. И на всякий случай решила поинтересоваться про духов, раз мы с ними по соседству, вернее, в непосредственной близости проживаем: - Скажите мне кто-нибудь, почему духи рода поверили Адане? Не разглядели браслеты Канубы, а сразу бросились мстить Иси, крушить дворец и чужих походя убивать? Они же умные, защитники и должны беречь всех Иси, я правильно понимаю?

Йелли развернул меня, обнял лицо ладонями и, взглядываясь в глаза, негромко пояснил:

- Духи рода - это души, ты верно тогда заметила. Но в них уже нет былой семейной общности, они мыслят узкими категориями, такими как защита дома, свой-чужой по крови и магии, сытый-голодный. Они не прослеживают закономерности чьих-либо поступков или действий - а видят ситуацию, принимают ее или нет и действуют. В данном случае Адана уничтожила алтарь - сердце дворца, место для обращения к ларам и главный источник питания духов дома. Затем разгневанные, обозленные, потерявшие связи и источник духи услышали, кто виноват в том, что они остались без дома, без еды, более того, от них отказались и предали. Духи начали воевать!

- Кайя, подробности про браслеты Канубы уже никого не волновали, - добавил Ниол.

Близнецы искренне удивились:

- Шааза Кайя, можешь пояснить - как? Нет, почему ты решила использовать осколок?

- Откуда у тебя взялась мысль, что духи услышат призыв и клятву?

- Камень испускал магию, я подумала: еще живой... действующий... - Я неуверенно пожала плечами. - Э-э-э... Йелли во время шардиса сказал, что самое главное - поделиться сокровенными... Кровь тоже отлично подойдет. Вот я и решила: почему бы и нет?

Тукела, крутивший бокал в руке, залпом допил вино и резко поставил его на стол.

- Действительно - сюрприз от Язы! - усмехнулся он. - Ты знаешь, что дворцовые и домашние алтари создавались тысячелетиями, они выращены магией множества поколений леаров? У каждого свой алтарь - неповторимый, с присущей роду мелодией магии, - и обращаться к нему может только кровник, то есть родич духов по крови. Поэтому храмы готовят к ритуалам в основном сами эраты. Раньше считалось, что уничтожение главного алтаря шаазата равнозначно гибели всего шаазата. Так в старину пытались убрать соперников за власть, но вмешивались лары и жестоко карали посягавших на святыни.

- Поэтому коварный умник разрушил алтарь руками самих Иси. Если бы не ты и наследник, от первого шаазата и рода Иси совсем скоро ничего не осталось бы. Что не уничтожили духи, прокляли бы лары, потому что Иси не сохранили самое себя. По сути, душу и сердце рода.

- Какой кошмар! - ужаснулась я масштабу чужого вероломства. А потом встрепенулась: - Ну хорошо, если лары с духами теперь знают, что не Иси разрушили алтарь, проклятие и наказание падет на настоящего виновника?

- Воистину, устами младенцев и дураков говорит сама Истина! - проворчала Амила.

Я возмущенно посмотрела на нее. Йелли поцеловал меня в лоб, успокаивая, отчего у его кузенов брови от удивления взлетели на лоб. Видимо, желание поцеловать и успокоить тоже не в привычках эрата. В пику свекрови я с легким пафосом присвоила себе чье-то высказывание:

- Идеальных преступлений не бывает, бывает, что возмездие настигает не сразу.

- Какой-то ты странный противовес для Йелли: умные слова должен произносить он, - ворчливо буркнула Амила.

Зато мужчины развеселились.

- Происки врагов немного перекосили наше равновесие, - делано опечалилась я. Но усталость взяла свое, пришлось попросить Йелли: - Можно я спать пойду?

- Пойдем, - легко согласился он.

Эрат попрощался с родными, я вымучила улыбку, и мы ушли к себе. Наши покои привели в порядок всего за три дня, и теперь они нравятся мне гораздо больше, потому что цветные. По моей просьбе добавили коричневого, зеленого и желтого в отделочные ткани мебели и стен. Скоро должны доставить из Байсакала мягкий ковер - ткнут на заказ. Швеи и отделочники без охов и ахов слушали мои указания по части «иномирных безумств». Кажется, они с любопытством ждали очередной моей «выходки», как ворчала Амила. Уж она-то истерила наедине со мной: «Первая шааза Арэнк устраивает из покоев эрата непотребный домик для чернокрылых!» Пора бы ей уже начинать избавляться от стереотипов.

Приняв ванну и надев легкую ночную рубашку, я легла в постель и, не спрашивая разрешения, забралась к Йелли под бок, прижалась к нему. Его большая рука ласково легла мне на макушку, погладила, пальцы зарылись в волосы, провели до кончиков прядей, снова и снова. Затем к левой руке присоединилась правая - ласкала мое лицо, плечо, постепенно спустилась на талию, на спину. Йелли замер, прижав меня к груди, будто к чему-то прислушивался, но не настороженно, а как к чему-то новому.

- Скажи, что ты хочешь в подарок? В этот раз?

Я подняла лицо, заглядывая в его потемневшие глаза - верный признак хороших эмоций.

- За что подарок?

Хмурая морщинка залегла между его белоснежными бровями. Через несколько долгих мгновений я услышала:

- Просто так.

И улыбнулась с ехидцей:

- О лары, Йелли, душа моя, неужели ты наконец понял, что я - твой самый ценный подарок?

- Где-то так, - копируя мой тон, ответил Йелли.

Мы смотрели друг на друга, на смену ехидству и иронии приходили настороженность и ожидание. Внимательно вглядывались друг другу в глаза - еще не друзья, хоть уже супруги и половинки одного целого; еще не любим, но уже любовники, ближе которых больше не будет.

- Подари мне свое тепло и страсть, - выдохнула я, потянувшись к его губам.

- Это твой подарок, а не мой... - нисколько не возражая, муж ответил на поцелуй.

Лаская его губы, я не согласилась:

- Ты снова ошибся в моей оценке.

- К таким ошибкам и пристраститься можно... - Я губами ощутила улыбку Йелли.

Дальше нам было не до слов. Мы пили друг друга, делились, отдавали и забирали. Принимали свои новые чувства со страстью, согревали друг друга жаром тел, испытывая дикое желание. Возможно, после случившейся трагедии мы хотели вновь ощутить себя живыми и едиными самым желанным образом.

Большой зал, не торжественный, а рабочий в моем личном крыле, сегодня был забит народом. Еще бы, первая шааза второго в иерархии шаазата проводит отбор личной прислуги и доверенных лиц. Мы с Амилой восседали в креслах с высокими спинками, как королевы, с одной стороны, с другой – собрались кандидаты. Рядом с нами замерли Алел и Льил, за моей спиной лопалась от гордости Делла, ни много ни мало, тень первой Арэнк, единственная и неповторимая. Я ощущала себя в театре: сижу в отдельной ложе и смотрю спектакль из жизни князей и их челяди.

За стенами замка, вопреки всякой логике, живем-то над кучевыми облаками, с ночи лил дождь. Как пояснил мне Йелли, жарко целуя утром перед уходом, Иси тянули холод отовсюду, чтобы помочь духам и строителям быстрее восстановить Кристальный. Я с минутку-осколочек постояла на террасе, в полном удивлении наблюдая почти тропический ливень, смывающий снег с гор.

Передо мной выстроились «тридцать витязей прекрасных» – двадцать семь мужественных, весьма симпатичных леаров от светло-серого до черного, претендующих на очень важные должности – голосов шаазы. Они будут передавать мою волю, призывать или наказывать. Как обычно, Амила пыталась навязать свое мнение, а у меня от волнения буйствовала магия: зал медленно, но неуклонно покрывался снежной поземкой. Правда, неловко от этого чувствовала себя только я – остальные как ни в чем не бывало пользовались моментом.

Я глазами попросила подойти Льила. Серокрылый шаа, светлый, сильный и красивый, склонился так, чтобы не касаться меня и чтобы к нему тянуться не пришлось. В его зеленых глазах светилось удовольствие от близкого «общения» с моей магией или от того, что я при всех выделила его:

- Помоги мне, пожалуйста, с выбором, ведь ты знаешь их гораздо лучше меня?

Реакция на просьбу запоздала на мгновение, в течение которого Льил любовался Деллой. Я совершенно нечаянно подметила интерес моего главного телохранителя к хорошей тени, а вот сама эта тень почему-то не замечала очевидного мужского интереса – хмурилась, вдруг мое благоволение не ей, а кому-то другому достанется. Артистка!

Осознав ответственность, Льил выпрямился, его глаза светились удовольствием. Не сказав ни слова, он указал на шестерых мужчин и жестом выпроводил остальных. Некоторые из «неудостоенных» упорно пытались поймать мой взгляд, но я уже рассматривала тех, кого выбрал Льил, пытаюсь выявить, чем он руководствовался. По каким признакам или причинам указал именно на этих: расцветка у всех разная, от самых светлых, сильных магически, до практически обычного чернокрылого, но весьма большого и сильного с виду.

Они представились, затем мы провели ритуал наделения полномочиями, я выслушала кровные клятвы верности и преданности – на слово здесь не верят никому.

Следующими вышли секретари. Амила уже чуть не рычала, навязывая мне пожилого серокрылого мастера, а я заметила темно-русого парнишку, которого к претендентам вытолкнул представительный апик. Всем известно: апики – прекрасные торговцы, педантичные и правильные до мозга костей. Кроме того, мне очень понадобится поддержка представителей других рас, проживающих в Леарате и, несомненно, общающихся с сородичами. Вдруг мне повезет – телевидение продвигать начну? Выбор я быстро сделала, указала на парня:

- Ты! Я нанимаю тебя. Как тебя зовут?

- Шаа Кренд, шааза, – парень чуть не двумя руками лицо прикрыл, а вот апик, стоявший у стены, благодарно поклонился.

Любопытно, что связывает юного леара и солидного апика в возрасте? Скрипнула зубами Амила, с этой домоуправшей все понятно. Делла в унисон с ней хмыкнула, тоже неудивительно. А вот взгляд Льила, наоборот, был уважительно одобряющим. Отлично!

Швей выбрали быстро. Я сразу последовала совету свекрови, чем откровенно ей польстила. Но благостный вид она сохраняла недолго – пришел черед личных

горничных. Сотня женских лиц, а выбрать нужно тоже шестерых. Краем глаза я косила на руку Деллы: только обращу на кого-нибудь внимание – сжималась в кулак, мол, ну давай же, выбери ее. Пятерых девушек наняла по ее подсказке, если она совпадала с моим положительным восприятием. На шестой кандидатуре мы замешкались. Ажиотаж начался нешуточный: место одно осталось, а претенденток – сотня, как на бюджетное место в престижном универе. Но тут я заметила в дальнем углу, у колонны, девушку со светло-серыми крыльями. Явно сильная леара, значит, и род должен быть состоятельным, так почему она здесь в горничные просится? Ну как просится, скорее устало и грустно смотрит в арку на дождь, льющий как из ведра.

Я помахала ей, привлекая внимание. Она недоверчиво уставилась на меня красивыми синими глазами, словно не верила, что ее зовут.

– Это Байли, дальняя ветвь Арэнк. Ее дед предал отца Ниола, пытался сместить и стать эратом, – гневно заявила свекровь, не понижая голоса и осуждающе глядя на меня.

– Амила, я не понимаю, почему дети и даже внуки должны отвечать за предков? Веками! – тихо протестовала я, глядя ей в глаза. – Истинных нашего рода все меньше. Сколько их было на балу? Может, пришла пора простить своих изгоев?

Голубые глаза Амилы зло вспыхнули, но спустя несколько томительных мгновений она кивнула, соглашаясь. Я на эмоциях улыбнулась и благодарно пожала ей руку. Сразу же обернулась к Байли, подзывая ее ближе:

– Ты согласна принести клятву, чтобы быть главой службы горничных первой шаазы Арэнк?

– Какой службы? – опешила Амила.

– Такой, – хитро усмехнувшись, я объявила: – Службы горничных моего крыла и покоев!

– Йелли тебя совсем разбаловал, – зашипела мне на ухо Амила.

– А тебя – Ниол, но я же не жалуюсь, – шепнула я ей. А потом еще и подразнила: – Мне Йелли утром группу артефакторов для театра и сокровищницы моей новой пообещал. Представляешь?

– Знаешь что?! – громко возопила свекровь.

– Знаю, нам еще кандидатов на половину должностей смотреть. А лю... леары ждут!

Но Амила оскорбилась и царственно удалилась, точнее, улетела заниматься более важными делами, как она громко заявила. Подозреваю, что стрясти с мужа или сына подарки, чтобы переплюнуть невестку и восстановить статус-кво. Мы с Деллой быстро и уже без пафоса решили вопрос с оставшимися должностями. Причем я тайно развлекалась за счет моей тени, замечательно игравшей начальницу или директоршу. Одно выражение лица чего стоило! Она веселила меня больше, чем Амила. Затем была встреча с артефакторами и художником, которого вызвал во дворец Йелли.

Декорациями и артефактом для съемок я занималась с гораздо большим интересом и отчасти энтузиазмом, чем отбором обслуживающего персонала. А вот после полудня Амила вполне ожидаемо отыгралась на мне во время уроков, которые никто даже из-за траура не отменял.

На театр и репетиции вновь выделили лишь вечер, надо как-то переиграть свое расписание.

Глава 8

Премьера

Мои руки почти не тряслись от дичайшего напряжения, нервного и энергетического, экран ледаи светился ровным голубым светом. Оставалось верить и надеяться, что все получится. Все будет хорошо. Последнюю фразу я перед премьерой твердила как мантру вслух и про себя. Выждав положенное время, я сделала шаг вперед, словно полководец, возглавивший маленькое войско – артистов, готовых начать представление, и громко, четко объявила:

– Уважаемые шаазы, шаа и ша второго шаазата! Как накануне обещал наш самый заботливый, внимательный, оберегающий покой, благосостояние и духовное благополучие эрат Йелли Арэнк, мы преподнесем вам необычный подарок! Сегодня актеры второго шаазата покажут и расскажут вам удивительную сказку, она называется «Чернушка». Это вымышленная история, но, как известно, в любой выдумке есть доля правды! Если вам понравится сказка и вы захотите увидеть новую, отправьте нам цветной вестник: красный цвет – запрет, зеленый – успех. Если наш путь будет зеленого цвета, то впереди всех ждет новая интересная история. Итак, начинаем!

Давным-давно жила-была в одном очень известном шаазате счастливая семья зажиточного шаа: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили. Много лет жили они в согласии, ладно и радуя друг друга.

К несчастью, когда девочке исполнилось шестнадцать лет, ее прекрасную серокрылую мать проклял злобный змейс. Она тяжело заболела и вскоре умерла. В доме воцарилась глубокая печаль. Прошло два года. Отец девочки познакомился с серокрылой вдовой, у которой были две дочки, и привел ее в свой дом.

С первого дня мачеха невзлюбила хорошенькую падчерицу. Она выгнала всю чернокрылую прислугу и заставила бедняжку делать всю домашнюю работу, не давала ни льдинки покоя. Занимаясь тяжелой работой, девушка и впрямь частенько бывала в грязи и копоти. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Чернушкой, да и сама она позабыла свое имя.

Сводные сестры Чернушки не отличались характером от своей злой и ворчливой матери. Завидуя красоте сиротки, они заставляли ее прислуживать им и все время придирались. Однажды по округе разнесся слух, что наследник их эрата, хоть и не белокрылый шааз, но весьма сильный и видный эр, скучая в одиночестве в своем дворце, устраивает бал, да не один, гостей ждут развлечения несколько дней подряд. Семья эрата хочет пригласить всех видных и красивых шаа.

И понеслось. Я забыла обо всем, переживала каждую сцену, словно поселилась в сказке.

И наконец завершающая сцена – «свадебный» танец серокрылых «ангелов». Делла и Ален, ведущий актер в этой сказке, выглядели бесподобно. Я специально распорядилась сшить для Чернушки шикарное бальное платье в традициях своего мира. Пусть увидят, что платье можно надевать не только для шардиса. И тихонечко вытирала слезы, довольная игрой. Боги, мне попались невероятно одаренные личности, только поэтому всего за месяц мы смогли создать постановку с нуля. Какие талантливые и обладающие воображением нам достались декораторы, которых рекомендовал художник Йелли, еще швеи, осветители и прочие рабочие сцены.

Я зачарованно наблюдала, как крутится огромный сценический круг, как меняются декорации, откровенно любовалась каждой деталью реквизита, создававшей волшебный антураж королевского бала.

Затем я вышла на сцену и, поклонившись вместе с актерами, закончила представление, напомнив всем зрителям о необходимости проголосовать в течение глыбы: хотят ли они увидеть новую сказку. И отправила запись зрителям. Все!

Надеюсь, вчерашний анонс Йелли в поддержку моего творчества – тайный рекламный ход и подарок эрата – поможет нам привлечь максимум внимания, каждый захочет посмотреть. Я выразила море признательности и восторга всем участникам и помощникам постановки, поблагодарила их и в неизменном сопровождении Алела

направилась на террасу проверять накопители вестников – урны для голосования. А моя группа осталась переживать в студии.

Сомнений и неуверенности мне добавили тишина и пустота в коридорах дворца. За всю дорогу я встретила только одну заплаканную шаа, которая улыбнулась мне сквозь слезы и убежала прочь.

Заметив, что я тревожно провожаю ее взглядом, Алел тихо сказал:

– Шааза Кайя, пусть это выдумка, но вышло очень красиво и... трогательно. Все будет хорошо.

– Да?! – просияла я, тоже надеясь на одобрение.

Алел кивнул с улыбкой. На террасу, где по приказу Йелли установили ловушки-накопители для сбора вестников, я вышла с подрагивающими коленями. Сам эрат уже стоял там, заложив руки за спину. Услышав нас, он обернулся и обеспокоенно оглядел меня:

– Добрый вечер, сладкая, я посмотрел вторую половину сказки. Мне очень понравилось!

Я успела заметить у него озабоченную морщинку между бровями. Наверное, сверлил ловушки мрачным взглядом. Значит, не уверен в моем успехе и тоже беспокоится.

– Спасибо, родной, – мягко ответила я и призналась с улыбкой: – Ледея мне далась легко, а вот просто стоять и не нервничать – не смогла.

И опустила на пол возле ловушек. Светлый камень порадовал прохладой, а то я горела от напряжения. Вперилась в накопители успеха или провала: что выпадет мне?

Йелли, несмотря на свой высокий статус, тоже сел рядом со мной, погладил меня по щеке кончиками пальцев и уверенно, категорично заявил:

– Кайя, я хочу, чтобы ты знала и не переживала: плевать мне, какого цвета вестники сегодня наберутся! Если тебе это занятие по душе, значит, все будут смотреть!

Мой высокий, атлетически сложенный мужчина с красивыми и мужественными чертами лица, усевшийся по-турецки, сжимал кулаки – волнуется и беспокоится за меня, наверное, больше, чем я сама. И конечно, пытается это скрыть. Меня затопила волна горячей нежности к нему, губы сами собой расплылись в счастливой широченной улыбке. Презрев все условности и чужое мнение, я залезла к Йелли на колени, обняв за шею и прижавшись к нему, благодарно шепнула:

– Я знаю!

Посмотрела ему в глаза и замерла. Мы несколько мгновений любовались друг другом и оба потянулись губами за поцелуем. А потом, с трудом оторвавшись, шальными от удовольствия глазами ели друг друга. Да плевать мне, что Алел стал невольным зрителем «игрищ» с мужем. Впервые в жизни мне абсолютно все равно, потому что больше всего на свете нравится вот так сидеть в обнимку с Йелли, ощущать его силу и уверенность. И целоваться.

– Моя... родная... надо же, никогда не думал... – глухо, с затаенным удивлением прошелестел Йелли, поглаживая мое лицо большими пальцами и вглядываясь в глаза.

– Твоя, – согласилась я с улыбкой, сама немного ошеломленная нахлынувшими чувствами и нечаянными открытиями.

Йелли моргнул пару раз, словно возвращая себе ясность мысли, резко подался вперед и, медленно скользнув носом по моему виску, жадно, с наслаждением вдохнул. Затем уже спокойным, привычно ровным голосом сообщил:

– Сегодня принесли твой новый артефакт. Он способен сохранять и частично удалять что-либо лишнее, ненужное, то, что захочет маг. Но над установлением времени показа и накопителем пока еще работают...

Я едва не взлетела от восторга:

- Так быстро? О лары, это же чудо! Даже эти функции нам очень-очень помогут! Да это принципиально поменяет запись и трансляцию моего кино...

- Чего поменяет? - полюбопытствовал Алел, не выдержал, бедолага.

Пока я поясняла, что такое кино и трансляция, Йелли молча внимал и, уверена, мотал на ус. В отличие от первых дней здесь, когда, по его словам, мне время привыкнуть и отдохнуть давали, теперь постоянно спрашивают о моем мире, и не с праздным интересом.

- Где твоя тень? Неужели новоявленную звезду Деллу не интересуют результаты голосования? - спросил муж.

- Она с труппой принимает поздравления от поклонников, - усмехнулась я, повернувшись к телохранителю и попросила: - Алел, позови Деллу...

- Да, матушка, я пришла по первому твоему слову, - раздался тихий голосок Деллы, вставшей за спиной Алела.

Телохранитель опешил, отодвинулся в сторону, позволяя нам увидеть тень Арэнк во всем великолепии: в красивом белоснежном бальном платье, как у Золушки из земных мультфильмов и кино, кротко, покорно склонившуюся передо мной. Причем не понарошку, а как совсем недавно, совершенно вжившись в роль. Более того, гладкая прическа с собранными на макушке волосами, украшенными «жемчужинками», очень шла созданному ею образу совсем юной прекрасной девушки, чистой и невинной. Актриса!

У меня невольно дернулся глаз:

- Делла, спектакль окончен, выходи из роли, а то мне страшно за тебя. И за себя тоже, вдруг безумие заразно!

Йелли и Алел хмыкнули, а звезда кино и театра заморгала. Через мгновение она заметно изменилась - вернула себе истинный облик прожженной карьеристки и стяжательницы славы. Бросив на меня недовольный взгляд, Делла наконец, испуганно сглотнув, вежливо прикрыла рукой лицо, приветствуя эрата.

Затем ее внимание поглотили светящиеся накопители. Она забыла обо всем на свете, трагически заломив руки, отчаянно взвывала:

- О лары, я умру!

- С чего бы? - опешила я, да и все остальные.

- От позора! - воскликнула она патетично. - Ведь в нашем мире так мало понимающих личностей. Тех, кто по достоинству может оценить театр, душу актера, его труд...

- Она одна такая или у тебя там все наподобие? - недовольно оборвал тень Йелли, обращаясь ко мне.

- Творческие люди... леары, они, похоже, во всех мирах немного ненормальные, - хихикнула я, заметив, как Делла тайком «ненавидит» эрата.

Если подумать, странно и нелепо выглядела связь между Арэнком и Деларией, вернее, пара ночей секса, которые он позволил, потому что ей якобы лары приснились и приказали, а она хотела по-идиотски отомстить Хтону. Они же терпеть друг друга не могли, один - откровенно, а вторая - еще и не менее откровенно боялась его. Муж и тень и теперь не понимают, что я нашла в каждом из них. Наверное, поэтому нет у меня больше ни грамма ревности или другого негатива к Делле и Йелли по этому поводу. А ведь обоим так или иначе приходится упоминать друг о друге и встречаться ежедневно.

Просто с Деллой привычно и легко, она слишком походит на мое прежнее окружение, понятна и логична. В отличие от других леар. Вот и сейчас моя тень и актриса нервно ходит вокруг накопителей, чем-то напоминая кошку возле накрытого стола: угостят или нет. Эх, если бы ее мельтешение помогло зрителям принять положительное решение.

Периодически Делла дергала шикарное и весьма дорогое бриллиантовое ожерелье. Я это украшение лично на нее надела, чтобы усилить последнюю сцену сказки, сделать ее более впечатляющей и волшебной. А она его вот-вот с себя сдерет и меня невольно этим нервирует, поэтому распорядилась:

- Делла, ожерелье тебе больше не нужно, можешь снимать. Учиться носить дорогие украшения будешь на своих... когда заработаешь.

- Думаешь, мы хоть что-то зарабатываем? - уныло спросила она, «забыв» при этом снять украшение.

Не успела я отринуть ее и, что греха таить, собственные сомнения, вопросом дохода озабочилась Йелли:

- Хм-м, сколько, примерно хотя бы, ты собираешься зарабатывать с этого? И как часто?

Я резко обернулась и успела заметить хорошо знакомый взгляд предпринимателя, попросившегося с абсолютно точно потерянными вложениями, но без которых никак нельзя обойтись. Прямо как в рекламе: заплати налоги и спи спокойно. Я уже не сомневалась, что Йелли думает о провале моей затеи. Видимо, как и его мама, театр не понимает, но готов не только поддерживать мои хотелки, а согласен «развивать» шоу-бизнес за свой счет и, вполне вероятно, тайком от меня. Интриган! Зато мой родной и обожаемый интриган! Поэтому с кривой улыбкой ответила:

- Рассчитываю - много, а вот как получится - не знаю!

Мы все услышали перезвон колокола: отведенный для голосования час прошел. Вот и сияние вокруг урн потухло. Прием вестников завершен.

- Кто откроет? - Делла коршуном зависла над одной из них.

Йелли просто щелкнул пальцами над ближайшей, с негативом, а я замерла от волнения. В ожидании результата болтала и шутила, а потом и пальцем шевельнуть не смогла. Даже Алел подобрался, когда открытая урна окрасилась в красный цвет.

- Кайя, все пропало, - заплакала Делла. - Мне не стать звездой!

Я тоже расстроено шмыгнула носом. Да, мы знали, что всем понравиться невозможно, но сейчас, увидев ярко-красный цвет урны, известивший о силе негативных отзывов, у меня внутри все сжалось: как же горько и обидно. Неужели действительно конец? Мне придется искать другой способ заработать и занять себя?

Но благодаря решительности Йелли, я не успела совсем расклеиться. Из урны вылетел тридцать один вестник, четыре - едва окрашенных красным и двадцать семь - пылающих багровым цветом. Я потянулась к одному из них, коснулась, активируя, и произнесла вслух послание:

- Это чудовищно! Не хочу больше видеть эту ерунду!

По отклику магии я сразу поняла, что это ведьма Амила ваяла перлы злословия. Другие двадцать шесть багровых вестников тоже оказались от нее и в том же ключе.

- Ну, мама! - хохотнул Йелли, с досадой качая головой.

Делла уже гораздо веселее активировала бледный вестник из оставшихся четырех, не принадлежащих «перу» Амилы, и зачитала:

- Все в игрушки играетесь, мешаете честным леарам спать!

- Это Дульчик, дед пекаря, они возле тракта живут, - поделилась Делла с рассеянной улыбкой, еще не в силах поверить, что реально недовольных зрителей оказалось настолько мало. - Дед чернокрылый, а живет дольше шаа, правда, спит все время...

Другие три розовых вестника были похожего содержания. Двое негодовали, что постановка отвлекла народ от работы, и высказались за перенос новой хотя бы на глыбу. Одна престарелая ша «громко» возмущалась, что актеры были в платьях, да еще белых, -

это же покушение на святые традиции шардиса и одежду шаазов. Можно сказать, пропаганда ложного мировоззрения и измена родине.

Мысленно я злоеще хихикала: именно так и есть! А вслух удивилась настолько приземленному толкованию обычной сказки. Но, поймав насмешливый взгляд Йелли, поняла, что для него мои далекоидущие замыслы тайной не стали. Но лично мне – белой шаазе из второго шаазата – позволено все.

Эрат усмехнулся понятливо, легонечко щелкнул меня по носу и вновь, будто не сдержав порыва, прижал к себе.

А вот когда я сама вскрыла вторую урну, воздух вокруг нас буквально позеленел от вестников. Тысячи зеленых снежинок, подсвеченных светлячками, вьюгой кружились над террасой в лиловых сумерках. Кажется, все девять тысяч шестьсот три наших подданных откликнулись и проголосовали за. Мы жадно выхватывали вестники: первый, второй, третий... и наслаждались незамысловатыми словами восторга и восхищения.

- Ура! Это успех! – радостно заорала я, вскакивая и танцуя лезгинку под ошеломленными взглядами остальных.

Делла секунду сомневалась, перебаривала, а потом с ликованием и счастливой улыбкой закружилась в воздухе в хороводе снежинок. Лылл возле колонн на границе коридора и террасы следил за девушкой с одобрительной улыбкой. Заметив, что его присутствие больше не тайна, поприветствовал меня и выразил свои поздравления, приложив руку к сердцу.

Я задумчиво посмотрела на Деллу: почему бы не помочь хорошим леарам обрести счастье? Истинность серокрылым не так важна для появления потомства, как шаазам, а любви и заботы хочется всем. Рядом с таким правильным мужчиной, как Лылл, и Делла может стать человеком. Я хитро улыбнулась и потянулась к Йелли целоваться. Муж мотнул головой Делле и Алелу, чтобы удалились, крепко меня обнял и жадно поцеловал. Затем предложил потренироваться. Полетать!

Сначала он недоумевал, почему я смущенно покраснела, а потом, вспомнив, как учил меня держать ритм и правильно махать крыльями во время секса, негромко рассмеялся. В конце концов поздним вечером, при свете трех «лун» мы просто носились в облаках. Устремлялись к звездам и падали вниз, отчего захватывало дух и хотелось визжать от восторга, благодаря Мока, Мойку и Комка. Кажется, у меня никогда в жизни не было настолько душевного и романтического вечера: первый успех моего театра и улыбающийся Йелли рядом – эмоции зашкаливали, я захлебывалась от счастья.

С утра все леары во дворце не просто привычно закрывали лицо, приветствуя меня, а кланялись с улыбками, как своей. После уроков, когда я спустилась в студию, в первый момент растерянно хлопала глазами. Яблоку негде было упасть от желающих служить в театре. Пора начинать новые прослушивания и репетиции.

Глава 9

Гастроли

Передо мной завис шаа Кренд – мой секретарь:

– Шааза Кайя, мы можем выдвигаться?

– Да, конечно, летите вперед, мы с эратом догоним, – разрешила я.

Не прогадала с выбором секретаря. С виду щуплый юноша оказался на редкость расторопным, стоило о нем только подумать, а он уже тут как тут. Чуть позже я познакомилась с его опекуном – апиком Женем. Сак Жень, как принято обращаться к весьма уважаемым в своей среде апикам, удивил меня тем, что, будучи представителем другой расы, взял на себя ответственность за сына погибшего нанимателя, которого разорили и убили свои же партнеры. Смелый поступок. Жень вырастил Кренда, обучил всему, что знал сам. И вот теперь удачно и вполне заслуженно продвинул юного подопечного по карьерной лестнице. Ведь парень только третий переход прошел – восемнадцать лет. Сначала я не раз обращалась к Жене, как называла его про себя, за советом. Потом недолго думая, предложила ему работать у нас директором театра – умные и порядочные «люди» всегда нужны.

– Это все? – слегка удивленно уточнил Йелли, разглядывая мой багаж.

Я придиричиво посмотрела на три кожаных сундука-кофра с одеждой, обувью, украшениями (как шаазе без них!). Вроде не увлеклась, взяла самое необходимое, чтобы блистать, но не звездить.

– Да, кажется, ничего не забыла.

– Даже странно, – раздался ехидный голос Амилы, явившейся на террасу вслед за Ниолом, затем она не менее ядовито добавила: – Ты меня удивила такой скромностью на грани неприличия. Я думала, что ты полдворца с собой потащишь...

– Нет, все лишнее я оставила здесь, под твоим присмотром, – я мило улыбнулась свекрови, а как только до нее дошел смысл фразы и она сжала кулаки, моя улыбка стала неприлично широкой.

– Ладно, в отличие от вас, у меня много дел. Не скучайте, а то летите совсем одни, не с кем перемолвиться... – Амила помахала нам рукой, собираясь взлететь, но тут из-за дворца показалась длинная, многочисленная, крылатая процессия, нагруженная багажом, сродни приличному обозу.

Возле главной летучей «телеги» металась Делла, угрожая всех проклясть, если ее драгоценные наряды вывалятся или пострадают. Сегодня наша примадонна, как и я, «радовала» Амилу розовым нарядом. Со временем моя тень стала подражать мне, а не Амиле. Правда, пока только по части манеры одеваться, оценив эффект, который я неизменно производила на сильных мира сего, а во всем остальном предпочитала подражать истинной шаазе, а не подкидышу Язы.

– Одним отдохнуть не получится, – еще более очаровательно и с наигранной грустью «посетовала» я, – ты же знаешь, у меня сериальная постановка «Ромео и Джульетта» началась. Так что пришлось брать с собой весь театр, декорации, реквизит...

– Да ты с ума сошла! – возопила Амила. – Кому нужен твой театр? А ты такую толпу за собой по городам таскать будешь!

– Новые места для съемок только украсят картину, – спокойно парировала я.

Нападки свекрови на мою работу больше не расстраивают, в основном развлекают. С момента выхода сказки о Золушке-Чернушке прошел месяц, и мы постоянно работаем, расширяя репертуар. Следующей была еще одна небольшая сказка, а теперь готовится увидеть свет небольшой «телесериал», чтобы каждый день привлекать к «голубым экранам» зрителей. Генеральный прогон первой серии, или как еще совместить леарскую магию с достижениями и терминологией моей родины, вчера прошел на ура.

Теперь урны обратной связи работают постоянно, чтобы иметь представление о «рейтингах» и впечатлениях. Леары с удовольствием приняли участие в обсуждении. Кренд в качестве услуги мне покрутился в разных общественных местах и узнал новости.

Благодаря опыту апики Жени, деньгам и поддержке Йелли, энтузиазму и талантам всех служащих театра, мое дело развивалось быстро и успешно. Словно сами лары помогали. Во всяком случае, духи рода Арэнк содействовали постоянно и с удовольствием. Эти эманации душ повадились являться в студию во время репетиций. И не просто слушали-смотрели – помогали учить сценарии актерам разными способами и порой просто своим настроением, веселым или грустным, в зависимости от сюжета, «заряжали на подвиги» всех, от режиссера и худрука в моем лице и актеров до рабочих сцены.

В большой тур по городам и весям шаазата Арэнк весь театр отправился с горячим энтузиазмом. Для труппы это путешествие-гастроли стало выдающимся событием, ведь многие не могли путешествовать по Леарату в силу разных причин.

Прищуриль глаза, Йелли наблюдал за, кажется, бесконечной вереницей народа, покидавшего дворец вместе с нами. Посмотрел на меня, оценил виновато-умильную рожицу, которую я состроила, и, снисходительно-насмешливо покачав головой, жестом предложил отправляться.

К первому пункту нашего пути – городу Шаворе – мы несколько часов летели весело и с шутками. Даже к постоянному присутствию строгого, сурового эрата путешественники привыкли быстро и сначала тихонечко, а потом громче и громче делились впечатлениями. Чуть позже, прямо в небе, репетировали, разучивали роли. Йелли иногда приподнимал белоснежные брови, наблюдая за очередной сценой, и было похоже, что воспринимал театральные будни за бедлам или слет умалишенных.

Встреча, организованная главой города Шаворе, поразила всех, даже эрата. Во-первых, огромная толпа собралась вокруг приличных размеров центрального поместья, где нам предстояло «квартировать» какое-то время. Здешний дворец со службами возвели на высокогорном плато, на вершину почему-то не полезли, зато места вокруг много и перед центральным входом большущая площадь.

Во-вторых, только мы приземлились у входа и начали церемонию представления и знакомства, в нас чем-то запустили. Йелли среагировал мгновенно, еще до того, как я заметила угрозу, – прикрыл меня белоснежными крыльями и голубым защитным куполом. А замороженная «угроза» с ледяным перезвоном раскололась на кусочки и рассыпалась у наших ног.

– Кто посмел! – взбешенно заревел Йелли.

Я смотрела вниз, выглядывая из-за его крыльев, потом присела и подобрала кусочки льда, в которых застыли красные цветочные лепестки. Нам бросали цветы? Но ведь цветы в Леарате лишь в долинах растут? Здесь, в холоде и на вершинах гор, их невозможно сохранить живыми.

Вперед выступил глава Шаворе, его серые крылья трепетали, симпатичное лицо побелело от страха и напряжения, руки он не знал куда деть, голос дрожал:

– Это было приветствие... праздничное. Мы хотели выказать радушие хозяйке шаазата и признательность за чудесные сказки...

Положив руку Йелли на плечо, я поспешила исчерпать инцидент:

– Они бросали нам цветы, как в «Золушке»... «Чернушке» приветствовали молодоженов после свадьбы. – И с благодарной улыбкой, еще не совсем поверив в это чудо, уточнила у главы города: – Верно, шаа? Да?

– Да, да, да, шааза Кайя! – выпалил он, кивая так убедительно, что никаких сомнений не осталось не только у меня.

Йелли сразу успокоился, но крылья убирал медленно, неохотно выпуская меня из защитного кокона, затем положил руку на талию и бережно прижал к себе. Явно никому не доверял и предпочел держать при себе, как самое ценное. И все-таки счел необходимым сухо поблагодарить:

- Спасибо. Интересный прием. Впредь лучше предупреждай.

Ну да, во избежание, так сказать.

Пока шли к нашим покоям, я, ощущая крепкую, надежную руку мужа, впервые почувствовала, что, кажется, влюбилась! По-настоящему влюбилась, а не по дружбе! Чувство будоражило кровь: меня то в жар бросало, то в холод – страшно любить безответно, уж я-то знаю, видела, как относились друг к другу отец и некоторые его жены, влюбленные, но не любимые.

Покои были похожи на Амилины – белые, словно операционная. Всего день вне дома, которым стал для меня наш ларанский дворец, а я уже хочу вернуться. Там теперь много цвета, уютно и тепло, не то что тут... чужое.

- Мы здесь надолго? – нахмурилась я, разглядывая типичные белолеарские хоромы.

Йелли обнял меня со спины, прижал к груди и глубоко вздохнул:

- Устала? Не нравится?

- Немного. – Я положила ладони на его руки, погладила. – Просто здесь как в гостях. А я раньше не очень любила гостить у чужих лю... В общем, предпочитала наносить кратковременные визиты. Думаю, привыкну...

И заметила наше отражение на зеркальной ледяной поверхности: розовое, сияющее драгоценностями видение в облегающей тунике и узких брючках, с высоким серебристым хвостом на макушке обнимает высокий красивый мужчина, буквально обволакивает собой, словно хочет коснуться всем телом, всей кожей почувствовать. Его белая шевелюра контрастирует с моей платиновой, к счастью, не поседевшей, светлые, почти прозрачные холодные глаза – с фиалковыми, бархатными.

Наши взгляды встретились в зеркале, голубое пламя разгоралось все ярче, и вот уже большие мужские руки легли на полную женскую грудь. Я откинулась назад, положила голову на плечо Йелли и сладко вздохнула, наслаждаясь его ласками. Шумное возбужденное дыхание... мой стон желания и удовольствия... мужские ладони скользнули ниже, легли на бедра и...

- Кайя, посмотри! Посмотри, что мне подарили! – с восторженным криком в покои ворвалась Делария.

Я застонала уже не от страсти, а с досады:

- Делла, если ты моя тень, то должна быть незаметной и неслышной...

Йелли резко развернул меня к себе лицом, чтобы не продемонстрировать чужим мою обнаженную грудь. При этом он так злобно рыкнул, недовольный явлением моей заклятой подруги, что даже меня проняло. А вот звезда как ни в чем не бывало быстренько прикрыла лицо ладонью, поклонилась коротко и, бочком-бочком обходя разозлившегося эрата, замерла передо мной. И с таким восторгом и гордостью протянула мне живые цветы, не передать словами:

- Представляешь? Это мне подарили, а сколько выказали восхищения!.. Ум-м-м!..

Деларию захлестнуло восторгом настолько, что ей, наверное впервые в жизни, было по-русски до лампочки, как на нее отреагирует эрат, не говоря уж обо мне. Ее целиком и полностью поглотили собственные ощущения – бурные, пьянящие, головокружительные.

- Представляю и, поверь, разделяю восторги поклонников твоего таланта. Ты настоящая актриса. А что дальше будет!..

- Ты думаешь? – скинула она сияющий взгляд. – Обещаешь?

- Ручаюсь! – в голосе Йелли крошился лед. – Дальше будет забываемо, если ты сейчас же не уберешься из моих покоев!

Видимо, не надеясь на понимание ошалевшей от успеха первой леарской звезды, второй

эрат голубой широченной «плетью» вытолкнул ее вон и для верности наморозил на входе ледяную завесу. Дальше забываемо хорошо было уже мне. Розовые тряпки разлетелись по полу, ожерелье я успела спасти, а вот ножки у кровати мы сломали совершенно честно!

Передо мной раскинулся город Йерик – самое большое владение шаазата Арэнк, более того, здесь еще и малая родина – родовое поместье Арэнков. Ларанский дворец, оказывается, увеличенная копия йерикского, только здесь дворец венчает высоченную гору за облаками. Внизу, когда облака разгоняет ветер или рассеивает дневное светило, можно увидеть долину, где живут чернокрылые леары. Долина, как обычно в Леарате, напоминает мне, землянке, сказочный сад с разноцветьем и буйной зеленью, почти рай!

Йелли еще посапывал, насытившись ночью любовью и страстью, а мне почему-то не спалось. Налив себе сока, я вышла на террасу полюбоваться рассветом и окружающими красотами. Теперь, когда я полюбила, искренне, всей душой и сердцем, мир расцветал новыми красками. Я впервые захотела ребенка, ведь сын или дочь будут от любимого мужчины. Впервые задумалась о детях, беременности. Как это будет? Наверняка муж обрадуется, если у нас получится...

– Как? Скажи мне, как ты могла так поступить? – гневно заорала с соседней террасы Амила, оборвав мои прекрасные мысли о будущем самым неожиданным образом.

Прокашлявшись, после того как с испугу поперхнулась соком, и спрятав крылья, я просипела:

– Что случилось? Я еще вроде ничего не успела сделать?

– Нет, сделала! Ты убила ее! – гневалась Амила. – Как ты могла так надругаться над бедной девочкой? Ей столько досталось! Ведь в таком возрасте любовь – самая сильная и бескомпромиссная, а ты...

– О какой девочке ты говоришь? – совсем перепугалась я, заполошно перебирая в памяти, когда и над кем успела надругаться.

– Вы давно прилетели? – На террасу вышел заспанный Йелли в белых штанах, низко сидящих на потрясающей фигуре, взлохмаченный и такой родной и любимый, что сердце сладко екнуло.

– Сейчас прилетела! Всю ночь летела, чтобы все высказать твоей паре! Несносная девчонка! А Ниол вообще отказался лететь из-за Джульетты... муж называется!

– Ну могла бы и вестник прислать, – растерянно сказала я, глядя, как Йелли недоуменно смотрит на маму. И вдруг я догадалась, кого убила и над кем надругалась. – Фу-ух... Амила, надеюсь, ты понимаешь, что с Деллой все в порядке? Она жива и в полном здравии.

– Кайя, не мудри, при чем здесь твоя тень неблагодарная! – разъярилась свекровь, а потом закатила глаза и ошарашила просительным, даже заискивающим тоном: – Нет, ты мне лучше скажи, что у Джульетты все будет хорошо!

– Ясно, все будет хорошо! Хотя хэ не обещаю!

Амила облегченно выдохнула и, раздраженно махнув рукой, заявила:

– Хэ мне не нужен, я вообще понятия не имею, кто это. Мне нужно, нет, я хочу, чтобы все было хорошо.

– Амила, надеюсь, ты догадываешься, что понятие «хорошо» у всех различается, давай посмотрим, совпадет ли у нас с тобой, – я мягко улыбнулась, словно с большой разговоривала, и быстренько упорхнула с террасы, подальше от свекрови.

Когда муж вернулся, я металась по комнате.

– Дорогой, а мы можем сегодня свалить... ну, улететь тихонечко и незаметно вечером... после ледаи? А?

Йелли, сложив руки на груди, с веселым изумлением смотрел на меня. Затем мой очень-очень умный и догадливый муж с улыбкой в голосе уточнил:

- То есть ты подозреваешь, что понятие «хорошо» у вас с мамой разнится?

- Я бы сказала - в корне!

- Странно, не замечал. Если хочешь, можем и свалить, незаметно, - рассмеялся Йелли и добавил, нежно обняв меня: - Дорогая, до тебя моя жизнь была абсолютно предсказуема и скучна. А теперь каждый день - сплошные развлечения.

- Надеюсь, ты рад? - я постаралась спросить спокойно, но, наверное, глубоко спрятанные опасения, что ему все равно или раздражает, вылезли наружу.

- Более чем... более чем, - почему-то аж два раза повторил Йелли.

Мы обнимали друг друга, никуда не торопясь, вглядываясь в лица. Я не выдержала его пристального, мне кажется, все подмечающего и понимающего взгляда и уткнулась ему в грудь. Сразу на голову мне опустилась его ладонь, ласково, нежно погладила, успокаивая и обещая: все будет хорошо. Безмолвно, но с твердой гарантией. В этот момент так хотелось признаться, что я люблю. Уже совершенно точно люблю и, если его - не дай лары! - не станет, умру от горя. Как другие истинные, оставшись одна, уйду в небытие за своей половинкой. Но слова не шли, стояли в горле, прилипали к языку. Сперва я трусила, затем три заветных слова - я тебя люблю! - почему-то казались такими банальными и слишком простыми, чтобы выразить силу и глубину моих чувств. И я промолчала.

Весь день, пока шли сначала мои уроки с мастером Фэем, потом занятия по магии с Амилой и даже на репетиции новой постановки, я нервничала. Сегодня последняя серия «Ромео и Джульетты» - и что будет после, страшно представить. Свекровь меня убьет...

Завершив показ, я деактивировала новейший артефакт и буквально кралась к себе в покои, прислушиваясь к каждому шороху. В безлюдных, ой, пустых коридорах сквозь тишину из-за всех дверей доносились всхлипывания, а то и рыдания: зрители оплакивают главных героев. Йелли должен быть готов к отлету...

- Несносная девчонка! Кайя, ты обманула меня! - сквозь слезы заорала Амила, вылетая из-за поворота.

Я улепетывала со всех крыльев, громко оправдываясь:

- Ни в коем случае! Я же предупреждала, что «хорошо» у всех разное!

Амила, рыдая, опустилась на мраморный пол. Неужели обессилила, заболела? Все-таки возраст и летела сюда всю ночь. Я уже заволновалась, а она неожиданно озабоченно спросила:

- Что такое хэ?

- Счастливый конец истории, - отлегло у меня.

- Хм-м-м... - задумчиво пропела она и поклончила: - Ну хотя бы в новой истории хэ будет? Пожалуйста!

Я расплылась в довольной улыбке: посадила свекровь на «кино». Фактически она сейчас признала, что смотрит «глупости» и даже вон плачет, расстроилась. Это успех!

- Будет! Следующей выйдет новая сказка «Красавица и Чудовище» по мотивам моего брака с Йелли. И в ней счастливый конец будет непременно.

- Что-о-о?... - возмутилась мама эрата Арэнка. - Лучше назови «Красавец и Чудовище» - это более правдоподобно!

- Нет-нет, я в задумку мироздания чужие «хочу» не вставляю. Сюжет сложился и изменениям не подлежит! - задрал нос, отказала я.

- За что нас лары наказали? - Амила возвела очи горе.

- Кстати, тебе в новом спектакле тоже роль отведена, - подсластила я пилюлю и заодно заинтриговала.

- Да? - воодушевилась она.

- Да! Только твоя героиня умрет в самом начале...

- Знаешь что? - возмутилась Амила. - Я... я не буду его смотреть!

- Как хочешь! Но, в отличие от оригинала, там твоя героиня - положительный персонаж, - поддразнила я свекровь, в которую только что влюбилась.

Амила нарочито оскорбленно развернулась и улетела. А я, весело напевая себе под нос и подтанцовывая, отправилась в свои покои радовать Йелли, что гроза миновала и мы остаемся в Йерике еще погостить. Вернее, пожить! Родовое поместье Арэнков я тоже приняла как «свое», здесь будет хорошо растить детей. Безопасно и уютно!

С каждым днем в Леарате, с Арэнками, я проникалась этим миром, горами, леарами. Пропитывалась их бытом, проблемами и обычаями. Не только мечтала, но и, надеюсь, начала менять что-то к лучшему или хотя бы просто разнообразить и украсить.

Я приняла Мир и верила, что он принял меня.

Глава 10

Успех

- Рейтинги растут, согласно отчетам по отзывам, последняя постановка покорила шаазат, - доложил Кренд.

Его опекун Жень был менее позитивен:

- Поверенный эрата по торговле уже несколько раз просил связаться с тобой, шааза, и потребовать переноса вещания на глыбу. Говорит, мы срываем полевые работы. Рабочие даже на осколок не хотят задерживаться и спешат домой, чтобы с семьей просмотреть очередную серию.

- Хорошо, проведем совместное совещание, - согласилась я и добавила: - Тем более что мы в любом случае планируем расширить сетку вещания.

- Чем на этот раз? - заинтересовались оба моих помощника. Самые лучшие помощники!

- Думаю ввести «Новости», - улыбнулась я. - «Мировые новости»!

- Новости? Какие новости? - удивились оба. - Слухи и сплетни?

- Самые разные, нам надо найти умных, молодых и, главное, активных мужчин, которые хотят и любят путешествовать. Я уже заказала несколько накопителей для записи. Выдадим их нашим новым работникам, назовем их журналистами, и они будут собирать интересные новости или истории, а мы - показывать по телевидению.

- Думаешь, будет кому-то интересно? Чужие новости... Зачем? - недоумевал юный Кренд.

Апик тоже сомневался:

- Разве кому-то будет интересно, чем и как живут апики? Или, к примеру, квошкики?

Сначала пожав плечами, я решила заинтриговать помощников:

- Важна точка зрения на событие, о котором можно или нужно рассказать народу. Давай вспомним разыгравшуюся недавно во дворце Иси трагедию. Это происшествие можно подать в двух вариантах. Первый: уважаемые жители Леарата, на известный, всеми почитаемый и уважаемый род, обласканный самими ларами, покусились презренные негодяи. Они попрали все нормы морали, нарушили устои и традиции, которым мы следуем веками. Но наш шаэр, сильнейший и храбрейший из леаров, вместе со своей прекрасной супругой с честью справился с этой бедой. Заодно защитил цвет Леарата, достойнейших эратов и их супруг, и так далее.

- Разве было по-другому? - недоуменно спросил Кренд.

- А теперь второй вариант того же события: вчера группа серокрылых храбрецов попыталась ограничить влияние рода Иси, повлиять на этих кровопийц, воров и обманщиков, которые положили свои загребушие крылья на все в Леарате, но, увы, лары не были к ним благосклонны - героическая попытка освободить угнетенных провалилась. Доколе нам еще мучиться?

- Повлиять? - воскликнул потрясенный Кренд. - Там с десяток шаазов погибло, не меньше. Траур еще не закончился и...

- Просто ты в курсе ситуации, но те, кто не видел все своими глазами, простые леары, не вовлеченные в политику, могут услышать где-нибудь, скажем на базаре, второй вариант и будут думать именно так. Поверят в ложь, выгодную кому-то!

- Немыслимо! - проникся возможностями СМИ леар.

- Теперь представь, в каком ключе ты бы хотел, чтобы рассказали об участии в решении проблемы Иси о нас, роде Арэнк? Что храбрецам повстанцам помешали проклятые вымирающие Арэнки, сующие свой нос в любую грязную дыру? Или что неповторимая шааза Кайя, посланница самой великой Язы, и ее непобедимый муж, эрат Йелли, спасли

первый шаазат от мучительной гибели и низвержения?

- Но кто поверит, что шаэр плохой? - ошеломленно возопил мой юный секретарь, еще не утративший наивности.

- Поверит, и легко, - мрачно ответил Жень. - Послушай, что об Иси говорят в тавернах вдоль Великого каменного пути.

Я подбросила дров в костер:

- Если к плохой новости добавить еще и жуткую картинку, на которой шаэр будет запечатлен в не самый красивый и эпический момент, к примеру с перекошенным от ярости лицом, то поверит даже самый неверующий. А если еще и музыку добавить траурно-мрачную - все сложится! Мало того, шаэр сам поверит, что он проклятый монстр...

- И это нам вещать? - у ошарашенного, испуганного Кренда сорвался голос.

- Понимаешь, у вас... у нас это и так происходит, только на уровне подзаборных слухов и сплетен, медленно, но не менее разрушительно для эратов, шаазатов, Леарата, в конце концов. Мы постараемся исправить ситуацию. Наша цель - второй шаазат, его безопасность, защита, место в Леарате и целом мире. Прогресс не остановить, но направить в нужное нам русло можно и нужно.

- Надеюсь, мы справимся, - тяжело вздохнул Кренд.

Я многообещающе усмехнулась, предвкушая, какими будут «Мировые новости»:

- Еще как! И вообще, пора начать расширять кругозор и интересы леаров. А то вы... мы, как грызуны в одной банке, кусаем друг друга, задираем, пытаемся сожрать слабых или самых сильных. Мы перенаправим их интересы в различные сферы жизнедеятельности всего Мира. Надо показать, как огромен и прекрасен Мир, сколько всего в нем необычного. Сколько разных сфер деятельности можно развить, помимо козней и заговоров против соседей.

- Надеюсь, после этого ваши горячие умы не заинтересуются Байсой... - хмуро заметил Жень.

- А это как раз и зависит от нас! - я наставительно подняла указательный палец вверх. - О чем расскажем, как, какую выберем тональность новостей. В мире, откуда я родом, телевидение - самый действенный способ управления и контроля массовым сознанием. Наша задача: направить на созидание, а не на разрушение.

Жень пожевал верхнюю губу, как делал обычно, подбирая слова, чтобы сообщить интересную новость. Затем строгое выражение лица сменил на довольное:

- Гидум торговцев Байсакала готов рассмотреть наше предложение по теле вещанию и у нас, апиков.

Глаза Кренда вспыхнули восторгом. Юный серокрылый леар подался ко мне, желая услышать ответ. Я не верила своим ушам, восторженно глядя на апика:

- Неужели ты смог продать его там? Так быстро? Мы же только третий месяц работаем?

- Моя мать состоит в родстве с теткой секретаря-распорядителя Гидума. Он подсобил: нашу папочку положил сверху, когда решали важные вопросы на ежегодном собрании главы торговых палат Байсакала, - хитро улыбаясь, ответил Жень.

- Ты чудо, сак, не иначе! - похвалила я и вернулась к предыдущему вопросу: - Давайте сегодня же перед показом известим о наборе журналистов.

- На ком делаем упор? - деловито открыл тетрадь Кренд.

Я нахмурилась, раздумывая, но решила честно сказать, о чем тревожилась:

- Отбираем самых деятельных и инициативных. Желательно побольше ша набрать. -

Оценив некоторое замешательство моих собеседников, объяснила: – Если дать шанс чернокрылым проявить себя, не только собирая урожай на полях, но и в других делах, мы сможем хотя бы немного снизить общественную напряженность. Здесь необходимо что-то менять, ваши стародавние порядки не удовлетворяют нужды населения. Верхи слишком оторваны от низов, а серые хотят задавить и тех и других. Так что нужно как-то все смешать и уравновесить.

Кренд осторожно заметил:

– В Мире без магии опасно, а чернокрылые пустые и почти беззащитные...

Я даже хихикнула, вспомнив собственные приключения:

– От змейсов меня спасли именно чернокрылые. Ты бы видел скорость и мощь, когда они впятером штурмовали огромный дом. А страх и уважение к ним в Байсакале?! Серые и белые в основном рассчитывают на магию, а вот пустой ша – исключительно на себя, свои силы и навыки. Поэтому чернокрылые и темно-серые – вот наши самые надежные журналисты. Неизбалованные положением и деньгами, они будут землю грызть, но принесут на крыльях самые свежие и интересные новости. Чтобы выделиться, прославиться, обрести уважение и популярность. И мы им в этом поможем, заодно и другим покажем, что мозги и магия могут отлично соперничать в достижении успеха.

Кренд поймал вестник и, впитав снежинку в ладонь, доложил:

– Наши артефакторы готовы показать новую задумку, как раз то, что вы просили... с таймером, и расширили информационный накопитель.

– Боги, я их обожаю, работают, как пчелки, – подскочила я, захлопав в ладоши.

Жень спохватился:

– Так что с предложением к апикам? Не забудь, мы пообещали им два осколка рекламы товаров в ежедневной сетке сериала бесплатно. Только для продвижения своих товаров они решились на авантюру с кино.

– Ох, – хлопнула я себя по лбу, – да, конечно, сотрудничаем. Но уточни, что только месяц! А дальше, если понравится, будут платить. Вообще, реклама должна приносить основной доход... в идеале. Назначай встречу в конце недели, как раз все успеем составить.

Выпорхнув из кабинета, я в сопровождении Кренда рванула к артефакторщикам. Их лаборатории мы назвали научным центром. Йелли согласился выделить им отдельное крыло для безопасности. Всего за месяц они для него и для меня совместным мозговым штурмом придумали много чего полезного, поэтому зрат согласился, что идея верная. Вложившись в «науку», Йелли не прогадал – все обернулось на пользу.

Теперь я почти все время летаю, потому что времени катастрофически не хватает. С утра занятия с мастером Фэем. Конечно, мне невероятно облегчили жизнь духи, поделившись знаниями, но правильному их использованию, к месту и ко времени, я продолжаю прилежно учиться. Потом обязательный час-глыба работы с магией у Амилы, которую иной раз заменяют Ниол или Йелли, если та занята, а кто-то из них свободен. Все время после полудня посвящено театру, где я наслаждаюсь своим делом. Тем не менее за почти три месяца жизни в Леарате я очень многое освоила и уже использовала на практике.

После трансляции и ужина в покои я, можно сказать, приползла. Устала зверски. Йелли сегодня весь день был занят, даже ужинал в кабинете с поверенными, – столько дел накопилось. Как обычно, перед сном я вышла полюбоваться закатом – и едва не уронила бокал с любимым фрешем, увидев, как от нашего дворца к восьми другим и в долину разлетаются леары. Прямо как толпы народа из кинозала после нашумевшего блокбастера.

Ветер доносил горячий спор нескольких юных серокрылых подружек о том, правильно или нет поступили сестры Аленушки из «Красавицы и Чудовища», созданного по мотивам русского «Аленького цветочка», убедив духов перевернуть время и задержать младшенькую, собравшуюся лететь к проклятому зрату в заброшенный дворец.

Некоторые зрители рыдали в голос; другие – гадали: убьет или нет жестокосердная шааза Арэнк очередного героя или в этот раз сжалится над бедняжкой и всем дарует хэ. В общем, волшебное сочетание всего двух букв, но с огромным смыслом, теперь упоминалось подданными не только второго шаазата и начало входить в леарский быт, как и многие другие слова моей родины.

В Ларану мы вернулись из турне по шаазату неделю назад. И если подобные приливы и отливы гостей в наш дворец поначалу я не ассоциировала с кино, то теперь места сомнениям не осталось. Это открытие буквально окрыляло – радостно обняв себя крыльями, я торжествуяще выдохнула:

– Получается!

– Что получается? – раздалось позади меня.

Обернувшись, я столкнулась взглядом с Йелли, выходящим ко мне из покоев, уставшим, но улыбающимся.

– Посмотри, – я с гордостью махнула рукой за спину. – Видишь, даже соседи слетаются на мои сказки!

Йелли подошел и обнял меня, прижал к широкой родной груди. Если подумать, то наверняка ему об этом было известно, но он посмотрел, покачал головой и ласково прошептал:

– Знаешь, я лишний раз убедился, что ты совершенно непредсказуемая, невероятная и...

– Твоя? – подлизалась я к мужу с заискивающей улыбкой.

– Только моя! – выдохнул он довольно. А потом глухо, куда-то в макушку добавил: – Родная и единственная.

Я встала на цыпочки, вытянулась вдоль моего леара, высокого, мускулистого, обняла ладонями его лицо и, глядя в удивительно чистые, почти прозрачные глаза, хрипло призналась, точнее, решила:

– Я люблю тебя, Йелли. Очень-очень сильно, всей душой и сердцем.

Слова легко слетели с моих губ – я свято верила своим чувствам.

– Правда? – неуверенно, сипло проскрежетал он.

– Мыслями, чувствами, душой и телом – всем-всем я люблю тебя. Думаю о тебе, мечтаю быть рядом... любить и быть любимой.

Теперь его ладони обнимали мое лицо, ласкали. Глядя мне в глаза, Йелли почему-то хмурился, когда клялся:

– Я всегда буду рядом, до последнего вдоха. Обещаю, что буду твоей стеной, опорой в мыслях, чувствах и ощущениях. Что бы ты ни сделала, не задумала или ни захотела. Просто знай: я рядом, я с тобой всегда!

Воздух вокруг нас вспыхнул голубым огнем, мне показалось, даже слегка опалил. Видимо, клятва Йелли оказалась слишком большой, слишком клятвой. Но мне больше не страшно, хоть и не услышала привычное: я тебя люблю. Его обещание – это гораздо больше, неизмеримо. Я не буду одинока и безответна в своих чувствах.

Я первой потянулась за поцелуем, коснулась его губ, таких горячих, сладких. Во мне бушевали магия, эмоции, страсть. Йелли мое признание в любви тоже выбило из равновесия. Вокруг нас закручивался снежный смерч, снег ложился у наших ног, пока мы, забыв обо всем на свете, отключившись от всего мира, любили друг друга.

Ледяные простыни чуть остудили спину – жар терзал мое тело. Мы жадно ласкали друг друга губами и руками, трогали, касались, любуясь и открывая снова и снова. Мы неповторимы, уникальны, мы есть друг у друга. Как же я жила раньше без Йелли, его прикосновений, вкуса и запаха?! Его тепла и сильных, уверенных толчков, что рождали у

меня внутри вулкан наслаждения. Было так естественно прогибаться под ним, подстраиваться под ритм, принимать его и стонать от удовольствия. Мы были идеальными половинками одного целого, в эту ночь я это приняла и поняла окончательно.

Утро я встретила не с розовым светом Комка, как обычно, а с ласковыми поцелуями мужа, облюбовавшего мое чувствительное плечо. Короткий бурный секс еще больше расслабил, хотелось растечься по кровати ленивой счастливой лужей и валяться до обеда, не думая о делах.

- Совсем забыл тебе сказать, - хрипло со сна и после страсти вспомнил Йелли, - вчера у меня были по очереди эраты Ланей и Одэко, а Иси вестник прислал. Все просили охватить твоим телевещанием их шаазаты...

Я рывком села, мгновенно вынырнув из чувственной неги:

- Что? И ты молчал?!

- Сладкая моя, после твоих признаний я забыл о таких мелочах! - мой великолепный леар лежал вальяжно и расслабленно, как огромный сытый кот, закинув руки за голову, и довольно смотрел на меня, голую и растрепанную.

- И что ты им сказал? - Я кошкой скользнула ему на грудь, требовательно, но вместе с тем мучаясь от неизвестности, ожидая ответа.

Йелли перевернул меня на спину, навис сверху, нежно погладил щеку, а потом мягко ответил:

- Что вопросами телевещания у нас занимается первая шааза Арэнк, и никто больше.

- А они? - счастливо выдохнула я и, наверное, светилась при этом ярче великой Язы, да простит меня моя покровительница.

- Они остались недовольны тем, что придется идти к шаазе на поклон, но терпеть ежедневные отлучки своих подданных для них еще хуже. Яхто еще и возмущался, что моя жена своими сказками морочит голову его супруге и родственникам. Ему, бедному, оказывается, приходится терпеть их слезливые переживания, поэтому, как шаэр, требует хэ и побольше радостных сцен, а не то придумает, как заставить тебя рыдать вместе с ними!

- Гы-ы!.. - вырвался у меня истеричный смешок. - Очень убедительный довод. И что теперь делать?

- Как что делать, мой свет? - белоснежные брови шааза слегка выгнулись. - Через глыбу у тебя встреча с Иси, в Кристальном, сама понимаешь, шаэры на заключение договоров сами не летают. А Одэко и Ланей явятся лично ближе к полудню.

- Так что же ты молчал? - вскрикнула я, вскакивая с кровати. Потом я металась по спальне, обернувшись простынкой, одновременно отправляя вестники секретарю и горничной: - У меня договор еще не готов типовой. И сама не готова, лохматая и страшная и...

- Можешь сослаться на меня, де задержал в постели, никак насытиться не мог.

- Угу, тогда они решат, что я ущербная: либо в постели бревно, либо магии совсем нет, - проворчала я из гардеробной.

- Теперь понятно, почему этот пресловутый хэ требуют, ты во всем видишь только мрачные тона, душа моя! - рассмеялся муж.

- С вами по-другому не выходит, только расслабишься, повернешься спиной - и бабац кинжал в... тыл.

- Кстати, мама просила тебе напомнить, что через неделю празднование Марва Лютого, тебе надо подготовиться!

Я остановилась, лихорадочно соображая, о чем опять забыла:

- Э-э-э... а что там за празднование?

Йелли укоризненно покачал головой, вновь заложил руки за голову и выглядел, как олицетворение похоти. Меня точно проняло, глядя на его рельефную, поджарую фигуру, чувственную лукавую улыбку, искрящиеся насмешливые глаза.

- Эх ты, шааза называется. Пробелы по истории Леарата по самым обычным...

Мне стало неловко и стыдно и, срочно покопавшись в памяти, я триумфально объявила:

- А! Это самый холодный день в году! Вот!

- И-и-и? - ухмыльнулся Йелли.

- В этот день великие лары на горе Дамарис, колыбели леаров и месте исхода ларов на небеса, благословляют всех истинных новобрачных... - отчиталась я.

- И-и-и? - продолжал забавляться муж.

- Что «и-и-и»? - не поняла я, а потом вспомнила и процитировала свекровь, даже с ее интонацией: - Надо сшить шикарное платье, потому что это, по сути, второй шардис. Надо блистать, поражать и раздавить любые сомнения недоброжелателей, что Арэнки - самые крутые и сильные.

- Умница! - похвалил Йелли, улыбаясь.

Мне в голову пришла прекрасная идея:

- Хвала ларам, у меня есть Байли, вот она и займется самым крутым нарядом. А то служба горничных есть, Байли есть, а задач у нее пока мало, крылья опустила... скучает.

Йелли медленно сел, положил ладони на обнаженные колени. Голый, но не менее значительный и суровый.

- За Байли тебе отдельное спасибо. Мы с отцом уже думали, как вернуть отщепенцев в род, но повода не было, пока ты ее главой службы не назначила. Причем не унизила древний род, наняв девушку простой горничной, а принародно поставила ее над всеми. Выделила.

Я невольно выпустила крылья и победно крутанулась с воплями:

- Кто умница? Кайя - умница!

И под хохот Йелли рванула собираться на прием к шаэру продвигать свое кино. И трести деньги, а то муж на мои кино и театральные хотелки сильно потратился.

Оглаживая наряд на бедрах и проверяя, все ли идеально сидит, я подумала о том, что надо бы в благодарность местным духам и ларам что-нибудь преподнести. И еще поблагодарить великую Язу. Подождать сто лет или она меня на расстоянии услышит? Даже если не услышит, сделаю на всякий случай. Лишней благодарности никогда не бывает - это я уже тоже поняла!

Глава 11

Благословение небес

Дамарис не просто вершина, а Мать всех гор Мира! Через некоторое время после того, как мы, облетев исполинов Лараны, «взяли курс» на север, на горизонте показалась всем горам гора. Она постепенно выростала из розовой кромки рассвета, возвышалась над Миром, занимала весь небосвод, словно пристанище небесных спутников.

Место проведения обряда расположено не на вершине, как я думала, а ниже, чуть выше облаков. Там будто кто-то огромный откусил от горы большой кусок, а потом пожевал-пожевал несъедобную горную породу да и выплюнул камни, часть которых упала с обрыва, а часть осталась лежать на образовавшейся площадке. Издали гора не выглядела какой-то особенной, если не считать ее невероятного размера. Но стоило нам приблизиться, меня заинтересовал белый искрящийся цвет породы на небольшой площадке. Приземлившись, я поковыряла ногой белый песок с прозрачными кристалликами и включениями других минералов, желтых и фиолетовых, словно цитрины и аметисты.

Красивый «самоцветный» песок хрустел под ногами, заставляя идти осторожнее, медленнее, крепче цепляться за сильную руку Йелли, проникаясь его уверенностью и спокойствием, энергетикой этого культового места. Следом за нами приземлялись другие пары, слетевшиеся из разных мест, которые сегодня, как и мы, будут проходить обряд. Влюбленные, нарядные и торжественные.

В этот раз я надела красивое белоснежное платье из шелковистой ткани. Руки, декольте и шею прикрывает тончайшее ажурное кружево, юбка – с игривыми воланами из молочного газа. На спине вырез для крыльев в виде сердца – дань символам моей родины, здесь «сердечками» не увлекаются. Мои волосы Амила лично убрала в изящную высокую прическу, украсив ее, по моей просьбе, камешками наподобие жемчуга, такие же длинные «жемчужные» ниточки красовались в ушах. Разглядывая себя в зеркале перед вылетом, я искренне удивлялась: как можно выглядеть настолько невинной, юной и чистой!? Почти как ангел... если бы не характер, бесенком выглядывавший из фиалковых глаз.

К огромному разочарованию Амилы, которая наверняка приготовилась отстаивать соблюдение традиций, я сразу выбрала белый цвет наряда. С одной стороны, ее подразнила, с другой – не хотелось бы на церемонии благословения чем-нибудь, даже нарядом не того цвета, настроить ларов против нас. Когда начинаешь общаться с домашними духами-призраками и даже время у них уточнять, волей-неволей начнешь верить в богов! А уж с моим-то запредельным способом попадания в иной мир запросто во многое уверуешь!

Поэтому сейчас все одиннадцать истинных пар новобрачных из разных шаазатов и с различным общественным статусом – в белых одеждах. В отличие от других, абсолютно белые крылья только у нас с Йелли, к тому же его голову украшает корона. У остальных десяти пар в той или иной степени превалировал серый цвет. Никого из посторонних и чужих здесь быть не должно. Это таинство только для истинных пар, обласканных богами. Исключение делается лишь для наблюдателя из шаазов, способных вести ледаю все время обряда.

Сегодня Йелли предстоит совместить роль участника и «вещателя». Поэтому сразу после приземления широкий, гораздо больше обычного экран ледаи рассек пространство у обрыва с хорошим ракурсом, чтобы запечатлеть максимум интересных моментов и каждого участника события. Более того, в этот раз мы использовали один из новых артефактов, который поможет «оператору» меньше напрягаться и отвлекаться на поддержку записи и трансляцию. Накануне любимый рассказал мне, как проходит обряд, и я приготовилась наблюдать каждый этап. Для истории.

Площадка упирается в гигантский грот, в котором поблескивает огромная кварцевая глыба высотой метров десять – главный алтарь Леарата. Может, белый цвет леары ценят и уважают именно из-за этого алтаря? Мысленно я поблагодарила ларов и порадовалась за себя, что не стала выпендриваться и в кои-то веки оделась «по протоколу». Край площадки зачем-то огорожен широкой белой лентой, закрепленной на камнях и

выступах. Неужели чтобы чересчур потрясенные благословением ларов пары случайно не свалились с обрыва? А может, и по другой причине, для красоты например, ведь здесь у всех есть крылья, а упасть в бездну грозит только бескрылым.

«Уже скоро!» – тихо предупредил меня Йелли, глядя в небо вместе с нашими спутниками. Я тоже задрала голову – и распахнула глаза от восторга. День Марва Лютого – самый длинный и холодный в году – выбран не просто так, более того, у разных народов Мира он называется по-своему и выделяется еще одной особенностью. С рассветом начинается парад планет, точнее, местных спутников: Мока, Моики и Комка. Они обычно уступают друг другу место, бледнея на небосводе, а сегодня в течение рассветного часа с семи до восьми занимают практически все небо, низко нависая над Миром. И вот именно в этот отрезок времени к мирянам спускаются боги, точнее, снисходят до их просьб или ритуалов.

По-детски открыв рот, я любовалась небесами, фиолетово-розовый свет заливал все вокруг, отчего белый кварц искрился самыми невероятными бликами и оттенками. А стоило начать парад, когда спутники выстроились в линию, я будто в новую сказку попала. Время пришло! В сиреневых небесах начали проступать полупрозрачные белесые фигуры, словно облака решили с нами поиграть и поднялись гораздо выше положенного. Белые фигуры обрели контуры человеческих тел, затем отрастили пушистые облачные крылья и начали походить на гигантских леаров. Рассвет разгорался, яркие лучи светила буквально пронизывали тех самых великих и вечных ларов – богов и покровителей Леарата.

В горле пересохло; казалось, я просто забыла дышать, потрясенная происходящим на моих глазах таинством:

– Они настоящие? И существуют?

– Кайя, пойдем, мы первые, – также шепотом поторопил меня Йелли, увлекая за собой.

– Но как это возможно? – выдохнула я, пытаюсь осознать невозможное, что вот эти белые облачные фигуры – древние боги, высшие сущности Леарата. Лары!

– Это реальность! – в ласковом голосе мужа чувствовалась улыбка.

Фигуры в небе пошевелились, словно подтверждая его слова, – и буквально стекли молочной рекой от вершины горы к алтарю, впитались в него. Ой, а ведь артефакт, собственноручно установленный заранее в стороне, записывает, как муж меня едва не под мышкой тащит на церемонию. Пора начинать – времени мало, а пар одиннадцать.

Накануне я самонадеянно планировала запечатлеть, как вся такая нарядная, бесподобная чинно-благородно пойду к алтарю и хорошо поставленным голосом произнесу яркую и незабываемую речь. Столько вариантов сценария придумала – кошмар! А на самом деле? Я даже свое имя с трудом вспомнила.

Доставив меня к главному алтарю, Йелли начал пробуждать его. Другие пары встали полукругом возле нас и запели гимн ларам. Голубые магические символы быстро впитывались в белый монолит, словно голодный камень наконец-то получил пищу. Я замерла справа от мужа и не могла оторваться от облачных фигур – ларов, паривших над головами, круживших над алтарем. Наконец камень вспыхнул, ослепив ярко-белой вспышкой, и заключил нас с Йелли в теплый уютный кокон. В абсолютно цельном монолите алтаря проявились две выемки в форме ладони, словно кто-то из богов оставил там свои отпечатки. Только одна «ладонь» большая, а вторая – маленькая, для мужской и женской руки.

– Кайя, приложи руку! – попросил Йелли и, обернувшись ко мне, первым положил в большую выемку-отпечаток левую ладонь.

Встав к нему лицом, я с трепетом положила в малую выемку правую ладонь. Свободные руки мы соединили, замкнув связь между нами и высшими.

Со всех сторон зашептали разные голоса:

– Говори, говори, говори самое сокровенное, самое важное, от души, от сердца, от плоти и крови...

- Слушай, слушай, слушай... внимай и принимай...

- Верь, верь, верь... не соврать, не изменить, не передумать...

В голове шумело, гулко колотилось сердце, душа рвалась наружу вместе со словами. Теми самыми, о которых просили боги и сердце. Первым принес брачную клятву Йелли, глядя мне в глаза, от всей души, от всего сердца:

- Кайя, в тебе есть все, что я искал и даже не мечтал найти. Ты заполнила пустоту у меня внутри. Вот моя рука, мои крылья и моя душа – они только твои! Я верю: если упаду, ты будешь рядом, чтобы поддержать!

По моим щекам невольно катились слезы: так мало сказано, но сколь много значит. Глядя в лицо любимому, я выдохнула:

- Твои глаза – мое небо, твои руки – мой дом. Ты – мой воздух, моя сила, моя жизнь! Я люблю тебя! – Потянулась к нему и, встав на цыпочки, шепнула: – Как никого и никогда! Я абсолютно уверена: если упаду, то только в твои объятия!

Его рука, сжимавшая мою ладонь, скользнула мне на затылок. Мы слились в поцелуе, самом нежном, благодарном и чувственном, какой только можно представить. Так скрепляют истинные узы, жизнь и души. Окружающий свет стал нестерпимо ослепительным, я зажмурилась, но прервать поцелуй была не в силах. Мне было мало, хотелось еще и еще Йелли. Всего и навечно!

- Твой! Твоя! – вновь зашептали голоса. – Настоящие... чистые... защитники...

Мы наконец оторвались друг от друга, краем глаза я заметила, что наши брачные браслеты, побелевшие в начале ритуала, вновь засияли «фирменным» голубым светом. Значит, мы прошли шардис? Нам удалось? Но кокон не исчезал, как должен был, а настойчивый шепот усиливался:

- Береги! Его... их... береги...

- Я за него жизнь отдам! – пообещала всему Миру.

- Береги их, – голоса выделили для меня нечто важное, но пока непонятное. – Береги их всех.

- Постараюсь, – я даже кивнула для убедительности, все равно оставшись в неведении: кого именно «их»?

- Мы знаем, знаем, знаем, – довольно зашелестели голоса.

И вдруг – тишина, в следующий миг магический купол лопнул, как пузырь. Я вздрогнула и, приходя в себя, взволнованно схватила Йелли за руку:

- Ты слышал?!

- Конечно, наш брак освящен богами, – довольно заявил мой дважды муж, обнимая и отводя от алтаря, уступая место следующим счастливым парам.

Вдаваться в подробности божественного наказания именно здесь, принародно, я передумала, как бы меня ни раздирало любопытство. Потом, дома, обсудим, что хотели лары. Дальше мы наблюдали, как другие пары проходят «регистрацию» брака у высших. К моему удивлению, одна пара не сияла, как все остальные, их купол рассыпался с ледяным перезвоном. Йелли тихо пояснил, что они, хоть и истинные, но не любят друг друга. Им дали шанс прийти снова... когда-нибудь, если полюбят по-настоящему.

Вскоре час парада планет прошел, белые облачные фигуры медленно истаяли в небе, алтарь погас. Волшебство закончилось. Собравшись в середине площадки, мы поздравили новобрачных и, в свою очередь, приняли поздравления. Не обошлось и без приятного для моего эго момента, когда меня горячо поблагодарили две пары из пятого и седьмого шаазатов, соседи по ларанскому VIP-кварталу, которые теперь на вполне законном, возмездном, основании смотрят кино. Столичные лары пытались выяснить сюжет очередного телесериала, а жители дальних шаазатов заинтересовались кино, и я

с удовольствием хотела рассказать для продвижения и рекламы, но не успела – рядом прогремел взрыв такой оглушающей силы и мощи, что нас разметало в стороны.

Я упала на камни в защитном коконе крыльев Йелли, успевшего защитить меня от удара. С места, где только что звучали поздравления и пожелания, где всех переполняли счастье и любовь, пытались убраться на крыльях или отползали раненые, но следом за первым прозвучал второй взрыв, который спровоцировал обвал. Сверху летели камни, сбивали леаров, словно шары кегли. Мужчины пытались закрыть собой женщин, но большинство новобрачных все равно настигала смерть. Место благословения богов превращалось в братскую могилу.

Леар из пары, которую боги отправили на «стажировку», оттолкнул свою истинную, спасая от острого сталактита, и подставился под него сам. Сомнительно, что после этого выживают, но его супруга «перед людьми», презрев опасность, упорно пыталась освободить нелюбимого и нелюбящего.

Нам не удалось взлететь – целая глыба ударила в защитный кокон, мы упали у самого края обрыва. Так близко от спасения, но так беспощадно далеко. В этот раз уберечь меня от ранений мужу не удалось, но жизнь спас. Ужасающей силы удар буквально в ключья разнес спасительный кокон; дезориентированный Йелли мотал головой от жесткого отката.

Подняв голову, я заметила незнакомца, внимательно наблюдающего за нами с безопасного расстояния. Откуда он здесь появился? Судя по внешности, не леар! Высокий, мощный, черные волосы до плеч, плотная темная одежда, под которой бугрятся мышцы.словно ниндзя! Пришелец посмотрел прямо на меня – и я узнала это узкое лицо с хищными угловатыми чертами и небольшими звериными клыками. Тот самый рейт, которому я пыталась помочь на невольничьем рынке! Только сегодня на его скулах «красовались» черные веточки тату, тянувшиеся «ростками» к шее.

Рейт тоже узнал меня: его раскосые зеленые глаза сузились. Все подмечающим взглядом он прошелся по руке мужа, в защищающем жесте обнявшей меня за плечи. Мне показалось, в ярких глазах оборотня мелькнули сожаление и вина... Невероятно резкий, сильный бросок – и такой же, как в прошлый раз, черный кинжал, пылающий фиолетовым огнем магии хаоши, вонзился в грудь Йелли, с трудом, но преодолев мое защитное магическое поле – защитную стену, которую я успела поставить, как меня учила Амила. Одновременно с моим изумлением «Разве такое возможно?» мужа отбросило ближе к обрыву.

Дальше мы вязли в киселе кошмара. Все катастрофически сложилось один к одному: удар огромной каменной глыбы, откат целиком пришелся на отразившего его Йелли, как и предыдущие; магия хаоши не просто оплетала кинжал, как в прошлый раз, а буквально пылала, чтобы уж наверняка погубить жертву; моя защита, которая раньше отбросила осатаневшего Хтона, сегодня пропустила кинжал.

Йелли, с трудом удерживающий равновесие на краю обрыва, теряющий связь с реальностью и фактически переступивший черту между жизнью и смертью, ведь исцеляющая изморозь не появится, пока нож в его сердце, успел выдохнуть:

– Прости, любимая...

Голубые глаза закрылись, он спиной начал заваливаться в бездну.

Я с воплем кинулась к нему:

– Нет!

Ужасно длинное мгновение, во время которого я успела выхватить из его груди кинжал, обжигаясь пламенем хаоши, и схватить за руку. Я бы не удержала своего большого мужчину, если бы в последний момент не зацепилась рукой за белую ленту, оплетавшую ближайšie глыбы.

Йелли полетел вниз, я за ним. Резкий рывок вырвал из сустава мою руку, следом сильный удар – мы рухнули на короткий ледяной выступ, пролетев всего метра три. Я захлебнулась криком боли. Кажется, еще чуть-чуть – и точно осталась бы без руки. Я

выла от дикой боли в плече, но приказала себе не разжимать руки: одной держала мужа за брачный браслет, второй сжимала накрученную на запястье ленту.

Изморозь, покрывшая грудь Йелли и собственная зверская боль помогли находиться в сознании и относительно ясно соображать, хоть подлая магия хаоши пробиралась в меня, опутывала проклятыми сетями. У меня не было времени защитить руки от кинжала, поэтому теперь мы с мужем оба на волосок от смерти. Если я разожму пальцы, мы не полетим на прекрасных белых крыльях, а упадем в клубящуюся облаками бездну и разобьемся о камни. И тогда никакая магия не спасет.

- Помогите-е! - закричала я в панике.

Держать Йелли становилось все труднее, он вот-вот соскользнет с ледяного выступа, браслет так впился ему в кожу на запястье, что из-под него начала сочиться кровь. Как же спастись, как продержаться?! Боги, вы же так близко! Даже соображать было все сложнее, вот-вот отключусь - и все... Для начала я нарастила побольше льда, удлиняя выступ. Махала крыльями, с трудом преодолевая невероятную вялость. Как жаль, что мои крылья еще слабые, удерживают только меня, не потянут взрослого крупного мужчину с огромными крыльями.

- Я люблю тебя, слышишь, родной! Мы справимся, только открой глаза, ну пожалуйста! - умоляла я, а потом вновь срывалась на крик: - Помогите-е...

Я не отпущу мужа. Если не спасу, значит, упаду вслед за ним, сложив крылья. Вместе даже в смерти, и без сожалений! Но боги, как же хочется жить!

Распластавшись по ледяному выступу, я упиралась всеми конечностями и куда возможно, чтобы не сорваться. Одна рука начала отекает, другая - неметь, но я упорно сжимала ленту, удерживающую нас на краю смерти. В наступившей после взрывов и камнепада оглушающей тишине слышались редкие мучительные стоны. Кто-то остался жив, но, увы, не может помочь.

Тело Йелли скользило вниз - новая ледяная ступенька, намороженная под ним, не выдержала, ломалась, крошилась. Я заплакала:

- Помогите... хоть кто-нибудь... пожалуйста...

Упорно не хотела думать, что никто не придет и не прилетит в это святое место, куда допускаются лишь избранные, а остальные ждут дома, наблюдая за церемонией у экранов ледаи. Все тщетно!

- Почему ты не отпустишь его? - раздался сверху приглушенный, но сильный, грудной голос.

Нависая над обрывом, на меня смотрел тот самый бывший невольник-рейт. Убийца! Я обреченно всхлипнула, слезы сильнее побежали по щекам. Пальцы клещами сжались на ленте и браслете, вопреки слабости, проклятой магии и боли, терзающей мое тело. В глазах мутилось, как и в голове. Я сквозь зубы ответила:

- Я люблю его, понял! Лучше умру вместе с ним, чем жить в мире, где все продается!

- Значит, судьба... - грустно произнес убийца и исчез из поля зрения.

Попрощался?.. Вдруг рядом со мной упала крепкая веревка, следом по-кошачьи плавно спрыгнул на уступ рейт. Я скрипнула зубами:

- Пришел добить?!

Но знакомый незнакомец поразил: молча, ловко и весьма осторожно, почти не коснувшись Йелли, завязал у него под мышками веревку, проверил на прочность узлы и вновь ловко взобрался наверх. На несколько мгновений рейт исчез из виду, затем сильный рывок - и он начал поднимать моего беспомощного мужа.

Я последовала за ним, с большим трудом махая крыльями, чтобы рейту и меня не пришлось вытаскивать. А вдруг обманет: разожму руки, а он скинет Йелли с обрыва? Уже через несколько мучительно длинных осколков я полусидела-полулежала, тряся

головой, упрямо разгоняя муть перед глазами. Одна рука работала, вторая – подернутая изморозью, к счастью, восстанавливалась. Крыльями прикрыла ноги и торс Йелли, защищая. Меня отчаянно трясло, болело все тело, дыхание вырывалось со свистом, проклятая магия хаоши глушила сознание. Я верила и не верила в наше спасение:

– Почему?

Рейт сидел на корточках, сложив руки перед собой, и не сводил с нас глаз. Я отметила, как постепенно бледнеют странные черные тату на его лице. Тоже магия – не иначе. Он горько усмехнулся и мрачно выплюнул:

– Да, эти рисунки – печать хаоши! Меня купили, неважно – честно или нет. Договор был заключен. От хаоши так просто никто не уходит. Никогда! Печать на лице живая, нарушил какой-нибудь пункт контракта – ты труп. Задушит, не раздумывая, а с магией хаоши не всякий справится, ты уже на себе это проверила. Обучение ученика длится три месяца. Ты даже не представляешь, что при этом делают с нами. Но я сопротивлялся, и это, как ни странно, помогло. Со мной заключили дополнительный договор: если выполню выпускное задание, сам выберу себе путь. В любом случае клятва на крови не позволит кому-либо рассказать о тайнах ордена. Хаоши можно верить, для них слово чести – не пустой звук, а репутация, заработанная веками. Мне поклялись: убью эрата второго шаазата на вашем празднике – договор вступит в силу. Дальше самому решать: свобода или орден.

– Но ты же спас? – прохрипела я, склоняясь над Йелли, – усталость давила бетонной плитой. – Или...

– Сначала я его убил, – сухо и мрачно «успокоил» рейт. – Отмирающая печать у меня на лице – подтверждение. Я выполнил задание. Вы оба влюбленные везунчики: твой эрат настолько силен, что его магия даже от смерти исцеляет, а ты успела вовремя вытащить кинжал, не раздумывая и не тратя драгоценные мгновения.

– Повезло, – шепнула я, положив голову на плечо спящему мужу.

– Прости, у меня есть долг перед тобой, но и самому умирать не хочется. У меня семья...

– Я понимаю, спасибо, что вытащил нас из бездны... – я закрыла глаза и горько добавила: – Жаль только, безвинные леары погибли...

– Это не я взрывы устроил! – жестко опроверг рейт. – Мое задание – эрат второго шаазата. Остальные несчастные – жертвы кого-то из ваших. Я видел крылатых на вершине горы, они ждали завершения ритуала, когда боги уйдут...

Глаза закрывались, сил бороться с чужеродной магией больше не было. И тут я заметила, как с ближайших каменных обломков к нам спикировали темно-серые тени. В темной одежде, не свои.

– Это мой долг тебе, леара! – спокойно произнес рейт, вставая между нами и врагами.

Встретить огромного снежного барса живьем, можно сказать, лицом к... хвосту или заднице, мне еще не приходилось. Тем, против кого этот грозный зверь выступил, наверное, тоже не случилось, секундное замешательство – и одна голова полетела с плеч. Я зажмурилась, чтобы не видеть очередной кошмар. Вскоре звуки отдалились, смешались.

Вдруг раздался рев Ниола и крики Амилы. Приоткрыв глаза, убедилась, что не в бреду: и в самом деле прибыли родители Йелли вместе с отрядом охраны нашего рода, который – о лары! – возглавила яростно оскалившаяся Делария. Но зачем они пытаются убить прекрасного зверя – снежного барса?

Страх за рейта заставил меня невероятным усилием воли прорваться сквозь липкую паутину хаоши, опутавшую сознание. Подняв руку, я прохрипела:

– Стойте, он свой! Рейт спас нас обоих! Не троньте его, он мой друг! – И, снова как-то странно себя ощущая, пробормотала: – Только немножко убил вначале...

Рядом простонал Ниол:

- Опять! Бедная наша девочка! Делла, быстро сюда, тани из нее сколько сможешь!
Амила, круг делайте. Быстро! У нее завершающий переход начинается.

Дальше я попала в огненный ад, где со всех сторон шептали лары:

- Береги их, береги. Они просто глупые дети, береги их. Подари им Мир... подари...

Я закричала, отмахиваясь от них, сгорая в агонии. Многоголосая боль длилась недолго,
на смену ей пришла спасительница тьма, охлаждая, забирая тревоги и усыпляя...

Глава 12

А кто у нас злодей?

Из тьмы забытья меня вытянула дикая жажда и боль – не острая, а глухая, сродни усталости, разлитая по всему телу, завладевшая каждой клеточкой. Словно я треснувший сосуд, из которого вытекла вся жизнь... Ну или почти вся, я же чувствую боль, значит, жива... Дежавю! По-другому не назвать мои ощущения, когда я с трудом открыла глаза.

Впечатление усилилось, когда в арочном проеме перед террасой моих покоев в свете догорающего заката я увидела Ниола, крепко и с величайшей нежностью обнимающего супругу. А вот моего мужа почему-то рядом нет...

Услышав мой горький всхлип, родители мужа резко обернулись и поспешили ко мне. Ниол сел в кресло, Амила – прямо на краешек кровати и с невыразимой материнской лаской погладила меня по голове, убрала прядки со лба и тихонько спросила:

– Пить хочешь, родная?

– Да-а-а... – хлюпнула я носом, ощущая себя квашня квашней, – воды-ы-ы. Что с Йелли?

– С ним все хорошо, детка, не волнуйся. Он... разбирается с заговорщиками вместе с Иси и другими эратами, – мягко улыбнулся свекор. – Скоро придет.

– А рейт? – испугалась я.

– Его зовут Ррев, он из клана снежных барсов, – пояснил Ниол. – И за него не волнуйся, вы увидите попозже, он пока с Йелли... помогает нам. Знаешь, его история, как и обстоятельства вашего знакомства, весьма любопытна.

– Его магией принудили, он не виноват, в общем-то, – хрипло заступилась я.

Амила, ну прямо как настоящая сиделка, помогла мне приподняться, подперла плечом и дала напиток. Сразу стало лучше, словно я испила воды из живого источника, даже съязвить потянуло:

– Спасибо, Амила, ты сегодня такая добрая!

Вряд ли у меня получилось – слабый голос дрожал. Зато свекровь довольно рассмеялась:

– Хвала ларам, ты почти пришла в себя, Кайя, раз ехидничать начала!

– А что было потом? – нахмурилась я, пытаюсь сложить кусочки воспоминаний, но в голове свирепствовала мучительная боль.

Ниол тяжело вздохнул:

– Был твой последний переход. Ты полностью созрела. К сожалению, в тебе так много магии, что она твое тело словно жерновами перемолотла. Поэтому сейчас ты себя ужасно ощущаешь. Не переживай, думаю, еще денек – и ты почувствуешь себя как новенькая...

– Придется теперь среди прислуги и духов порядок наводить, а то от тебя даже пустой фонит так, что меня все время тянет творить добро, – проворчала Амила.

Я хихикнула, радуясь, что с моей свекровью все нормально. Наверное, на меня страшная трагедия или непривычная Амилина ласка повлияла, или взрослой стала после четвертого перехода. Не выдержав накала эмоций, призналась:

– Ты не представляешь, как я счастлива, что у меня есть ты! – Перевела взгляд на улыбающегося, все понимающего Ниола и поправила: – Вы, вы оба! Я вас обожаю, дорогие мои!

Амила сидела истуканом, я уже было решила, что зря призналась, но в этот момент у нее словно лед на лице треснул – скривилась, а потом потянулась ко мне и заплакала, обнимая:

- Девочка моя, родная, как жаль, что наш мир тебя так неласково принял. Столько бед на ваши с Йелли головы свалилось. Ты не бойся, мы рядом, всегда поддержим...

- Мы тоже тебя полюбили как родную, - тихо добавил Ниол, пожав мою руку.

Свекор впервые коснулся меня, ведь у леаров не принято касаться женщин, особенно чужих женщин, тем более шааз, - а значит, действительно принял в круг родных и близких. Полностью!

Мы немного поплакали, и я, полюбовавшись их сверкающими белоснежными волосами, представив, как будут слепить крылья, на которых не осталось ни малейшего пятнышка, ни тени еще в прошлый раз, похвалила:

- Вы белее самого чистого снега!

Ниол с Амилой таинственно переглянулись, он улыбнулся ей, как Йелли-хищник, пытавшийся меня соблазнить, и поведал:

- Твой переход был такой силы, что досталось всем, кто помогал нам держать купол, чтобы не выпустить магию созревшей шаазы. Сохранить тебе жизнь. Ллил даже заработал несколько белых перьев. Делла теперь и без связи с тобой светло-серая. Думаю, когда ты восстановишь связь, она запросто обретет парочку собственных белых крыльев. Остальные тоже посветлели. Мы прилично усилили шаазат благодаря тебе, а то из-за нападения на наш дворец три месяца назад многих светлых потеряли, сейчас хоть немного баланс восстановили.

- Вот это новости! - обрадовалась я.

- И еще, Кайя, Йелли настаивает на повторном ритуале, пока мы под завязку наполнены твоей магией. Ее можно отдать нашему второму ребенку, - тихо сказала Амила, глядя мне в лицо, ожидая реакции с моей стороны.

- Я с ним абсолютно согласна! - встрепенулась я и даже приподнялась на локтях. - Надеяться только на нас слишком рискованно, чем больше семья, тем лучше мы защищены!

- Моя работа! - довольно ухмыльнулась Амила. - Первые мысли о благе шаазата, а не о себе!

Я чуть не хрюкнула от смеха после ее комплимента, потому что мой личный эгоизм никуда не делся. Просто почему бы не распределить риски «белокрылости» по максимуму, на всех родственников. И для этого их нужно откуда-то наскрести. Власть и положение первой леди меня волнуют во вторую и даже в третью очередь. Мертвым, как всем известно, уже ничего не нужно.

Ниол таинственно улыбался, глядя на меня. В отличие от жены, на мой счет иллюзий не строит и все равно принимает и любит. Я скорее для него проблема:

- Я смогу подкормить Амилу во время беременности, чтобы меньшие потери были. Да?

Ниол еще шире улыбнулся, оценив мой подхалимаж, и кивнул.

Уютную тишину покоев нарушил возмущенный вопль Деллы:

- Да как ты смеешь, ущербная? Я тень Арэнк и имею полное право находиться подле своей шаазы!

- А я отвечаю за порядок в личных покоях первой шаазы Арэнк! - с неменьшим апломбом ответила ей Байли, чем невыразимо меня удивила. Где та грустная, даже забытая серокрылая девушка? - Я запрещаю тебе сейчас беспокоить шаазу Кайю!

- Отщепенка!

- Хамка!

Обменявшись «комплиментами», «должностные лица» и в комнату ввалились вместе, стараясь не пропустить друг друга.

- Я смотрю, вы активно сотрудничаете, - сухо констатировала Амила, обеда мгновенно присмиривших девушек суровым взглядом.

- Да, шааза, - те живо изобразили смирение и вселенскую вину.

Делла, увидев, что я очнулась, тут же, забыв о приличиях и этикете, кинулась ко мне:

- Кайя, ты не представляешь, о чем я тебе хочу рассказать!

У моей тени теперь светло-серые крылья и почти такие же, как у меня, платиновые волосы. Байли, к слову, такой же «масти». Обе девушки теперь сравнялись в силе.

- Шааза Кайя, мы готовы приступить к твоему омовению и подготовке ко сну, - скромно улыбнулась Байли.

Если Делла больше мой партнер по авантюрам, то вот с этой серокрылой мы, наверное, сможем подружиться.

Моя личная стервозная тень возмущенно уставилась на главу порядка, посмевшую ее прервать.

- Всего одно новое лицо во дворце, а столько изменений... развлечений... суеты и шума. Иногда мне не хватает прежней скуки и тишины, - спокойно, негромко, но весомо произнес Ниол, взглянув на девушек.

Обе поникли и присмирели. Я решила спасти нечаянных-отчаянных подруг от недовольства свекра:

- Мои дорогие, прошу вас, расскажите, что случилось потом? - Я умоляюще посмотрела на каждого из моих родных и близких. - А то магия хаоши мозги затуманила, ничего толком вспомнить не могу.

- Можно же просмотреть... - начала было Делла, но Ниол так на нее посмотрел, что с ее лица весь румянец сошел. - Простите, шааз.

- Где посмотреть? Как? - удивилась я. - Ведь там все разрушилось, а Йелли не успел передать ледаю.

Амила кинула осторожный взгляд на мужа, тот, поморщившись, кивнул, с чем-то соглашаясь, и она пояснила:

- Новый артефакт, видимо, дал сбой, потому что не только записывал, но и вещал на весь Леарат происходившее на горе Дамарис. Мы все видели, только поэтому успели... - она тяжело вздохнула, - не опоздали окончательно и бесповоротно.

- Но как? Артефакторщики пока не знают, как решить эту задачу.

Мне тихо ответила Байли, невольно оглядев комнату:

- Духи шепчут по дворцу, что сами лары вам помогли. Дамарис - не место для вражды, интриг и тем более убийств. И артефакт они изменили, чтобы всем показать, за что накажут виновных...

Я нахмурилась, вспоминая события:

- Да-а-а... в таком случае без чуда там не обошлось.

- Завтра казнь шааза, входившего в Совет Девяти - немыслимое событие. Шаэр приказал созвать эратов всей тысячи шаазатов. Чтобы каждый видел и знал: неприкасаемых не бывает! - быстро доложила Делла и с придыханием добавила: - Если нарушил волю ларов и устои леаров - ты лишь выщипанные перья на ветру!

Не смогла промолчать, вредина. Тем не менее новость меня потрясла:

- Шааз из Совета? Кто?

Ниол взял меня за руку, Амила погладила по бедру, укрытому одеялом. Наконец шааз

ответил:

- Эрат Керук с эром Хинто стояли за всеми последними преступлениями, а мы с Йелли считаем, что и за предыдущими, совершенными против нас. Духи Иси неистовствуют, обозлились за то, что Керук с сыном чуть не уничтожили их дом - Кристальный дворец с семейным храмом, потомками и памятью о них. Алтарь рода Иси придется восстанавливать веками. Они обратились к ларам за возмездием, те услышали и согласились вмешаться. Увы, лары не вездесущи и не могут прямо вмешиваться в жизнь мирян, но помочь восторжествовать справедливости и наказать истинно виновных способны.

- Но ведь прямых улик... доказательств вины Керука и Хинто нет? - удивилась я.

Ниол так жутко усмехнулся, что у меня даже мурашки по коже с испугу побежали и все волоски дыбом встали.

- Не было, ты права. Мы набрали лишь кучу всякой мелочовки, но Керук слишком крепко и высоко сидит, без прямых и очевидных доказательств было не скovyрнуть этого паука. Но лары воспользовались твоим артефактом - он записывал и показывал, никто не знает как, но все, что происходило в священном месте, и со всех сторон. И лицо Хинто запечатлел, когда этот большой выкидыш с дерева лапуг наблюдал за делом своих рук с более высокой точки Матери всех гор. И как рукой направил убийц добить тебя с Йелли, когда Ррев вытащил вас из пропасти. И как после отправил домой вестник об очередном провале. В общем, все сложилось, лары помогли. Тем более теперь и свидетели появились: твой рейт оставил парочку убийц в живых. Они много чего рассказали, глядя ему в пасть!

- О наказании и вмешательстве ларов говорит уже то обстоятельство, что ледаю получили и видели все, кроме рода Керук, - глухо, с ненавистью прошипела Амила. - Лары долго терпели, но, когда белокрылая гниль уничтожила храм Иси и алтарь Дамарис, терпение закончилось.

- Жаль, поздно, сколько леаров погибло и пострадало, - горько вставила я. А потом хрипло спросила: - Что теперь будет с третьим шаазатом?

Ниол пожал плечами равнодушно:

- Завтра казнят бывшего эрата, Хинто и их непосредственных приспешников, коих набралось немало. Столько мразей приютили у себя под крылом. Родню преступников, как обычно, низвергнут и осушат магически. Но Керуки - очень многочисленный род, с разными ответвлениями, в которых имеются белокрылые, хоть и не столь сильные. Зато Тито и остальные эраты только радуются: их дворцы и шаазаты поднимутся в иерархии.

- Э-э-э... а как дворец поднимется? - опешила я.

- Естественно, - усмехнулась Амила. - Шаэр проведет обряд, обратится к духам всех девяти верховных родов, и они изменят расположение дворцов.

- Ни фига себе! - перешла я на русский от изумления. Поняла, что смысл фразы леары уловили, и, наверное, взлетела бы с кровати, если бы могла: - Я хочу это видеть! О! И запечатлеть для «Новостей»!

- Неугомонная, - ласково улыбнулась свекровь.

Я умоляюще посмотрела на нее:

- Амила, ну пожалуйста, я очень-очень хочу посмотреть запись, мне просто нужно, важно знать, что там происходило. И сколько выжило лю... леаров.

- Не расстраивайтесь, шааза Кайя! Все выжили, лары защитили, сберегли. Только выздоравливать долго будут... - подала голос умница Байли.

Ниол кивнул Делле, и та быстренько слетала за артефактом в виде кубика. Затем я, затаив дыхание, смотрела запись церемонии благословения. Полюбовалась первыми мгновениями, да-да, как меня, ошарашенную «достопримечательностями», муж тащил под мышкой. Выглядела я на редкость глупо, по-моему, даже красивое платье не

спасало. Дальше было мило и душещипательно: окруженные сиянием пары смотрели друг на друга с такой нежностью и любовью, что на глаза навернулись слезы. Одна пара выделялась, оба чувствовали себя лишними на том празднике. Боги их «регистрацию» отложили.

Но вот потом... Когда мужчины самоотверженно защищали своих любимых, падали, заваленные камнями, или когда лара из отвергнутой пары, забыв о себе, освобождала своего избранника от сталактита, а потом вливая в него магию, исцеляя и опустошая резерв, чернея на глазах, – это выбило дух...

Вот мы у края бездны, мое лицо крупным планом, ужас в глазах, взметнувшаяся защитная стена и летящий сквозь нее кинжал. Отчетливо видно, как он пылает. А может, лары постарались, чтобы каждый видел, почему второй эрат мог замертво упасть в бездну. Я в отчаянии кинулась к нему, вырвала отраву из сердца – и ухнула следом...

Амила всхлипнула, закрывая рот кулаком. Ее тут же обнял Ниол.

Кино от высших, в чем я уже не сомневалась, продолжалось. Мой артефакт с того места, где мы его установили, точно не снял бы происходившее за «бортом», а навороченный ларами – вполне. Хотя... не все, но, по крайней мере, верхнюю часть моего тела, судорожно дергающиеся крылья и руку, вцепившуюся в браслет Йелли. И каждую мою жалкую попытку нарастить льда... И лицо, искривленное от ужаса, боли и отчаянья... Все беспощадно показывал...

Рейт, выполнив условия сделки, тяжело вздохнул и отвернулся, собираясь покинуть объект так же незаметно, как и появился. Но у противоположного края площадки замер, прежде чем скрыться с места преступления. По-моему, он разрывался: уйти или помочь. Зачем-то сдвинул рукав плотной черной куртки, обнажив запястье с тонким плетеным браслетом с голубой бусинкой. Ррев снова тяжело вздохнул, посмотрел в небо, где зависла одинокая облачная фигура. Все-таки не все лары ушли! Оборотень тряхнул густой темной шевелюрой и по-звериному плавно, словно на мягких лапах, направился к нам.

Монтажный переход: Ррев с трудом вытаскивает Йелли из пропасти, показывая всем, насколько крупного и тяжелого мужчину мне пришлось спасать, держать несколько минут. Потом из-за края показалась я... героиня, слов нет, – щуплая, грязная, в кровоподтеках и ссадинах, в заляпанном кровью драном платье, а руки... Меня опять на слезы прошибло, до чего себя стало жалко, – одно плечо неестественно вывернуто, рука плетью висит, пальцы мертвой хваткой сжимают спасительную белую ленту, намотанную на запястье. Дальше я вообще плохо помнила, даже момент, когда Ррев, увидев мое состояние, отвлекся от Йелли и резко дернул за ленту. Меня, оказывается, тогда аж выгнуло от боли, зато сустав встал на место, а изморозь набросилась на него, словно оголодавший пес на косточку.

Последовавшее дальше было уже вне моего сознания. Ррев в ипостаси снежного барса насмерть бьется с несколькими ларами – несостоявшимися по воле богов убийцами. Каждый из них, словно ему там медом намазали, пытался подобраться к нам, но рейт, как говорят профи, держал оборону и методично истреблял противника. Но двоих, о которых упоминал свекор, на самом деле «помиловал» – в качестве будущих свидетелей оставил.

Затем, без перехода, на него налетела толпа Арэнков. Делла походила на разъяренную кошку, у которой украли котенка. Амила и Ниол – на карающих ангелов, а Лбил... ух, красавчик, в ярости он потрясающе смотрится! Меня услышали, от красавца зверя отвалили. Ниол подлетел ко мне, со страданием и сочувствием на красивом лице коснулся лба – и началась суматоха. Про Ррева забыли, но он не удрал, ходил в сторонке, хлеща по бокам хвостом, и зорко следил за обстановкой.

Потом любой житель Леарата видел, как взростеет шааза. Надо полагать, на моем примере лары хотели показать пустым ша и одаренным шаа, что за все надо платить. Во всей красе вопрос на засыпку от ларов: нужна ли вам, чернокрылые и серокрылые счастливчики, сила белых за такую цену? Вот хитрецы! Мое тело выгибалось под немислимыми углами, кажется, кости трещали, вены так вздувались, что могли лопнуть в любой момент. Артефакт «слышал» мои, ох, звериные вопли боли. А какие муки испытывали те, кто сдерживал мою магию внутри?! Перекошенные лица, кровь, идущая

носом, и растянутые в криках рты не оставляли зрителям сомнений. Плохо всем! Очень плохо! А уж как корежило пришедших в себя Йелли и Деларию – не передать словами, ведь они связаны со мной узами магии.

Даже странно, почему крылатые скромно называют этот сущий кошмар переходом.

И вот, пережив такие мучения, любой белокрылый автоматически становится мишенью со стороны своих и любого другого леара. Кому такая сила нужна? В общем, мудрые лары постарались наглядно продемонстрировать все за и против, и последних, на мой взгляд, гораздо больше. Может, это не магия слабеет, а боги хотят мира и равноправия для всех своих детей, глядя, как те творят черт-те что?

Око ледаи, считай божественное, отвернулось от нашей компании – показывать, как мы дружно парим в эйфории, лары не захотели, чем только подтвердили мои подозрения: все не просто так! «Камера» переключилась на гору Дамарис, стремительно забралась повыше и показала перекошенное ненавистью лицо Хинто Керука в окружении трех телохранителей в темной одежде, как и у тех, кто напал на нас. Уверена, параллели леары провели! Эр Хинто наговаривал сообщение, с ненавистью глядя на конкурентов, которые прямо на его глазах «отоварились» магией и усилили шаазат. Хинто в бешенстве отправил вестник, раскрыл красивые белоснежные крылья и улетел прочь. Козел ты...

К месту трагедии слетались новые и новые леары. Я всхлипывала от радости, наблюдая, как достают из-под завалов живых. Мои родичи, напитанные магией, легко ею делились, исцеляя раненых. Почерневшую леару, отдавшую всю себя ради истинной пары, живой, но с трудом передвигавшийся супруг успел подтащить к нашему куполу, чтобы восстановить. К счастью, ее крыльям вернулся серый цвет! Потом они долго и страстно целовались на фоне поисково-спасательных работ. Похоже, совместное преодоление трудностей и обоюдное самопожертвование их сблизило, помогло взглянуть друг на друга с иной стороны.

Глядя первый леарский репортаж из горячей точки, я постоянно держала в поле зрения Йелли. Любимого, после того как он очнулся, не интересовало ничего, кроме меня: держал на руках и тихонько укачивал. Правда, я ничего не помню. Но еще больше люблю...

Увидев, что я плачу от переизбытка эмоций, Байли непререкаемо распорядилась:

– Шаазы, помилосердствуйте, хватит, нашей Кайе надо привести себя в порядок. Ша Кичи лично приготовила ей ужин, полезный и вкусный.

– Не зря я чернокрылую главной на кухне назначила, они больше ценят то, что имеют, – довольно заметила Амила.

Я вспомнила, что именно Кичи защищала мое доброе имя перед «коллегами».

Делла почему-то не без ехидства подвела итог по окончании просмотра:

– Кайя второй день героиня! Еще бы: не побоялась магии хаоши, ценой жизни защищала эрата и к тому же, та-да-дам, перевербовала рейта. Это где же видано, чтобы снежные кому-то служили или кого-то защищали? Да еще другом обозвала...

– А при чем тут «друг» и «обозвала»? – насторожилась я.

Ниол явно хотел чем-нибудь стукнуть болтливую Деллу, но она моя тень. А я ее, наоборот, приблизила, чтобы она мне все-все рассказывала. Пришлось ему самому обстоятельно объяснять при чем:

– Обратней этого вида очень мало, они живут по соседству, но мы почти не контактируем. Снежные барсы легко взбираются по любым стенам, они опасные бойцы и сильные воины. Поэтому мы не трогаем их, они нас. У снежных барсов есть одна особенность: они непозволительно свободолюбивы и горды. Практически отсутствует иерархия. Они до последнего вздоха защищают свою территорию и самок с детенышами. Единственные, кого они допускают на свою землю, – друзья, у каждого рейта свои. Из-за особенностей характера и проживания их не просто мало, а единицы. Не каждый мирянин решится назвать рейта другом, потому что не только получит поддержку

оборотня, но и себя обяжет «дружить». Для нас это как клятва на крови в верности, у них все просто: назови рейта другом. Но не дай лары хоть раз обмануть снежного барса, предать его доверие. Ни один хаоши рядом не стоял, настолько опасны последствия.

Я нервно сглотнула:

- Ой, а чем я ему теперь обязана?

Родственники синхронно укоризненно улыбнулись, как неразумному, но обожаемому чаду, ну совсем как мой отец:

- Жизнью!

- Не волнуйся, они с Йелли нашли общий язык, приняли обязательства... В общем, у тебя новый главный охранник. Лыла Йелли забрал - новоявленного шааза назначат на другую, более высокую должность. Тем более что заслужил...

- Мы доверимся Рреву? - ошеломленно выдохнула я.

Улыбки родителей мужа стали ироничными, а вот Делла, как ни странно, после новости о Лыле помрачнела и погрузнела:

- Если снежный обрел друга, более преданного и надежного существа ты нигде не найдешь!

- Мы с сыном теперь можем совершенно спокойно выдохнуть: первая шааза Арэнк вне опасности. Этот зверь тебя ни к одной маломальской авантюре не подпустит! - поддакнула свекровь.

- Да я-то при чем? Я вообще не при делах, это все ваши виноваты! - возмутилась я на русский лад и даже не заметила, что села.

- О, смотри-ка, выступает уже, - оценила Амила и царственно махнула рукой остальным, направляясь к выходу: - Так, шаа, быстро помогайте шаазе привести себя в порядок. И покормите! И чтоб без Йелли от нее ни ногой! И не работайте языками попусту, знаю я вас, болтушек.

Родители ушли, и мои горничные начали «помогать»: отнесли в купальню, потом одели в новую пижаму - невидаль, которую назвали спальный костюм, а модель «Кайя придумала», - затем мы втроем плотно поели. Байли сильно смущалась в моей компании, но мы с Деллой, оставившей свою профессиональную ревность, отвлекали ее болтовней. Повезло мне с этими девушками! Очень!

Засидеться мы не успели. Собеседницы, посмотрев мне за спину, синхронно прикрыли лица ладонями, приветствуя шааза, и бесшумно исчезли. Меня окутало тепло Йелли, ласково шепнувшего на ухо:

- Ну здравствуй, любимая!

Я обернулась, всем телом потянулась к нему и расплакалась, крепко-крепко обнимая. Как вспомню его затухающий взгляд - душа от ужаса стынет.

- Ты чего слезы льешь, родная моя? - заворковал Йелли, поднимая меня из кресла и прижимая к себе, как ребенка, прямо как тогда, на Дамарис.

И голос у него такой живой, нежный и мягкий я впервые слышала. Счастливо всхлипнув, шепнула, обнимая ладонями его лицо и вглядываясь в глаза:

- Я люблю тебя...

Он молчал несколько мгновений - горло перехватило перед признанием:

- Поверь, я тебя тоже... как никто другой!

Как я перед ларами сказала! Потом мы лежали в обнимку и купались в нежности и любви. Сегодня не время страсти. Хотелось уютной семейной тишины и простых, но таких желанных и родных обнимашек.

- Скажи, а боги говорят с нами? Хоть иногда и шепотом? – вспомнила я благословение.

- Некоторые говорят, да, – нисколько не обеспокоившись, отозвался Йелли, водивший носом по моему виску.

Я облизала пересохшие губы и уточнила:

- А если боги кого-то назвали чистыми и защитниками – это что означает?

Муж молчал несколько мгновений и ответил уже задумчиво:

- Так рождаются духи рода. При жизни эти леары отличались талантами и способностями, которые устремляли на благо рода, Леарата, защищали род и Леарат. Короче, отметились хорошими делами. Поэтому мудрые лары оставляют их души здесь служить в посмертии духами-защитниками, помогать. Ты и сама с ними прекрасно знакома и даже дружна.

- Ничего себе! – потрясенно выдохнула я. – Такая вечность мне точно ни к чему, надо срочно сообщить об этом ларам. Не готова я в посмертии работать вечным будильником или маляром-штукатуром, да еще дворцы двигать... Они же неподъемные!

- Ты? – удивленно спросил Йелли. – Кайя, свет мой, ты еще долго-долго будешь жить и радовать меня.

- Я понимаю, но лары во время благословения нас защитниками назвали. Представь, что нас обоих ожидает? Бродить по дому жутким, но симпатичным привидением... Тьфу, тьфу, тьфу от таких обязанностей. Теперь понятно кого – «их» и что беречь!

Йелли хохотал от души и, вытерев слезы, зацеловал:

- Как же я тебя люблю, ворчунья моя!

Глава 13

Подарки и долги

Обледеневший свод, стены и пол домашнего храма Арэнков переливались и искрились. Стоило мне перейти незримую грань между мирским и потусторонним, в храме-пещере началась метель – это уже моя магия чудит, прорываясь наружу. Я аккуратно ступаю по льду, следом стелется поземка. Но никто не злится, не упрекает за «непогоду» в сердце рода, ведь сила леара – это еще и поддержка, подпитка бестелесных защитников дома. Наоборот, в толще льда все ярче разгораются голубые огоньки: духи просыпаются, «оживают» и меня это радует. Всего каких-то четыре месяца назад это место пугало до дрожи, я считала его жутким, а сейчас ощущаю себя здесь как дома.

Вопреки всем «нельзя», я присела на скамеечку у огромного кристалла-алтаря. Последнее время почему-то быстро устаю и вообще по всяким пустякам расстраиваюсь. Вот и сегодня проснулась с утра разбитая, в голове одни грустные мысли.

Резать ладонь, как Йелли, чтобы пробудить алтарь для обращения к ларам, я не стала. С трудом преодолев жалость к себе, которую предпочла назвать инстинктом самосохранения, поранила палец. Затем быстренько размазала кровь по алтарю, благодаря духов и ларов... уж как получилось. Ждала-ждала отклика, тоже хоть какого-нибудь, но тщетно. Тихо, мирно, уютно – и я, привалившись к светящемуся ровным голубым светом алтарю, вновь погрузилась в свои грустные мысли. Так хотелось повидать родных, хоть одним глазком.

Почему-то вспомнилось благословение у горы Дамарис. Интересно, что бы я сказала Игорю, если бы подобная ситуация сложилась в нашем мире и он выбрал бы меня, а не Машку? И поняла: ничего бы «такого» не сказала. Наверное, какую-нибудь банальщину бы несла, которую придумывала перед ритуалом здесь, – высокопарную чушь, лишь бы выпендриться «на камеру». Скорее всего, нас бы земные боги так же «завернули», как ту пару невлюбленных. Ведь Игоря я – теперь знаю совершенно точно – не любила. И все же как он там, на Земле? Что с ними стало?

Да фиг с ними! Конкретно на Игоря с Машей мне плевать, если уж совсем честно. Я переболела, пережила их предательство и забыла. Только сейчас почему-то вспомнила – не иначе, время пришло. Пусть живет, как хочет; в конечном счете я выиграла от их предательства. Если вернуть время вспять, я бы ничего не изменила, потому что теперь у меня есть Йелли. Ради него и для него что угодно сделаю...

Как там бабушка, папа и мама? Неизвестность терзала и мучила. Положив руки и голову на алтарь, я выдохнула в космос:

– Помогите мне, духи! Родненькие, ну хоть маленькую весточку получить, чтобы душу успокоить.

Закрела глаза, посылая тоску и жажду алтарю, от всего сердца взмолилась – и лары, похоже, услышали. По сомкнутым векам полоснула вспышка света, я даже зажмурилась. Затем цветные пятна истаяли, и я одновременно увидела и услышала...

В нашей гостиной, большой, отчасти помпезной, но красивой, стоит у окна отец. Бабуля сидит за столом, живая, какое счастье! Сердце пойманной птицей забилось от радости. Только бабушка еще больше ссутулилась и поседела. Но Елена Петровна Шмырь по-прежнему остается образцом настоящей женщины. Женщины с большим сердцем.

Вот бы подбежать, обнять обоих, погладить папку по широким, слишком напряженным плечам, чтобы успокоился и расслабился. И окунуться в родное бабулино тепло.

– Что там? – ледяным голосом спросил отец, оказывается, державший новый смартфон у уха.

Так-так, на Земле вышла новая модель айфона. Я тоже хочу... Стоп! Папа плотно прижимает его к уху, но мне прекрасно слышен глухой, недовольный голос его собеседника:

– ...Европейские партнеры беспокоятся, господин Хелле, что излишне активные поиски

бывшего жениха вашей дочери, господина Лесина, и его подруги Марии, которые сбежали... которых видели в Колумбии, могут негативно сказаться на общем климате инвестиций в ваш новый проект. Особенно учитывая нестабильную обстановку в той стране и крайний негатив местных... известных на весь мир предпринимателей, числящихся в международных базах. Насколько нам стало известно, некоторые из них посчитали, что вы залезли на их территорию. Может возникнуть конфликт интересов, а наши европейские партнеры не хотят, чтобы их имена и репутация хоть как-то ассоциировались с... колумбийскими наркобаронами.

- Успокойте наших европейских инвесторов! Свои проблемы с колумбийскими, известными на весь мир предпринимателями я уладил к обоюдному удовольствию. Как раз сегодня получил от них, за весьма солидное вознаграждение, прекрасную открытку, где запечатлены бывшие друзья моей исчезнувшей дочери. Они решили остаться в Колумбии. Навечно! И сердечно со мной попрощались, принеся глубочайшие извинения и пожелав удачи.

Несколько секунд тишины - а потом ехидное уточнение:

- Это не та ли «открытка», которую пару дней назад по всем каналам показывали колумбийские и соседние СМИ, сожалея о гибели двух русских туристов? Помнится, всех возмутил жестокий способ их... кончины.

Папа хмыкнул, затем флегматично ответил:

- Не знаю, о чем вы, господин Фурш. У меня даже на местные новости времени не хватает, что уж говорить про колумбийские. Может быть, позже посмотрю... отмечу их профессионализм.

- Хорошо, я рад, что вы все решили, господин Хелле, и вновь в деле. Я передам инвесторам, что проект будет успешно развиваться дальше.

Папа отключил телефон и медленно, устало обернулся к бабушке.

- Миш, зря ты их так жестоко... Я думаю, Игорь не врал, когда сказал, что не виноват, - задумчиво сказала бабуля, а потом добавила почти шепотом: - Я уверена: она жива. Не знаю, почему Кайя не вернулась, но однозначно - жива. Я чувствую.

Отец раздраженно швырнул айфон на стол, с болью и яростью в голосе ответил:

- Мы нашли ее парашют. Точнее, рыбаки выловили километрах в ста от места высадки. Он был весь изъеден кислотой. Вовка рассказал, как дело было в клубе. Либо эта тварь Машка, либо сам Игорь, а мне плевать - кто! Они убили мою девочку. Оба! Значит, и ответили оба!

- Она жива! - упрямо заявила бабушка. И глухо добавила: - Кайя мне недавно снилась, такая красивая, счастливая, с белыми крыльями. Над облаками, а вверху - невиданный дворец. И мужчина рядом с ней - тоже с белыми крыльями, красивый... Ты бы видел, как он смотрел на нашу девочку.словно она для него - весь мир. Самая прекрасная и единственная...

Папа прямо на глазах осунулся, широкие плечи опустились после бабушкиного рассказа о видении, затем он сипло произнес:

- Ангелы, значит... Ну да, Кайя - добрая и светлая девочка, куда ей еще... Ну пусть так, может Бог за ней присмотрит лучше, не то что я... не уберег. И так виноват... - последнее он сказал с сильным душевным надрывом.

- Кайя точно простила, да и Боженька тоже, иначе зачем второй шанс тебе подарил? - сурово осадил его мать. - Так что учти прежние ошибки!

- Мать, ты знаешь, как я тебя люблю? - Папа впервые на моей памяти опустился перед ней, обнял, положил голову ей на колени. - Ты у меня самая родная и любимая. Прости дурака, если сможешь, и помоги, а?

- Да куда я от вас теперь денусь? - мягко улыбнулась бабушка, потрепав своего Мишеньку по волосам.

Душа плакала от боли и грусти. Мои родные, такие любимые и одинокие. До дрожи хотелось перенестись к ним, обнять, пожалеть и сказать, что все у меня отлично. Эх, если бы все желания исполнялись...

- Мы дома! - из прихожей донесся женский голос, родной, звонкий, счастливый.

Совсем скоро, не веря своим глазам, или чем это «кино» смотрю, я увидела маму. Солвейг Хелле в сопровождении пожилой норвежки, своей мамы, вплыла в гостиную. В свободном шерстяном голубом платье мамочка даже в свои сорок шесть с хвостиком выглядит максимум на тридцать пять. Идеально красивая! Она уже несколько лет не модель, но активно подвигается на ниве модной индустрии. Папа восторгнулся и, словно большой верный пес, кинулся ей навстречу, обнял и заботливо усадил в удобное глубокое кресло:

- Солли, родная, ну как?

Бабушка тем временем приветливо и старомодно раскланялась с фру Солвейг, своей сватьей номер один, на английском и сразу переключила внимание на экс-невестку. Да что же там у них происходит? Мама с папой друг друга только ради меня терпели, встречались на нейтральной территории. И что я слышу? Не ироничное «Соль», а «Солли» - с нежностью и любовью. Эти тональности в голосе папы я слышала редко, и то в отношении нас с бабушкой.

Мама погладила папу по щеке, ее фиалковые глаза сияли ответными чувствами, я никогда не видела столько света и эмоций на ее лице.

- Все анализы и скрининги в порядке. Врач сказала, несмотря на ранний срок в три месяца, что у нас - сын! По всем полученным данным, ребенок совершенно здоров. Беременность развивается как положено, отклонений нет.

- Спасибо, Господи! - выдохнул счастливый папа.

- Пока ходила с Каечкой, все время хотела мяса, а сейчас меня тянет на сладкое. Странно, Миша, ведь вроде бы должно быть наоборот? - рассеянно улыбнулась мама, поглаживая пока еще незаметный животик.

Я плакала от счастья. Моя потеря сблизила родителей, вернула им утраченную так быстро и рано любовь. Да еще и в приличном возрасте подарила второй шанс - сына.

Бабушка присела на широкий мягкий подлокотник кресла, взяла моих родителей за руки и - шмыгнула носом! Сколько раз она меня за эту «выходку» журила, мол, неприлично девице из хорошей семьи, а сейчас сама не сдержалась. Зато я поняла, что помогло ей пережить мою пропажу...

Вдруг звуки начали отдаляться, а потом и вовсе исчезли, картинка растаяла, как снежинка. Я запротестовала в панике:

- Нет-нет!

- Подарок... подарок... но далеко, сложно... тяжело... - знакомо зашептали голоса.

- Благодарю вас, - всхлипнула я, вытирая слезы. - Для меня эта встреча значит очень много.

- Подарок... подарок... - снова настойчиво шептали боги этого мира.

- Спасибо, спасибо, мои дорогие, - повторила я и с содроганием подняла узкий маленький ритуальный стилет, намереваясь снова окропить алтарь кровью.

- Береги их... береги их... развлеки их... развлеки... покажи им весь Мир... нет белого... нет серого... нет черного... все любимы и едины, - яростно, наперебой шелестели лары, словно торопясь взыскать с меня плату другим средством. - Береги их... покажи весь Мир...

- Да кого, их-то?

- Всех... их... - весьма расплывчато вторили лары, но очень настойчиво и как-то зловеще.

У меня в голове рефреном божественному наказу перед глазами возникла сценка из старого фильма-сказки «Варвара-краса, длинная коса», где из воды высовывается жуткая когтистая зеленая рука и грозит корявым пальцем, а следом старушечий мерзкий голос Миллиара напоминает: «Долж-жо-ок за тобой!»

Фу-ух... я невольно передернулась: долг высшим - это серьезно. Но именно ассоциация со старой кинолентой помогла понять: лары поддерживают мое стремление развить телевидение, новостную программу и показать ларам, как огромен мир. И вместо вражды и прочего негатива можно обратить их внимание на более интересные предметы: кино, театр, музыку, науку...

- Вот так и вырастает самомнение за рамки приличий, - остановила я поток своих мечтаний со смешком. - Ладно, потом разберемся, кого «их» и что показать.

- Пока у тебя лишь сынок растет, а самомнение - не очень. Слишком трусливая, - проворчал рядом дух.

- Вы меня до икоты доведете, без предупреждения являясь, - буркнула я, а когда смысл его «комплимента» дошел, осторожно переспросила: - Сынок? Ты хочешь сказать, я беременна?

- Вы с эратом так усердно для этого трудились, что сложно было бы не получить чего-то дельного... и полезного для рода.

- Сынок? - повторила я сухо, при этом задыхаясь от переизбытка эмоций и недоверчивого восторга. - У нас с Йелли будет ребенок? Уже?

- Может, Амилу позвать? - обеспокоился призрак. - А то ты не слишком радостно приняла прекрасную новость. У тебя с головой все в порядке?

- Нет! Ой, все в порядке, но позвать лучше Йелли! - на ходу сориентировалась я. Подумала и, пока призрак никуда не смылся, набравшись сил, спросила: - Какой у меня срок?

- За беременность в тюрьму не сажают. Ты головой точно не повредила? - опасливо отодвинулся от меня дух. - Все только обрадуются, поверь.

Я фыркнула, как Амила, когда все ее представления о суперзащитниках развеялись после общения духов со мной:

- Молодняк!

И с досадой отмахнулась от привидения.

Пока летела к своей террасе радовать мужа новостями, заметила поднимающегося к дворцу в образе снежного барса Ррева. Прекрасный зверь легко и, казалось, играючи преодолевал любые препятствия, перескакивая с одного уступа на другой. Явно торопился. Еще бы, теперь его нежно обожаемая жена Ррана здесь ждет. Обратни поселились в нашем дворце, неподалеку покои занимают. К тому же ждут своего первого ребенка-котенка.

Это Йелли предложил Рреву переселиться к нам всей семьей. Так барсу будет проще караулить меня и весь наш выводок, как он выразился про моих будущих детей. Но какие претензии к оборотню? Зверь - он и есть зверь.

Ррев проводил меня взглядом, а я, помахав, мол, привет, отметила его довольную морду. Ага, значит, миссия удалась. Ниол с Йелли не захотели посвящать меня в «незначительные детали». А Делла добросовестно подслушала: оказалось, что Ррев отправился мстить подлому аяшу Тейшу за мое пребывание на невольничьем рынке, заодно и за себя «поблагодарить» вашана. Потому что рейты никому не прощают обид, даже незначительных, а уж отраву, подсыпанную в вино в таверне, с последующей продажей хаоши - тем более. Что моя семья и друзья решили по поводу квошиков, даже спрашивать не стала - нервы целее будут.

Зато эпопея с наказанием ордена убийц-хаоши меня, можно сказать, кровно заинтересовала. Более того, мы наконец запустили блок новостей. Сначала их, правда, приносил сам Кренд. Уже первые выпуски стали привлекать к нам все больше и больше внимания и, как следствие, журналистов. Благодаря им, весь Леарат следил за государственным ответом ордену.

Шаэр развернул хорошо спланированные и продуманные действия против хаоши за двукратное покушение на эрата второго шаазата, за пособничество предателю и проклятому ларами Керуку и прочее. Им припомнили все до мелочей. Йелли вчера обмолвился, что к уничтожению пустившего корни по всему миру ордена присоединяются главы других стран. Видимо, достали!

Работа в этом направлении дала неплохой результат. Раз – впервые глава ордена вышел из тени и связался с шаэром. Два – нам готовы выдать тех, кто сотрудничал с Керуком. Три – навсегда вычеркнуть Леарат из зоны любых противоправных действий ордена; заодно забыть о существовании рейта Ррева в рядах хаоши – это отдельное условие эрата Арэнка. Насколько я поняла, шаэр и Совет Девяти готовы подписать договор на этих условиях. Все-таки лучше худой мир, чем постоянно оглядываться и ожидать удара кинжалом.

Прилетев в покои, послала весточку мужу, а сама тщательно подготовилась к встрече. Надела черный шелковистый комплект: neglige и халатик, откинулась на подушках для лучшего контраста и томно уставилась на дверь. Как я и предполагала, Йелли вскоре пришел. Его снежные брови в удивленном восхищении взметнулись на лоб.

Но эрат Арэнк не был бы таковым, если бы спокойно не прошел дальше, остановившись у кровати и внимательно разглядывая меня, с улыбкой не спросил:

– Как там твой шоу-бизнес поживает?

Я чуть поморщилась, вспомнив массу проблем, связанных с моим делом. Даже забыла про соблазнение мужа:

– Шоу есть, бизнеса нет. Но это пока! Сейчас только придумаю, как вашу заунывную ледяную музыку переложить на наш современный бодрый лад – и соберу бойз-бенд из чернокрылых парней. Они у меня взбодрят вашу заостренную публику...

– Кого соберешь? – нахмурился разом потерявший насмешливо-невозмутимый вид Йелли. – Чтоб я возле тебя никаких парней не видел!

– Ой, да кому я нужна буду с пузом... – махнула я рукой, а потом, уловив, что же сказала, машинально прикрыла рот ладонью.

– С пузом? – вкрадчиво переспросил Йелли, хищно подбираясь к краю кровати. – Ты хочешь сказать...

– Угу, – хихикнула я нервно. – Сейчас духи сказали, что я беременна. Сыном...

Йелли замер рядом, нависая надо мной. Сначала рваный вдох-выдох, словно ему воздуха не хватает. Затем у него глаза потемнели от взбунтовавшихся эмоций, магия начала шалить, закрутив в спальне метель сродни моей в храме. Он медленно склонился надо мной, коснулся лица с невыразимой нежностью и любовью, погладил по щеке, потом, наслаждаясь каждым миллиметром моей кожи, добрался до живота, прикрытого черным шелком. Крупная мужская ладонь на моем животике смотрелась так основательно, так утверждающе и собственнически, в хорошем смысле этого слова, что глаза защипало от подступивших слез.

Йелли медленно присел, затем и вовсе опустился на колени, уткнулся лицом мне в живот и жадно, глубоко вдохнул. Это восторг и счастье. Все, что он делал, как выглядел и дышал за то, что мой мужчина, прожив сто восемьдесят один год, наконец-то дождался! Вот теперь его список достижений и мечтаний абсолютно полон. Дерево посадил – ну ладно, скажем, статуи ледяные поставил, врагам крылья поотрывал, удачно женился и, как завершающий этап, сына родил. Почти!

– Ай, – пискнула я, когда Йелли, неожиданно подхватив меня на руки, стремительно сорвался с колен.

Крепко прижав меня к груди и выпустив крылья, ракетой земля-воздух вылетел на террасу и там закружился. Вдобавок еще и кричал, выплескивая восторг. Эх, недолго моя тайна хранилась. Уже через пару осколков как ненормальные рядом орали Амила с Ниолом. Свекровь сначала пыталась сдерживаться, но вскоре счастливо вопила мне на ухо. Ведьма! Правда тискала тепло, заботливо и по-матерински. Любимая моя ведьма! Апофеозом картины «Мы ждем ребенка» было явление Ррева в звериной ипостаси. Поводил усами и испарился.

Я люблю этот мир и надеюсь, что он тоже хоть чуть-чуть полюбил меня, люблю своего мужа и новых родных. У старых все налаживается, добавляя мне пузырьков счастья. Своих подруг люблю, Деллу, за которой, к ее тайной радости, начал ухаживать Лыл; скромницу Байли, оборотней Ррану и Ррева. И дворец Арэнков с защитниками. Ларану и даже ларов.

Прекрасный Мир, спасибо, что принял меня и подарил счастье и любовь!

Эпилог

Огромная семейная терраса, где мы теперь принимаем гостей, редко пустует. Белокаменные полы, подернутые сверкающей снежной изморозью, традиционно звериная балюстрада по моей просьбе разбавлена цветочными мотивами, изумительный вид на Кристальный дворец и большой круглый стол, щедро накрытый для чаепития. Чаепитие – это традиция и напиток апиков, но стоило мне всего один раз попробовать предложенный Женем напиток, я его чуть не задушила от счастья.

Ррана присматривает за своим котенком. Рреку всего полтора года, и пока он гоняется за своим хвостом в манеже, который я попросила сделать, когда родила своего Мишку. Мы с оборотнями не разлей вода, Ррев стал самым верным и преданным другом Йелли. Через какие только испытания они вместе не прошли за прошедшие одиннадцать лет. Сколько группировок заговорщиков раскрыли, уничтожили убийц, поймали воров...

Порой кажется, что эта «охота», как оба мягко называют охрану наших жизней и благополучия, им самим нравится и вызывает живейший азарт. Ррев так уж точно в восторге. Про его кривой зловещий оскал теперь страшилки в народе рассказывают, де задумаешь плохое против рода Арэнк – по твою душу и печень придет главный палач эрата второго шаазата, а он настоящий Зверь, как в прямом, так и в переносном смысле.

Последние год-два, стало модно «дружить» с оборотнями из снежного клана, правда, мало кому удается, но контакты и сотрудничество всячески налаживаются и развиваются.

У Амилы с Ниолом недавно наконец-то родился второй сынок. Они решились на повторный ритуал, правда, не потеряли ни грамма силы – я страховала. Ха-ха, теперь у Йелли есть маленький брат, а у Амилы – Головная Боль. Йорик тот еще сорванец, глаз да глаз нужен. Но больше всех пополнению в семье радуется наш Мишка – внимание и нравучения Амилы распределяются еще на одного ребенка, очень активного. Хоть он и без ума от своей бабули, но свободы тоже хочется.

Я потерлась щекой о руку Йелли, ласково поглаживающего мое плечо, стараясь незаметно притянуть меня ближе к себе. Интриган мой любимый. С каждым днем, с каждым годом наша любовь становится все крепче, превращаясь в настоящую зависимость друг от друга. Мы почти не расстаемся надолго, практически не ссоримся. Некогда тратить время на ссоры. Мудрый, многое подмечающий и понимающий Йелли прощает мне любые ошибки и поддерживает любые авантюры, частенько превращая все недоразумения в легкую ехидную пикировку. А заканчиваются «выяснения отношений» смехом и страстной любовью.

– Ну и? – поджав губы, я обвела друзей хмурым взглядом. – Неужели ни у кого больше нет новых идей?

– Я вообще не понимаю, зачем вам эти дурацкие сказки? Пусть просто смотрят на заброшенные шахты, чем они без вранья хуже? – недоуменно промурчал Ррев.

Я раздраженно закатила глаза:

– Ничего ты не понимаешь! Если мы хотим развивать туризм в своих городах, то придется потрудиться! Просто шахты, хоть они трижды изумрудные, смотреть никто не захочет! Поверь мне, опытному туристу! А вот если там видели призрак проклятого эрата, который заблудившихся зевак жрет с башмаками, или низвергнутый лар цепями гремит по ночам и забирает души девственниц – другое дело! Народ валом повалит! Чтобы нервы пощекотать!

– У нас и так много работы, зачем нам туризм развивать, – мягко пожаловался Йелли, тем не менее поцеловав меня в шею.

– А должок перед ларами у кого! – напомнила я, помахав указательным пальцем. – Как в храм прихожу, так они мне напоминают. Говорила же, к хорошему быстро привыкают, а потом замучаешься благодарности раздавать. Так что теперь будем дружно пахать на благо леаров. Туризм – это много работы для всех: серых, черных, белых, не важно. Ты посмотри, как чернокрылые отличились в Йерике? Да они там теперь самые крутые туроператоры, целые предприятия организовали и активно продвигают новые маршруты.

- Да, - весело кивнула Ррана, - они там святыню «нашли», волшебное место, которое, если посетить и испить воды в святом источнике, добавляет удачи и счастья в личной жизни. Там давка в очереди, незамужние и холостые прут к воде и набирают ведрами... удачи и счастья. И не только леары, а еще множество других путешественников, заворачивающих с Великого пути...

Я хихикнула, но озаботилась:

- Надо это под контроль взять. Мало ли...

- Мама! Мама! - услышали мы детские вопли. - Желтую прессу принесли!

На террасу прибежал наш первенец Мишка-Миша-Михаил вместе с другом Рриваном, первенцем рейтов. Они родились с разницей в пару месяцев, поэтому росли и играли вместе. Лучших и неразлучных друзей даже представить сложно.

Мальчишки, подбежав к столу, протянули нам несколько листочков со свежими, можно сказать, горячими новостями. Ррев и Йелли тут же потянулись знакомиться, уж они-то точно знают, что слухов и сплетен в нашей желтой прессе не бывает. Достоверность «контора» гарантирует! Потому народ доверяет и расхватывает свежие издания на лету. А желтой прессой назвали с моей легкой руки - бумага, на которой печатают новости, с желтоватым оттенком, вот я и посмеялась пару раз. Кто знал, что мои слова про желтую прессу сразу войдут в обиход?

Я быстро просмотрела первые две странички и жадно уставилась в большую статью на третьем развороте. Там кинокритик Альтон Честный в пух и прах раскритиковал мой последний блокбастер, назвав его шаблонным и малоэпичным.

- Вот гад! - выдохнула я с обидой. - Смотри, как быстро привык к спецэффектам, эпичности ему мало. А шаблон? Только десять лет кино смотрит, а уже ему шаблоны везде мерещатся...

Мишка, невольно копируя отца, обнял меня за плечи, чмокнул в висок и попытался успокоить:

- Да ладно, мама, сегодня полоска белая, завтра - черная. Что ты так переживаешь? Я смотрел «Аватара» мне очень понравилось. Только не понял, почему персонаж зеленого цвета и с четырьмя ногами?

Я взялась адаптировать нашумевшую историю:

- Это шершуки. Мне однажды повстречался их представитель недалеко от Квоша. Образ реальный, а история повествует, как компания злых и жадных аяшей решила разграбить красивую страну шершуков. Заслали к ним своего шпиона под иллюзией, а он влюбился в богомолку, ой, девушку, и прошел обряд по смене вида. И...

- Ну почему он так долго...

- Все! - я вскинула руку. - Поняла, фильм не сильный получился.

- Ну не все же тебе почивать на подушке успеха, - с нежностью заметил Йелли. - Видимо, расслабилась, решила, что и так сойдет, и вот - получи...

- Угу, я поняла уже, но не ожидала, что собственный телохранитель, друг, можно сказать, накатает разгромную статью. Ведь мог бы Алел немного приукрасить, подсластить горькую пищу...

О том, что наш Алел тайком подвизается кинокритиком, причем стал весьма известным и активно печатается, я узнала не сразу. А когда узнала, моему изумлению не было предела. Сначала пыталась задобрить его заранее, перед выходом очередного фильма или сериала, потом угрожала, потом подлизывалась - все зря.

- Он честный, за это его и ценят! - усмехнулся Йелли с пониманием.

А вот Делла превратилась в самую настоящую звезду мирового масштаба. Моей тени даже на сиделки со мной теперь не хватает времени: то съемки, то показы, то

интервью. Свободное время она тратит на мужа – Лыла собственной персоной. Уже который год они настоящая медийная звездная семья, ведь Лыла мы с Йелли поставили управлять огромным кинохозяйством. Еще лет восемь назад пришлось в Ларане строить огромную киностудию, переносить в долину все съемки, кастинги и работу. Мы так разрослись, что скоро туда, как в Диснейленд, водить экскурсии будем.

– Поглядите-ка, – прошипела я, – Тито тоже свое кино снимать начал.

Прочла статью Алела про блокбастер рода Тито и расплылась в широкой ухмылке:

– Ха, Алел их в пух и прах разбил. Пишет, что слабый сюжет, нет смысла и...

– Быстро ты свои печали забыла, – подначил Ррев.

Бросив на него косой взгляд, дальше решила радоваться чужому «успеху» молча, а ему улыбнулась:

– Надеюсь, ты простишь мне мелкие грешки и тщеславие?

– Что-то захотелось к Мозимото, – Амила уныло подперла кулаком щеку. – У него такие роллы из водорослей...

– Может, заказать доставку? – предложил Ниол.

Обожаемая свекровь без лишних слов несколько лет назад поддержала мое стремление стереть сословные предрассудки. И первой начала захаживать в «общепит» сначала в Ларане, а потом и в других городах. Начитавшись Алела, Амила записала себя в кулинарные критики. Более того, теперь она продюсер кулинарных шоу. Сейчас вот готовит к выходу кулинарную битву «Горячая кухня», где шеф-повара разных городов и шаазатов поборются за первое место.

Мир с моим приходом неуловимо менялся. Все-таки правы старожилы: великая Яза никогда не «дарит» миру что-то просто так. А непременно с последствиями. Хорошими или плохими – зависит не только от подкидышей, но и от самих жителей. Сейчас Леарат активно развивается. Кино, телевидение и музыка призвали на помощь науку. Пришлось мастерам ускориться, а изобретения, что, казалось бы, были вначале нужны для моего шоу-бизнеса, оказались остро востребованными во многих областях. И в разных странах.

Всего за одиннадцать лет положение черных ша немного изменилось к лучшему. Музыкальные группы, актеры, журналисты, рестораторы, туроператоры – все новые и новые звезды зажигались в новых областях деятельности. Леары, вне зависимости от цвета крыльев и волос, становились значимыми и известными. Устой менялись. Надеюсь, в правильную сторону. Лары подгоняли меня, не давали расслабиться, поэтому я верила, что иду в нужном направлении.

Больше всего меня заботит благополучие моего шаазата, моих леаров – тех, за кого мы несем ответственность. В новостях часто мелькают сообщения о нас, где в самом хорошем свете выставляется семья эрата, его забота о простых работягах ша. О земле и политике тоже говорим. Совсем скоро шаэр из друга превратился в жесткого конкурента, ибо выглядеть Пятачком при Винни Пухе не комильфо. В результате первый шаазат Иси последовал за нами и открыл Правительственную новостную компанию. Потом и многое другое скопировал и в некоторых вещах даже превзошел пионеров. И все равно нашей дружбе с Окэ Иси ничего не мешает.

– Кайя, привет! – услышали мы уже почти мужской, ломающийся голос эра Шиая Иси.

Парню восемнадцать лет, три перехода за плечами и идеально белоснежные, искрящиеся крылья за спиной. Весь в отца – шикарный до рези в глазах, плюс умный и на редкость предприимчивый. Яхто им гордится сверх меры, но Шиая это не портит, наоборот, обязывает к еще большим успехам. Жаль, но пока лары не наградили род Иси вторым наследником.

Обернувшись, я с улыбкой встретила подлетающих с охраной Окэ с сыном. Йелли встал и, не обращая внимания на прислугу, лично отодвинул стул для супруги шаэра и моей подруги.

- Как ты? - тихонько спросила она.

- Уже с трудом, - улыбнулась я. - Крутится, сил нет. А духи словно нарочно молчат и не говорят, кто у нас в этот раз. Я замучилась подбирать одежду, для мальчика или для девочки...

Юный эр подошел со спины, поцеловал меня в щечку по-родственному, не нарочно, а может, специально, как и его отец, задирая Йелли. Ох уж эти мужские игры! Вдруг Шиай, будто машинально, положил ладони на мой огромный живот, где начал пинаться ребенок.

- Даже не думал, что это так жутковато выглядит, - совершенно по-детски поделился он.

Мы дружно замерли, наблюдая, как мой живот и руки Шиая на нем начали золотиться, испуская характерное для истинной пары сияние. Мы с парнем еще оторопело взирали на дар богов, а Йелли, Ниол и Ррев уже действовали, не сговариваясь. Окружили нас со всех сторон, чтобы скрыть эту потрясающую новость. Окэ, восторженно всхлипнув, быстро отправила вестник супругу.

- Это то, о чем я думаю? - прохрипела я.

Шиай отдернул руки, спрятал за спину и вытаращился на «свидетелей».

- У нас будет дочь, - хохотнул Йелли. И строго, без дураков, предупредил Шиая: - А у тебя - истинная пара... если будешь хорошо себя вести!

Через полглыбы к нам прибыл запыхавшийся Яхто Иси. Впервые шаэр Леарата прилетел лично и к тому же в гости! Если совсем недавно при взгляде на нас с мужем - главных конкурентов - у него лицо леденело или глаз дергался, то сейчас, стоило ему отметить счастливые глаза сына и супруги и ее едва заметный знак рукой, Яхто словно подменили.

- Родные наши! - запел он. - Столько надо обсудить, просто нереальное усиление наших шаазатов, всеобщего влияния и власти... слияние новостных контор, да и покои будущей второй шаазы Иси и...

- Заметьте, я молчу и хорошо себя веду, - неожиданно оборвал отца Шиай, увидев, как мрачнеет Йелли.

Молодец эр Иси, сбросил напряжение, все уважительно улыбнулись недоумевающему шаэру. Дальше мы отмечали это радостное событие. Шиай - красавчик и отличный парень, ему удастся покорить мою малышку и сделать ее счастливой. И защитить от любых опасностей, ведь его этому учат с детства.

Дети играли с младшим Рреком, тискаая бедного котенка. Мы с подругами обсуждали новые модные тенденции, мужчины - дела шаазатов и свои планы. Амила вместо Йелли тепло обнимала меня за плечи, с удовольствием участвуя сразу во всех разговорах, вставляя свои замечания.

Я в который раз мысленно благодарила всех богов, принявших участие в моей судьбе. Осталось только к столетию возвращения Язы подготовить какой-нибудь знак признания или торжество, а лучше и то и другое. Заодно попытаться запечатлеть очередного подкидыша, хорошо бы не болото и не пауков, а что-нибудь... чудесное и полезное... почти как я.

Эх, мое самомнение растет вместе с очередным ребенком. Хе-хе.

Еще немного об Арэнках, или Истинная для первенца!

Просторная терраса новомодного дорогого заведения, популярного у молодежи, – таверны «Алирия» радует глаз и тело отполированными до блеска круглыми столешницами светлого дерева, изящными высокими бокалами, изысканным интерьером и отменной кухней. И никакого пекла, потому что навес оплетают кью – неприхотливые вечнозеленые вьющиеся растения с толстыми листьями и сочно-красными большими цветами, источающими тонкий, легкий, приятный аромат.

Насладившись отличным блюдом и легким вином, я лениво поглядывал по сторонам, не забывая наблюдать за деятельной жизнью столицы, благо таверна находится прямо в центре Лараны, на пересечении оживленных улиц. Террасу к этому старинному зданию, в котором когда-то останавливались путешествовавшие по Великому каменному пути, пристроили в прошлом году, переделав часть крыши, и теперь с нее хорошо просматривается и Черная площадь, и прилегающие торговые районы. И народ сюда слетается полакомиться и поболтать интересный, ну хотя бы внешне.

За соседними столиками расселась стайка хорошеньких шаа. Светло-серые головы постоянно сближались, девчонки о чем-то таинственно шушукались и порой бросали на меня косые взгляды, но тут же презрительно отворачивались. Даже смешно становилось.

Моя родня, знакомые и незнакомые, включая иностранцев, часто говорят, что за последние двадцать лет, с того самого момента, когда в Леарате появилась моя мама – посланница Великой Язы Кайя Арэнк, – многое изменилось, исподволь, неторопливо и неумолимо, словно Леарат, как и весь Мир, жаждал, ждал перемен и наконец-то дождался. Телевидение дало толчок к развитию множества направлений: науки, искусства, производства и особенно – сознания, образа жизни леаров. Ну что ж, старшим с высоты прожитых лет виднее и лучше знать.

Неслыханный подъем туризма – это иномирное слово плотно вошло в нашу жизнь – поражал размахом. Оказывается, путешествовать не только с обозом, а изучать, исследовать родные просторы на досуге, не говоря уже о малоосвоенных местах, весьма интересно и поучительно. Почему бы не слетать семьей к Северному морю отдохнуть, дрейфуя на льдине? Всего лишь за десять лет туризм захватил наших ближайших соседей: деловых, предприимчивых апигов, предлагающих прожить и развлекаться в комфортных условиях Байсы; звероподобных хеджанов с их страстными танцами у костра на берегу; даже жители Серого Подземья пытались втиснуться к туроператорам со своими маршрутами. Правда, по пещерам змейсов пока ходили лишь экстремалы из числа мужчин – пощекотать себе нервы; женщины с собой брать опасались, не тот «политический» климат у ледяных. Отряд пограничников, у которых я брал интервью, походом по пещерам остался доволен. Ну а дамам и в Байсакале хорошо, и в других безопасных и благостных местах. В общем, телевидение и туризм объединяют народы, раскрывают многие тонкости их жизни, традиции, да мало ли еще что.

И тем не менее внутреннюю магическую иерархию леаров телевидение искоренить не в силах. Да, десятки, даже сотни чернокрылых ша, талантливых и работоспособных, становятся звездами эстрады, шоу и кино. У них бешеная популярность, пресса неустанно следит за их жизнью, ими восхищаются толпы поклонников и кричат «Браво!», невзирая на цвет крыльев, но вот дальше сложнее и традиционнее. Светлокрылая девушка никогда не сядет за один стол с черным парнем, если это не деловое общение. Не пронесется рука об руку навстречу Моике, а тем более никогда не соединит свою жизнь с тем, кого из-за предрассудков считает низшим.

Мама – леары и духи ей в помощь! – постоянно доказывает и показывает всеми возможными способами, что в битве магии и разума чаще побеждает именно разум, а не тупая сила. Жаль, эту истину пока приняли лишь простые леары – высокородным белым до понимания еще слишком далеко. Моя чудная, обожаемая мамочка... Трудно представить, что когда-то она была напрочь лишена магии и прекрасно без нее обходилась...

Мое лениво-задумчиво-сытое времяпрепровождение прервал приземлившийся на террасу друг и будущий родственник Шиай Иси – первый, но, слава ларам, уже не единственный наследник первого шаазата. В прошлом году его мама Окэ родила второго сына, и с тех пор мы все дружно переживали за шаэра Яхто, которого буквально

распирало от гордости и самодовольства.

Пока Шиай шел ко мне, я краем глаза наблюдал за серокрылыми девушками за соседним столиком. И мысленно веселился. Артефакт, создающий иллюзию, немного изменил внешность Шиая – превратил шааза в темно-серого шаа, даже запах магии скрыл, но мощь, физическую силу и рост рода Иси не спрятать. Вот юные шаа и невольно засмотрелись на высоченного, широкоплечего красавца, на несколько мгновений забыв о социальной разнице, да что там, они откровенно любовались им.

А Шиая эти серые птички совершенно не интересовали. Он подошел к моему столу, плюхнулся напротив и посмотрел на меня сияющими зелеными глазами. Как говорит мама, зеркало души под иллюзией не спрячешь, это не какая-то магия. Вот только подозрительно недобро посмотрел.

Я допил вино, махнул официанту, чтобы принес еще, мне и Шиаю, и осторожно спросил:

- Ты чего такой злой?

Он коротким, недовольным взглядом окинул снова зашебетавших шаа, поморщился, за что выслушал от них возмущенные ахи и охи. Еще бы, какой-то темно-серый посмел морщиться на светло-серых, родовитых шаа. Затем с таким же недовольством перекинулся на меня:

- Мишенька, и долго ты играть будешь... в журналиста?

Я покрутил на пальце перстень-артефакт, из-за которого тоже выглядел и «пах» темно-серым шаа, пожал плечами и как ни в чем не бывало ответил:

- Это тебе уже почти тридцать, а мне всего двадцать два. Отец сказал, до четвертого перехода могу заниматься саморазвитием и поиском себя...

- Слишком спокойно живешь, поэтому все ждешь четвертого перехода! И когда ты только успел себя потерять – вот что интересно, – желчно процедил Шиай. – Вместо того чтобы помогать отцу и деду с делами шаазата, таскаешься по городу в поисках сенсаций. Не надоело вытаскивать на свет чужие тайны?

Нисколько не обидевшись на друга, я широко улыбнулся, точно зная, что он просто завидует! В отличие от моих родителей, ему отец и осколка на развлечения не давал. Будущий шаэр должен быть сильным, умным, мудрым и самым-самым. К тому же не стоит раскрывать даже Шиаю мой небольшой секрет, что наше вечное соперничество сыграло в моем «развлечении» решающую роль.

Все выбирают свой путь, чтобы расширить круг доверенных, информаторов, шпионов и прочих крайне необходимых лиц, чтобы в будущем успешно управлять шаазатом. Я предпочел необычный способ: скрываясь под личиной и играя роль свободного журналиста, в чем неплохо преуспел. Даже, к собственному удивлению, прославился под псевдонимом Мих Всезнающий. Поэтому, чуть приподняв брови, флегматично отозвался:

- Немного устал, ты прав. Но журналистикой я занимаюсь в свободное от занятий время. Даже бабушка придаться не может, а уж ты знаешь ее способности.

- Великолепная Амила теряет хватку, похоже, – проворчал Шиай, став слишком похожим на своего отца, когда тот пребывал в крайнем раздражении.

Его лицо превратилось в ледяную маску, глаза опасно светились, магия забунтовала – стол покрывался изморозью, вот-вот раскроется, что под иллюзией прячутся эры первого и второго шаазатов.

- С чего ты так решил? – удивился я.

- Она совсем забыла о тебе и Елене, все время тратит на этого неугомонного Йорика. Надо придумать, как его приструнить, а то совсем мать замучил...

Я в недоумении уставился на мрачного и непонятно почему разворчавшегося друга:

- А с чего это тебя вдруг Амила беспокоит? Может, она, наоборот, сейчас с Йориком

больше занимается, потому что мама с Леной уже вторую неделю готовятся грандиозно отпраздновать Ленкин день рождения. Одиннадцать лет. Ты же знаешь маму, она любит все необычное, неординарное и с сюрпризом. А я, если ты не заметил, и сам взрослый, чтобы за мной бабушка следила. Сам за кем хочешь присмотрю...

- Ну вот и присмотрел бы! - глухо рыкнул эр Иси, заставив обернуться сидящих рядом гостей таверны.

Он нервно крутил бокал, а я не мог понять, в чем дело. Всегда невозмутимо спокойный, вежливый и рассудительный, как апик, первый наследник Леарата сейчас явно на измене.

- Что случилось? - в лоб спросил я. - За кем мне присмотреть?

- За сестрой своей, - процедил Шиай.

Я насторожился и подался к нему:

- А что с ней не так?

- Все! - Шиай все-таки сломал ножку бокала и едва не запустил им в стену. - Сам видишь, ей всего одиннадцать... скоро будет, но она настолько хороша, что всякие мелкие птенчики так и выются вокруг.

- Кто? - разозлился я, мысленно перебирая, кому из нашего окружения придется оборвать крылья.

- Кто-кто! Приятель вашего неугомонного Йорика... - Шиай с трудом удержался, чтобы не добавить что-нибудь неласковое про моего одиннадцатилетнего дядюшку. - Этот Маркус, чтоб его... увивается вокруг моей Елены, стелется поземкой у ее ног, мерзко хихикает каждой ее шуточке. Ты бы видел, как он себя ведет рядом с ней, хвост распускает... Как Кайя говорит, индюк неошипанный...

У меня от изумления дар речи пропал. Кашлянув, я взглянул в глаза не на шутку взбешенного Шиая и уточнил:

- Ты что - ревнуешь Лену к десятилетнему пацану?

Будущий эрат и повелитель Леарата резко подался ко мне, наваливаясь грудью на стол, и прошипел:

- Она - моя истинная! Но ей - одиннадцать, а мне - двадцать девять! Я не в состоянии играть с ней в прятки, куклы и прочие детские игры и тем самым завоевывать расположение. Я Лену с рождения жду, а тут какой-то заморыш серокрылый пытается у меня ее отбить. Поверь, хоть этому Маркусу всего десять, он все прекрасно понимает и планы у него на шаазу Елену реальные. Видимо, не без участия со стороны его хваткого семейства.

- Ты параноик! - не сдержался я.

- Когда встретишь свою истинную пару, то поймешь меня, - глухо прорычал Шиай, - а сейчас ты просто... индюк неошипанный. Друг называется!

Подняв ладони, я примирительно предложил:

- Оу, все-все, понял, откуда растут твои страхи. Сегодня с Амилой переговорю, пусть «нечаянно» отошлет Маркуса с предприимчивой семейкой куда-нибудь. Подальше! Если они тебя бесят.

- Да, и пусть проследит, чтобы рядом с моей парой крутились только девочки, а твой дядюшка своих пацанов Лене не показывал! И вообще, Амиле надо переговорить с Йориком. Дядя, а свои прямые задачи по охране родственниц не выполняет! Молодняк!

Я с трудом удерживался от смеха, глядя на дико ревнующего Шиая. Когда мы узнали, что мама скоро родит девочку, больше того, истинную Шиая Иси, все изменилось. Два шаазата по-родственному сблизились, многие деловые вопросы решались совместно. Окэ

с мамой занимались телевидением и кино. Яхто Иси с папой и дедушкой сплотились настолько, что в Леарате и за границей им нет равных по влиянию.

Волею ларов и леаров, Иси и Арэнк открывали новые туристические маршруты, отдыхали на Северном море, ходили в новые таверны и рестораны, показывая всему Леарату, что им все равно, кто хозяин заведения: чернокрылый или серый, главное, чтобы вкусно и комфортно было. Яхто поддерживает большинство идей Посланницы Язы, как давно называют маму в народе. Могущественный Иси осознает, что белые вымирают, поэтому надо менять мироустройство сейчас, для своих детей и их светлого и счастливого будущего.

- Так непривычно видеть тебя нервным и неуверенным в себе, да еще из-за птенца, - хмыкнул я.

В этот момент на террасу с улицы поднялись три девушки. Светло-серых крыльев они не прятали, демонстрируя свое высокое положение и силу магии. Красивые, одетые в костюмчики светлых тонов, розового, зеленого и голубого, модных нынче стараниями мамы. Ей удалось изменить пристрастия леаров и по части одежды. Наряды более темных и сочных расцветок позволяли себе носить лишь абсолютно уверенные в собственной неотразимости шаазы, но пастельные тона, выгодно оттенявшие красоту более многочисленных шаа, прочно вошли в обиход.

И хотя новоприбывшие девчонки были одинаково хорошенькие и нарядные, взгляд почему-то зацепился за одну. Личико сердечком, губки бантиком, глаза ярко-голубые, на щеках симпатичные ямочки, волосы ниже пояса, как у мамы, русые, блестящие и гладкие, подхвачены на висках заколками в виде цветков. Я невольно затаил дыхание, разглядывая ее точеную фигурку в нежно-розовом костюме. Похожий «закрытый» фасон я не раз видел на маме: узкие брючки, рубашка с воротником-стойкой, разрезами на бедрах и рукавами до локтя.

Ничего особенного вроде: такая же шаа, как ее подружки и другие гости, сидевшие за соседними столами и глупо хихикавшие. Но я глаз не мог отвести, медленно скользил по ней взглядом, пока не поймал тот момент, когда ямочки вместе с улыбкой исчезли с ее лица. Взмах длинных густых ресниц - и леара посмотрела прямо на меня. Время словно замерло, а между нами протянулась незримая нить. Голубые глаза расширились, ресницы затрепетали, а «бантик» развязался - влажные, сочные губы образовали удивленный овал. Мне даже показалось - восхищенный! Просто мое самомнение, наверное, как у мамы, начало расти. Знаменитое мамино самомнение, на которое она все сваливает...

- Кико, неужели ты на вон того темного засмотрелась? - громко прервала волшебный момент одна из девиц, целую глыбу до этого строившая мне глазки.

Девушка - нежно-розовое видение - наконец не только рассмотрела меня, но и поняла, что я не белокрылый эр девичьих грез, а всего лишь темно-серый шаа, даром что в дорогом светлом костюме. Ее щеки окрасились нежным румянцем смущения, глаза она отвела, явно испытывая неловкость и стыд из-за того, что с восторгом таращилась на темно-серого парня.

Я бросил ледяной взгляд на «говорунью» и краем глаза заметил, что Шиай насмешливо отвернулся от меня и посмотрел на розовую Кико. Затем все мы вернули внимание своим собеседникам. Друг нахмурился:

- Миш, она слишком серая для тебя, хоть и очаровашка. Не выше трехсотого шаазата. Судя по виду и запаху, ей лет шестнадцать - восемнадцать, наверное, только-только третий переход.

Наблюдая за тем, как заинтересовавшая меня девушка, стыдливо опустив взгляд, подходит к позвавшим ее подругам за другой столик, я машинально ответил:

- Ты же знаешь, мы с Ленкой в мать уродились: не имеем резерва. Так что при последнем переходе я или сестра можем усилить кого угодно. Даже из серой сделать абсолютно белую...

- Список тех, кто будет рядом с тобой под куполом в момент перехода, уже составлен, -

наставительно заявил Шиай и добавил совсем недовольно: – Тем более, рядом с Еленой! Сомневаюсь, что Амила и Иси позволят включить туда лишних девиц...

Я не успел ответить ему, в этот момент одна из подружек почти неуволимо двинула крылом – сделала подсечку, мерзавка. Моя розовенькая начала заваливаться назад, я инстинктивно воспользовался свободным стулом, и тот оказался под упругой попкой, обтянутой розовыми брюками.

Ойкнув, девушка вцепилась в опору, потом обернулась и, вымученно улыбнувшись, шепнула благодарность. Ну да, если бы не я, валяться бы ей на полу на потеху подругам.

– Ты так и будешь здесь дальше штаны протирать или делами займешься для разнообразия? – спросил Шиай, поднимаясь.

Все девицы в таверне невольно залюбовались его внушительной фигурой, но моя розовая девочка украдкой наблюдала именно за мной. Я подмигнул ей, улыбнулся, положил на стол деньги, встал и взлетел за Шиаем. Дел действительно много, а эту красотулю я позже могу найти... если захочу.

Я вновь на уютной террасе «Алирии», но сегодня все не так: ни аппетита, ни настроения. Вкусная еда не радовала, вот я и гонял ее по тарелке, размышляя о своем странном состоянии. Последние три дня на меня словно кварцевую дорожную плиту уронили – что-то невидимым грузом давит, тревожит. В эту таверну будто магнитом тянуло – манило, звало что-то... или кто-то...

Опа! Вот и причина, по которой я здесь. Понял только сейчас, когда заметил светло-серые крылья и хрупкую фигурку девушки, которая легко поднялась по ступеням и немного рассеянно посмотрела по сторонам, отыскивая подходящий стол.

Сегодня Кико прилетела одна. Была в нежно-голубом костюме, вновь обольстительно закрытом. Пока она осматривалась, я с редким удовольствием разглядывал ее, выискивая, чем же эта девчонка так зацепила меня. Похоже, это подсознание – тоже из любимых маминых словечек – намекало, вернее, вопило о предмете моего внимания и беспокойства последние три дня, вот и привело в «Алирию».

Облегающие брючки подчеркнули ее длинные красивые ноги, открытые сандалии – узкие ступни, коротенькие рукава рубашки не закрывали изящных рук с тонкими пальцами. Высокая грудь, округлые бедра и худенькие плечи. Совсем юная девушка. А раньше меня интересовали леары постарше, «погорячее», которые могли многому научить в постели. Но я глаз не мог оторвать от этой девчонки. В груди что-то шевельнулось приятным теплым комом. Странно: то ли желание, то ли...

Кико подняла невозможно голубые глаза и пристально посмотрела в мои, фиолетовые, или, как мама говорит про наши глаза, фиалковые, она даже похожие цветы отыскала в долине. Наши глаза артефакт, который, как обычно, скрывает мою белую сущность, не может изменить. Густые девичьи ресницы дрогнули, глаза распахнулись, губы приоткрылись в удивленном полувздохе. Мне показалось, я почувствовал ее теплое дыхание, и едва не содрогнулся от желания. В мыслях промелькнули десятки картинок, как бы я мог вкусить эти нежные, яркие, пухлые губы.

Кико замерла, видно, растерялась, увидев меня, и не знала, как быть. Ее щеки разругались от смущения, пока она лихорадочно искала глазами знакомых на террасе. Я не дал ей возможности не заметить меня, смотрел с легкой улыбкой, прямо в лицо. Интересно, как поступит эта скромница? Наконец она все-таки решилась, украдкой судорожно вздохнула, видимо, пытаясь набраться смелости, и медленно, словно к опасному хищнику, сделала несколько шагов ко мне.

– Здравствуй, – ее голос прозвучал чуть хрипло от волнения, а меня от этой хрипотцы опять прошла волна желания.

– День добрый, Кико, – вежливо улыбнулся я, старательно скрывая горячий интерес, а то еще сбежит.

Но не выдержал и жадно вдохнул... Нежный аромат первых дней зимы, когда снег укрывает высокогорные плато, легкий молодой морозец. Два! Точно, только два

перехода, совсем девчонка.

- Я хотела сказать спасибо за... что помог тогда со стулом.

- Для такой сладкой красавицы - все что угодно, - я уже с нескрываемым интересом разглядывал ее, а потом, кивнув на соседний стул, предложил: - Присядешь?

Кико нерешительно потопталась, невольно оглянулась: нет ли знакомых рядом, вдруг кто увидит, что она любезничает с темно-серым. И тем не менее улыбнулась и присела на краешек. Подняла взгляд от сжатых на коленях рук и не смогла сдержать глубокий вздох, будто и сама удивлена своей смелостью.

- Мих, - представился я, воспользовавшись псевдонимом, и поторопился разузнать: - Вижу, ты здесь частый гость. Рядом живешь?

Девушка с искренним восхищением смотрела на меня, признаться, забавляя и приятно удивляя. Мое лицо часто мелькало в «Новостях», а имя упоминалось в прессе в связи с высоким положением эра второго шаазата, поэтому примелькался. Иллюзия не изменила черты моего лица и фигуру, но «засерила» основательно со всеми вытекающими. Так что сейчас я - не блистательный снежно-белый шааз, а лишь тень себя, как бы это нескромно ни звучало. И все равно нравлюсь ей. Очень нравлюсь!

- Кико, - решила представить девушку. - Я... мы из триста шестьдесят первого шаазата. Наш дом в горах, а здесь я просто... учусь в высшей школе.

К слову, высшие школы тоже появились благодаря Посланнице Язы, не без участия великой Амилы, конечно. Еще двадцать лет назад в Леарате было принято наставничество. Общих учебных заведений не было в принципе. Мастера набирали учеников и вели многочисленные группы. Кто не мог себе позволить наставника, учил грамоте детей сам, дома. Ремесла, дела, искусство, прочие умения и навыки и вовсе передавали из рук в руки, от отца к сыну. Потом, сначала во втором шаазате, а теперь и во всем Леарате открылось уже несколько различных школ. Которые, как сказала мама, помогают вывести общество, и в первую очередь молодежь, на новый этап развития, социализировать и повысить профессиональный уровень. Так что теперь в сердце Лараны и в «сознательных» городах Леарата часто можно встретить стайки школьников.

- Что за школа? - я чуть ближе подался к Кико.

Она смотрела на меня завороченно, уголки ее губ то опускались, то поднимались. Кажется, никак не могла определиться: можно мне улыбаться или нет.

- Школа искусств, я художница... хочу стать, - покраснев, пролепетала моя хорошенькая собеседница.

- Хорошее дело, художники нынче неплохо зарабатывают, - заметил я.

И получил от нее удивленный, недоверчивый взгляд: неужели не знала?

- Я не для работы, а просто для себя, - торопливо, сбивчиво пояснила девушка.

Работать женщине из высокородной семьи можно только дома. Похоже, у художницы в доме махровые традиции.

- Сколько тебе лет, Кико?

- Семнадцать. А тебе? - Она даже закусила губу, посчитав вопрос слишком смелым.

- Двадцать два.

Впору посмеяться над собой - сижу с малолеткой, маленькой трусишкой, и веду, по сути, детскую беседу. Докатился! Но почему-то впервые я не думал о напрасно потраченном времени - искренне любовался этим нежным созданием в голубом одеянии, у которого в глазах отражается целое небо.

- А ты здесь... где-то работаешь? - позволила себе еще немного любопытства Кико.

- Да, я журналист, - и многозначительно добавил, можно сказать, похвалился: - С

отличным доходом.

Кико не поняла намека на то, что и темно-серый молодой шаа в состоянии удовлетворить все финансовые нужды леары из состоятельного семейства, но это скорее говорило о чистоте и наивности девчонки. В обществе леаров подобные – редкость и живется им тяжело. Вспомнить хотя бы ситуацию с подсечкой, подстроенную подружкой.

Она кивнула, тряхнув светло-серыми длинными прядями:

– Я рада за тебя!

У меня пальцы зачесались: так захотелось коснуться ее волос, захватить их ладонью, приблизить лицо Кико к себе и...

– Извини, но мне нужно улететь на занятие, – шепнула она с грустью и сожалением. – Еще раз благодарю за помощь.

– Не за что, – глухо ответил я, ощущая в душе протест.

Я испытывал не просто сожаление, полагая, что ей неловко со мной сидеть, а злость. Может, признаться, что я белый? Заставить еще поговорить со мной, чтобы насладиться ее нежным голоском и сладким тонким ароматом.

Она на миг застыла рядом, уже собираясь уйти, но вдруг обернулась и взяла мою ладонь обеими руками. Робко пожала, одаривая меня, «темно-серого», своей силой или «награждая» за услугу. Не успел я едко усмехнуться и отказаться от благодарности – наши руки объяло золотистое сияние... О лары, это же сияние истинной связи! Я видел его единственный раз, когда Шиай «знакомился» с моей сестрой еще в утробе матери.

Мы шокированно молчали, не в силах оторвать взглядов от сцепленных рук, вокруг которых золотилось и расползалось дальше заветное сияние. Наконец мы синхронно подняли глаза. Я – в радостном изумлении, ведь мне, одному из сильнейших в Леарате шаазов, невероятно сложно отыскать подходящую леару. А чтобы найти истинную... Многие тщетно ищут столетиями.

А вот в больших, выразительных глазах Кико отразились замешательство, испуг и потрясение. Еще бы, даже ей, светло-серой, союз с истинным не столь важен для рождения потомства, она может себе позволить брак по любви. И уж точно не с темно-серым малознакомым шаа, которого никогда и ни при каких обстоятельствах не одобрит семья.

Она отдернула руку. В панике посмотрела на меня и кинулась прочь: расправив крылья прямо на террасе, унеслась в небо. Я даже рот не успел открыть, чтобы порадовать ее собой, признаться, что я белый эр второго шаазата. Внутри у меня неистово боролись злость и восторг. С одной стороны, Кико отказалась от истинного только из-за разницы в силе и положении в иерархии, ну она так думает! С другой – я нашел истинную всего в двадцать два, и какую! Девчонка с первого взгляда запала в душу, все мысли о ней. Признаться, в отличие от отца, я вряд ли способен спокойно принимать, понимать и поддерживать такую свободолобивую и упрямую женщину, как мама. Нет, с моим жестким, непримиримым характером и слишком ярко выраженным собственническим инстинктом мне нужна скромная, пугливая, ранимая... зависимая от меня, моя и только моя. Во всем. Такая, как Кико.

По-моему, я подсознательно уловил, узнал свою женщину, стоило увидеть Кико впервые: хорошенькую, робкую, в закрытой одежде, в отличие от других. Я не стал догонять ее. Кто она, откуда и где учится, уже выяснил. Пусть успокоится, а я подумаю, как преподнести новость своим и ее родным.

Три дня бесплодных поисков – и ярость уже выплескивалась из меня. За это время успел выяснить всю подноготную о триста шестьдесят первом шаазате. Кико – младшая из трех дочерей, а наследником назначен племянник эрата. В школе искусств моя девочка в эти дни не появлялась и, как доложили информаторы, после встречи со мной пережила третий переход. Это неприятно поразило: выходит, была сильно потрясена новостью об истинной связи с темным, что и спровоцировало переход.

И вот я снова обедаю в «Алирии», ожесточенно тыкая вилкой в кусок безвкусного

жареного мяса. Думаю, пришла пора ставить в известность родителей и отказываться от темной иллюзии и псевдонима Мих Всезнающий. Заигрался! Мое самокопание прервалось с неожиданным появлением на террасе Кико в бежевом легком наряде. Ее светлые крылья трепетали от волнения, губу она закусил, осматривая территорию и гостей. Увидев меня, побледнела, долгое мгновение рассматривала мое хмурое лицо, а потом решила. Медленно подошла и присела на отодвинутый мной стул.

- Здравствуй, моя сладкая, - глухо от перехватившего горло спазма произнес я.

Она натянуто улыбнулась, пряча взгляд, а я не мог насмотреться, отмечая и круги под глазами после перехода и, надо думать, от мучительных дум и сомнений. Нежная кожа подчеркивала хрупкость и незащищенность девушки. Впервые в жизни мне настолько захотелось кого-то защитить, даже от себя.

Я открыл рот, чтобы признаться:

- Кико, милая, я хочу тебе сказать...

- Прости меня за слабость, - перебила она, наконец посмотрев мне в глаза, и поразила: - Я хорошо подумала и согласна... попробовать узнать тебя немного ближе. Прогуляться, например.

Это был удар под дых. В ее глазах была усталость, а еще огонек робкого восхищения, с которым она рассматривала меня. Стало стыдно за свои секреты, которые показались сейчас постыдными, и я решил продолжить:

- Послушай, Кико, я хочу тебе признаться в...

Узкая изящная ладонь легла поверх моей руки, стискивающей край стола рядом с ней. Девушка тихо пояснила:

- Я понимаю, что веду себя невыносимо. Моя семья никогда не одобрит подобный мезальянс. Я не соглашусь ни на что более... важное и серьезное, но... но я просто хочу узнать... тебя. Узнать, что такое истинная пара...

Несколько мгновений я смотрел на ее ладонь, мягкую, нежную. После признания вновь захотелось рассмеяться: мезальянс, значит? Хочешь узнать, что такое истинный? Меня отпустило, в груди начал разливаться азарт. Охотиться на истинную пару мне ни разу не приходилось, стоит попробовать. Потом внукам рассказывать буду, как охмурял их бабушку. В том, что Кико - моя, уже не сомневался, осталось дать и ей это прочувствовать.

А вот своих я лучше предупрежу, пусть начинают готовить шардис, да и привыкать к мысли о пополнении в нашем семействе.

- Ты голодная? - Я положил поверх ее ладони свою и слегка сжал.

Сияние тут же охватило наши руки.

- Можно я скрою это? - умоляюще шепнула Кико, кивнув на знак избранности.

В душе я противился, но просипел с трудом:

- Можно, - а мысленно добавил: - Ненадолго!

Снежинки спрятали сияние от чужих глаз. Это правильно, раз я пока лишь ухаживаю за Кико, никто не должен знать, что она истинная эра второго шаазата. Чревато! А после того, как провожу свою избранницу, пошлю вестник Рривану, пусть присмотрит за ней. Кстати, что-то мой мохнатый друг зачастил в последнее время на земли снежных барсов; похоже, тоже нашел подружку.

- Может, лучше погуляем? - робко предложила Кико, глядя мне в глаза.

- Для тебя все что угодно, моя сладкая! - Душа пела от счастья.

Деньги оставил на столе и отправился с девушкой к выходу.

Я столько раз бродил по улицам Лараны, наблюдал за горожанами, черпая вдохновение для статей, но ни разу не чувствовал себя по другую сторону, когда наблюдают за тобой. Столица Леарата отличается от многих городов Мира, ведь только у нас жители прекрасной цветущей долины, сердца города, – самые низшие слои населения. Обычные чернокрылые работяги или темно-серые – первая ступень среди одаренных силой. Несмотря на это, улицы радовали чистотой, старые дома, стены которых скрывали вьющиеся растения, как ту же «Алирию», лишь усиливали ощущение мощи Лараны, проявлявшейся во всем. Множество огромных деревьев, цветов, жужжание насекомых, щебет птиц, яркие ароматы создавали непередаваемую живую атмосферу этого города.

Папа как-то признался мне, что только благодаря появлению мамы в его жизни увидел другую Ларану, полюбил ее иной, не ледяные величественные дворцы и безмолвные заснеженные горы, а пульсирующую жизнь долины. Именно мама научила его гулять пешком, тенистыми улицами, перекусывать в местных кафе или прямо на улице, нюхать и дарить цветы.

И вот сейчас на нас с Кико исподволь косились, ведь мы не походили на равнодушную пару, связанную деловыми отношениями. Или телохранителя с высокородной. Мы шли слишком близко друг к другу, улыбались, негромко беседовали на разные темы. Наверное, любому было очевидно мое покровительственно-собственническое отношение к девушке, когда любое резкое движение, звук или шорох – и мое темно-серое крыло укрывало ее от всех, прятало, рука властно ложилась ей на талию и слегка прижимала к себе.

В первый раз Кико слишком смущенно отстранилась, но чем дольше мы гуляли, тем более расслабленно она себя вела, доверялась. Когда в небе Моика собралась менять Мока, Кико не смотрела ни под ноги, ни на пролетающих и проходивших мимо леаров. Она с восторгом глядела на меня.

А я... я рассказывал ей о своей работе, интересных леарах и других представителях Мира, с которыми сталкивался последние пять лет. В одном из парков мы замерли под раскидистым цветущим деревом, закат погружал окружающее пространство в какую-то сказочную нереальность. В тот момент мне все казалось слишком неправдоподобным и волшебным. Кико доставала макушкой до моих ключиц, такая хрупкая, нежная девочка, которая смотрела на меня, словно я лар, спустившийся с небес. Ее взгляд переворачивал душу... и привязывал к ней крепко-крепко. Я только сейчас понял отца, слишком много рядом с Кико делал, чувствовал или испытывал сам впервые.

Я медленно провел рукой по ее волосам, наслаждаясь их шелковистой гладкостью, и, не отрываясь, наблюдал за ее прекрасным лицом, на котором так легко читались все ее эмоции. Манящие розовые губы раскрылись, она хотела что-то сказать, а я просто не выдержал искушения. Нагнулся и поцеловал в желанные губы, но заставил себя не набрасываться на нее зверем, не торопился и ласкал, вкушал с наслаждением.

Снежинка-вестник ворвалась в сгустившуюся над нами чувственную дымку, нарушив прекрасный момент. Кико моргнула, возвращаясь в реальность, судя по ее затуманенным удовольствием глазам, я оказался на высоте, с чем мысленно похвалил себя. Но следом она приняла снежинку и, приняв сообщение, побледнела.

– Прости, Мих, но меня ждут дома...

– Когда и где встретимся завтра? – я не дал ей и шанса отказаться и сбежать.

От волнения Кико закусил чуть припухшую от поцелуев губу, а потом словно в бездну прыгнула, сложив крылья:

– Я пришлю тебе вестник, как освобожусь. Хорошо?

– Хорошо, моя сладкая, – хрипло согласился.

Нежно погладил ее по щеке. На миг крепко прижал к себе, ощущая ладонями приятные женские изгибы, чувствуя как разгораются страсть и огромная, буквально звериная злость на жизнь из-за того, что моя пара сейчас улетит.

– Я хочу, чтобы ты знала, – удержал ее за руку напоследок. – Я не отдам тебя никому! И

ничего не бойся, я решу все проблемы. Поняла?

Она невольно бросила тоскливый взгляд на мои серые крылья, и я вновь решился признаться:

- Это все не то, что может...

Кико вымученно улыбнулась, закрыв мне рот ладошкой:

- Я верю, что лары все видят и не дают своим детям бесполезных подарков.

И пока я искал слова, чтобы впервые в жизни оправдаться, выпутаться из сложившейся ситуации, Кико шепнула, что завтра свяжется со мной, и упорхнула в небо.

- Это наша новая малышка? - из тени деревьев ко мне шагнул Рриван, одетый в темный «рабочий» костюм то ли убийцы, то ли шпиона.

- Это моя малышка! Истинная! - строго поправил я лучшего друга и личного телохранителя. - Присмотри за ней, пока меня нет рядом.

- Поздравляю, Миш! - усмехнулся рейт.

Через мгновение в сумерках мелькнул хвост снежного барса, отправившегося за Кико.

Однажды, устав от постоянных любопытных или возмущенных взглядов горожан, которые либо восхищались, либо негодовали, глядя на светлую об руку с темным, мы с Кико улетели в горы. Мы тогда летели без конкретной цели, наслаждаясь уединением, и случайно заметили внизу красивое местечко - небольшую поляну среди скал и горных уступов. Будто кто-то из ларов сделал углубление и заполнил его белыми цветами на толстых стебельках, с яркими зелеными листьями. Помнится, мама называла их подснежниками. В общем, живописное местечко, по мнению Кико, - цветы, сугробы и пробивающийся сквозь лед быстрый ручей.

Сегодня я прилетел сюда в третий раз и готовился признаться Кико. Не знаю почему, но во время наших свиданий, в течение двух недель, у меня не было возможности сказать ей о том, что я белый, как-то не случилось, не сложилось. Словно сами лары давали нам шанс узнать друг друга без церемоний, без давления иерархии силы и положения. Принять для себя факт, что можно любить вопреки всему. Меня все сильнее грыз червь стыда: Кико «отдавала и теряла» больше, чем я, бессовестная фальшивка.

Хватит, сегодня я положу этому конец! Родителей известил, мама с бабушкой готовятся к шардису. Мама еще и праздник задумала по случаю бракосочетания первенца. Проводить ледаю сразу после храма она наотрез отказалась из-за не очень хороших воспоминаний о своем шардисе. А отец... отец ни в чем не может отказать жене. Порой мне кажется, это непозволительная слабость, о чем и отец, и дед наверняка догадываются, но лишь посмеиваются.

Я даже не увидел, а почувствовал Кико, встал и пытался разглядеть ее в небе. Несколько минут назад получил вестник от Рривана, который все это время следил за моей невестой, что она уже в пути, летит ко мне. Еще он предупредил, что триста шестьдесят первый шаазат стоит на ушах и ее ищут по всем закоулкам. Ох, не нравится мне все это. Все, хватит игр и ухаживаний, сегодня же утащу Кико домой и сделаю своей! Чтобы даже малейшей лазейки ни у кого не было отобрать у меня мою девочку.

Наконец шелест крыльев - и моя душа и сердце спустилась с небес. Мок играл на ее светло-серых волосах, сегодня она надела тот самый симпатичный розовый костюмчик, в котором я увидел ее впервые, юная, невинная и трогательно беззащитная. Пара быстрых шагов - и Кико с ходу прижимается к моей груди.

- Что случилось? - обеспокоенно спросил я, уж слишком была напряжена моя чудная девочка.

Кико молча мотнула головой, отстранилась и медленно опустилась на ковер из цветов. Я сел рядом, привлек ее к себе и настоял:

- Сладкая, родная моя, что случилось?

Кико подняла лицо, в ее небесно-голубых глазах дрожали слезы, голос срывался:

- Я... отреклась... от семьи...

- Что ты сделала? - хрипло переспросил я.

Она всхлипнула, подняла руку и коснулась моей щеки. И смотрела с таким отчаянным обожанием и болью, что у меня сердце упало.

- Меня видели с тобой в Ларане. Мои одноклассницы рассказали маме, кто ты... Что ты темно-серый и просто журналист. Вчера был огромный скандал и...

- И? - сухо уточнил я, уже решив: если к ней хоть пальцем прикоснулись - поубиваю, невзирая на лица.

- Утром меня предупредили, что нашли жениха, и до встречи с ним, до шардиса, я должна находиться в своей комнате. Сказали, я позор своего рода и... так много всего ужасного наговорили... - Кико уткнулась мне в плечо, сотрясаясь от рыданий.

- Прости меня, родная, - сгорая от непереносимого стыда, тихо повинился я. - Я все исправлю и...

- Нечего исправлять! - Кико вытерла ладонью глаза, ее глаза воинственно блестели.

- Почему? - встревоженно удивился я. - Ты хочешь оставить меня?

Кико настолько растерянно уставилась на меня, что я едва не завыл от стыда.

- Конечно, нет! - воскликнула она. - Я передала через горничную, что улетаю от них, отрекаюсь от рода. Потому что люблю тебя и не вижу смысла в жизни, если тебя не будет рядом со мной. И сбежала...

- Любишь? - ошарашенно просипел я.

Кико привстала на колени, обняла мое лицо ладонями и, целуя солеными от слез губами, призналась:

- Больше всего на свете я люблю тебя, Мих. Мне, как ты говоришь, с высокой горы плевать, что ты всего лишь темный журналист. Я хочу быть с тобой, жить с тобой, жизнь прожить только с тобой. Я могу иллюстрировать твои статьи, рисовать картины. Ты же сказал, что художники неплохо зарабатывают? Чем я хуже? Мастер сказал, что я талантливая. У нас все получится, я уверена. Главное, с тобой... и жизнь меняется; может быть, со временем нас поймут и примут и...

Я зачарованно слушал сбивчивый лепет Кико, глядя в ее шальные от любви и отчаяния глаза, - и не мог поверить! Эта робкая девочка рискнула всем ради меня, ради любви, а я... индюк нашелся! Шийай прав! Привлек ее к себе, зарылся в светлые волосы на затылке и глухо, но с непоколебимой верой признался:

- Я люблю тебя, Кико. С первого взгляда, как увидел в «Алирии». Люблю так сильно, что готов тебе Святую Троицу с неба достать, лишь бы ты была счастлива.

С нежностью посмотрел ей в лицо, сияющее, счастливое личико сердечком. Наш поцелуй был жадным, голодным, захватывающим. Но чуть погода пришлось остановиться. Нет, буквально отодрать себя от любимой, чтобы больше никаких преград между нами не осталось. Нельзя на обмане строить жизнь, мама часто повторяла нам с Ленкой об этом.

- Я знаю, что придунок и плохо поступил, но перед слиянием хочу, чтобы ты знала, кто я, какой я и что все проблемы решу...

С каждым словом глаза Кико все больше округлялись. Затаив дыхание, она ждала продолжения. А меня наверняка распирало... от наследственного самомнения: уж если Кико темно-серого выделила и полюбила, то во всей своей белоснежной красе точно стану для нее ларом, ну почти. Я деактивировал артефакт на пальце и с улыбкой, в ожидании восхищенного внимания посмотрел на любимую, расправляя искривляющиеся

белизной крылья.

Но Кико молчала, таращась на меня.

Моя улыбка постепенно угасла. Пришлось спешно порадовать свою невесту:

- Любимая, меня зовут Михаил Арэнк, я эр второго шаазата, а Мих Всезнающий – всего лишь мой способ ближе узнать народ, город и приобрести неоценимый опыт...

Кико зачем-то сняла сандалию – и вдруг как дала мне ею по... что называется, бессовестной шаазьей морде. Без восхищения и пиетета, а потом еще и с кулаками набросилась, и с воплями:

- Да ты гнилой гуаши, а не любимый! Как ты мог? Я две недели страдала, мучилась, извелась вся. Отреклась от семьи, родных, благополучного будущего и комфорта. Опоила горничную сонным порошком, чтобы сбежать. Да я чуть с ума от горя не сошла, ради любви потеряла семью. А ты?

- Прости, родная... – только и успел выкрикнуть я, перед тем как заработать в глаз второй сандалией.

- Родная? Ах, родная! Да ты, наверное, все время издевался надо мной, дурой последней. Еще бы, великий шааз – и какая-то серая девчонка! Да?!

Моя нежная Кико быстро выдохлась, просто не умеет долго злиться, а тем более ненавидеть. Рухнула на снег и разрыдалась, пряча лицо в ладонях.

В груди огнем горело от стыда и боли. Такого накала эмоций я никогда не испытывал. Точно придурок! Обнял ее за плечи, силой привлек к себе и, прижав, заполошно зашептал:

- Прости, прости, любимая моя. Я каждый день пытался тебе признаться...

- Если бы захотел, давно признался! – прохлюпала она.

И не откажешься, все верно.

- Я урод... и слабак! – шепнул ей на ухо. – Прости! Только слабак может наслаждаться тем, что его выбрали не за силу и положение, а просто так. Ты так смотрела, что хотелось верить... проверить, насколько сильно я тебе нужен.

Я мог бы еще много чего сказать, но она подняла на меня обиженное, заплаканное лицо. Я не выдержал, обнял его ладонями и, выдохнув «Прости!», прижался к ее губам. Поцелуй... сладко-соленый, но такой жизненно важный мне, обиженной Кико, нам обоим. Мы забылись, соль, сладость, потеря контроля над эмоциями – все вместе сорвало и закружило нас. Опустошить Кико я не боялся, она сильная, выдержит слияние. А потом «повзрослеет» со мной. На покрывале из цветов, в вихре метели мы любили друг друга как одержимые, касались, ласкали, сплетались...

Со стоном наслаждения я вторгся в ее невинное тело, сделал своей навсегда. Глядя в счастливые глаза-небеса, рвался к ней, ближе, теснее, сходил с ума от удовольствия, наблюдая за голубым пожаром страсти. Первой экстаз испытала Кико, следом за ней и я улетел в это пламя. А дальше наша магия лавиной разлилась по поляне... по всей округе... озарила до самых скал. Единение сил произошло! Осталось пройти шардис и получить брачные браслеты. Я знаю: лары и домашние духи будут милостивы к нам. И мысленно обещал щедро поблагодарить их за Кико.

Сначала мы обессиленно лежали в снегу. Приподнявшись, я любовался раскрасневшейся Кико, ее затуманенными желанием глазами, ласкал ее скулы, наслаждаясь теплом и нежностью кожи.

- Моя! – хрипло, бескомпромиссно и торжественно объявил я.

- Твоя, навсегда! – согласилась она, робко заглядывая мне в душу. А потом обеспокоенно добавила: – Ты слишком горячий...

Я и сам чувствовал, что горю уже явно не желанием.

- Черт! - выругался я на мамин манер. - Быстрее домой, у меня, похоже, переход последний начинается!

Мы буквально смерчем неслись к дворцу Арэнков. Я старался не потеряться в лихорадке, сотрясавшей мое тело. На ходу отправил вестник в Кристальный и отцу. На подлете увидел встречавшую нас многочисленную толпу - будущие шаазы Байли и еще одна из бывших отщепенек рода Арэнк приготовились «взрослеть», вернее, белеть вместе со мной. Отец с дедом, мама, бабушка, Ленка - мои нежно обожаемые женщины слишком явно переживали, наблюдая, как мы приземляемся на дворцовую террасу.

Дальше толпа дружно ринулась к нам, а Кико спряталась за мою спину. Так много белокрылых она наверняка даже по телевидению не видела, вот и испугалась.

Прижал ее к своему боку и уже с трудом представил:

- Моя жена и истинная пара Кико Маилия из триста шестьдесят первого! Она будет рядом всегда!

- Какая лапочка! - с восторгом выдохнули мама с сестрой, позволив мне облегченно выдохнуть.

- Она такая... хрупкая, - с сомнением выдала Амила.

Ну, от бабушки даже и не ждал другого.

- Быстро внутрь! - скомандовал дед, как обычно, выделив самое важное и продолжая привычно распоряжаться во дворце: - Становитесь в круг, делаем купол!

- Милая, сядь рядом с Мишкой, а то скоро будет... немного больно, - приуменьшил неотвратимые последствия папа, чтобы не пугать мою девочку заранее. А вот родственникам уже более резко добавил: - Шаа, шевелитесь быстрее.

Отбелить подругу Байли мама попросила недавно, когда та встретила свою истинную пару в лице наследника рода Одэко из шестого шаазата. А до этого Байли вполне устраивали ее светло-серые крылья. Но эрат Одэко едва не умолял невестку помочь ее новому дому не потерять статус рода в Совете Девяти, для будущих детей умолял.

Еще через осколок начался полноценный переход, и я уже не мог думать, зато каждой частичкой своего тела «хорошо» ощущал, как магия перестраивает меня, ломая и перемальвая. Только бы выжить нам с Кико. Я не могу потерять ту, без которой больше нет смысла жить!

О лары, ощущение, будто по мне всю ночь скакала Ленка, как делала лет в пять, пытаюсь вовлечь в свои игры. Ох, пожалуй, не одна скакала, а с подружками. Тело ломило, в горле першило, словно вдобавок я не меньше суток орал по пьяни песни в таверне, втираясь в доверие к хеджанам. Но стоило мозгам прочиститься, в мыслях блеснуло яркой вспышкой имя - Кико! Я со стоном пошевелился, ощутил, что обнажен до пояса, и сразу нащупал тонкую, изящную руку. Довольно выдохнул, почувствовав рядом родную до боли, любимую женщину, и услышал веселый, сочувствующий мамин голос:

- Все хорошо, сынок, Кико рядышком лежит. Скоро совсем полегчает!

Сначала я повернул голову и убедился: да, лежит моя девочка! В белой рубашке Кико походит на ледяную статую. Лицо бледное, безмятежное, ресницы, брови и волосы сверкают снежной белизной, только ярко-розовые чувственные губы и теплая рука в моей ладони дают знать, что она, к счастью, живая.

- Получилось! - просипел я, оборачиваясь к маме.

За ее спиной стоял отец и с мрачным выражением лица, предвещавшим тяжелый разговор, смотрел на меня. Я невольно поморщился. Отец понял верно: от нашей беседы ждать хорошего нечего. А мама, как и в предыдущие три раза, решила, что ее мальчик страдает, подалась вперед и, прижимаясь к моему боку большим животом, где растет новая сестричка, обняв мое лицо ладонями, щедро поделилась энергией, буквально

оживляя и ласково приговаривая:

- Больно, да? Бедняжечка моя. Мишенька, родной, что же ты так затянул, едва-едва успели вас куполом накрыть...

- Я думал хоть чему-то научил тебя, Михаил, - прервал наши сюси-пуси отец. - О чем ты думал? Надо было сразу, как узнал, что девочка твоя истинная, в охапку и под охраной во дворец тащить проводить обряд, как твой папа, а ты? Ты понимаешь, что Кико могли убить?

Было нестерпимо стыдно осознавать, что отец прав. А я заигрался чужими чувствами, своими и...

- Никто не знал, кто я такой!

- А ты бы не хотел узнать, что тебя любят не за богатство и положение? Пожить как простой парень, а не первый наследник шаазата Арэнк... Ему всего двадцать два, кровь играет, а тут чувства... - тихонько поддержала меня мама, с мольбой посмотрев отцу в глаза.

- Мама!.. - я поперхнулся, еще бы мальчишкой при всех назвала.

- Я хотел и узнал, - возразил ледяной Йелли Арэнк, каким его знает весь мир. - Но другими способами! Не рискуя и...

- Ха-ха-ха! - иронично выдала мама, машинально погладив свой большой живот. - Нас на вторую ночь чуть не убили, а потом еще и еще раз. От судьбы не уйдешь! Поэтому лучше просто жить и наслаждаться тем, что тебе дано! А Мишке повезло, он вон - в двадцать два любовь встретил.

- Шардис сегодня же проведем, до заката, времени еще много, успеют очнуться! - непререкаемо заявил отец. - Если кто-то узнает, что Михаил Арэнк украл девчонку из низшего шаазата...

- Повторяю, никто не знает, что Мих Всезнающий и Михаил Арэнк - одно лицо! - рыкнул я, подумал и добавил: - Только Шиай и Рриван в курсе, но они мои лучшие друзья.

У отца глаза сверкнули и несколько снежинок по полу завертелось.

- Рриван понятно... а Шиай? Если бы не Лена, то в первую очередь я бы опасался Шиая. Яхто со своими мелкопоместными коварными планами рядом с сыном даже близко не летел. Уж поверь мне! Между ними разница - несколько сотен лет, но уже сейчас Шиай Иси, еще, по сути, птенец, по всем признакам превосходит шаэра. Я благодарю ларов, что моя дочь - его истинная. Потому что такого соперника, конкурента или - не дай лары! - врага даже проклятым ледяным змейсам не пожелаешь. Из милосердия.

- Ну ты прямо загну-у-ул, - ошеломленно протянула мама.

Мы с отцом насмешливо и снисходительно переглянулись. Наша любимая, неподражаемая, чудесная Каечка, как зовет ее отец, порой поражает наивностью и доверчивостью. Шиай для нее «второй сынулечка», это при живой и вполне нормальной матери Окэ. Причем стал таковым еще до того, как мы узнали, что Лена - его истинная. Кайя Арэнк - лавина созидательной энергии, водопад радости и целое небо света и веселья для всех, кто хотя бы ненароком оказался в поле ее зрения. А вот Йелли Арэнк - мамина каменная защита, смерть для возможных врагов, которым, только услышав его имя, лучше тысячу раз подумать: стоит ли обманывать или вредить Посланнице Язы, ведь возмездие неотвратимо! Поэтому мама, вот уже двадцать три года проживая в Леарате, считает Мир светлым и добрым, а леаров - самыми доброжелательными существами на свете.

Я посмотрел на отца и поделился наблюдениями:

- Шиай уже сейчас сходит от Лены с ума. Поверь, я знаю, о чем говорю. Лет через семь, когда она подрастет, охмурит и к ногтю его, бедненького, - подмигнул маме, - прижмет окончательно, будет вполне послушным. Так что не будем переживать: Шиай Иси абсолютно на нашей стороне, потому что для его Леночки папа с мамой - самые

любимые...

- Помимо папы с мамой у нас еще стая родственников, - сухо напомнил папа.

- Ой! - вздрогнула мама и прижала ладони к животу.

Отца словно подменили, он вздрогнул сильнее, чем жена, резко упал рядом с ней на колени и, с непередаваемой любовью обняв ее, осторожно, трепетно положил ладонь на выпирающий живот:

- Что случилось, любимая? Болит?

Я невольно закатил глаза - видеть, как великий и суровый Йелли Арэнк, на которого с рождения мечтал походить, превращается в коврик у ног матери, раздражает.

- Доча пинается! - восторженно шепнула мама, положив голову на плечо отцу.

Дальше оба, забыв обо мне и обо всем на свете, упивались друг другом и новой жизнью, которую они зачали. Неугасимой страсти отца с матерью я удивлялся безмерно. Если Йелли Арэнку приходилось улетать по делам на пару-тройку дней без жены, то метель мела и перед, и по возвращении. Мне кажется, многие бы удивились, если хоть куда-то они прилетели по отдельности.

Кико застонала, привлекая общее внимание. Мама наклонилась надо мной и, коснувшись ее руки, поделилась энергией и с ней, восстанавливая резерв. Уже через осколок моя любимая открыла глаза с сиплым шепотом:

- Неужели я жива?

Папа с мамой хохотнули, окончательно разбудив Кико. А когда она осмотрелась, где и с кем находится, - юркнула под одеяло и спряталась у меня под боком. Потом пискнула оттуда:

- Приветствую великих шаазов.

Поймал испуганный взгляд Кико из-под одеяла и, с нежностью улыбнувшись, вытянул ее на свет, уложил себе на грудь и представил своих:

- Знакомься, это мои папа и мама - Йелли и Кайя Арэнк.

- Называй нас по именам, так удобнее, - мама подарила Кико легкую задорную улыбку, помогая расслабиться и успокоиться.

- Но это против правил и... - Кико растерянно замолчала, заметив побелевшую прядь своих волос, лежавшую на моей груди.

Рассмотрела повнимательнее, даже подергала, зашипев от боли. Потом заполошно приподнялась, собрала все волосы у макушки и зарылась в них ладонями, чтобы удостовериться, что все это белое богатство точно ее.

- А как? - хрипло шепнула она, но словно крикнула на всю округу.

- Наследство от мамы, - мягко ответил я. - У нее и детей нет ограничений в резерве, мы все - один сплошной резерв. И при переходе можем усилиться и другим помочь... как тебе.

- Теперь ты полноценная шааза, - пояснил папа. - Более того, вместе с Мишкой ты тоже прошла свой последний, четвертый переход.

Кико таращилась на свои волосы, а потом оглядела всех нас распахнутыми глазами, в которых светилась отчаянная надежда:

- Как вы думаете, может, теперь, когда я шаазой стала, папа успокоится? Передумает меня убивать за то, что сбежала?

- Теперь ты Арэнк, Кико, - спокойно ответил отец, взглядом закрывая мне рот, а то я хотел пообещать, что сам кого угодно убью за нее. - Как думаешь, много ли найдется в

этом мире леаров, способных причинить нам неудобства?

Кико, кажется, еще не веря в происходившие на ее глазах «чудеса», посмотрела на моих родителей, робко улыбнулась и тут осознала, что почти раздета и в кровати с таким же. Нежную молочную кожу залил румянец, она явно искала, куда бы спрятаться и что делать дальше. Пришлось вновь со смехом прижать ее к себе. А мама с папой, понимающе улыбнувшись, оставили нас наедине, на прощание взглядом показав на платье для шардиса и накрытый стол, чтобы перекусить. Отец еще и показал палец – у нас одна глыба на сборы. Успеем!

Только двери закрылись, я перевернул Кико на спину и завис над ней, вглядываясь в лицо:

- Прости, любимая! За глупость и почти... подлость. За мои секреты, игры и за все – прости, я исправлюсь, обещаю!

Кико так светло улыбалась, обеими ладонями касаясь моего лица, с таким обожанием и восторгом разглядывала, что меня отпустила тревога.

- Я люблю тебя, – шепнула она. – Я рядом с тобой, а большего мне не надо для счастья.

- Если бы ты только знала, как я счастлив, что ты моя... – выдохнул я довольно.

- Я была бы совсем счастливой, если бы можно было в купальню сходить и... в туалет, – покраснев, призналась она.

Смеясь и подшучивая, мы привели себя в порядок, поели, а потом Кико с благоговением и трепетом облачилась в платье для шардиса. То самое, которое надевала бабушка, затем мама, а теперь и Кико Арэнк. Я смотрел на свою звездочку и не мог надышаться на нее.

От мысли повторить наше слияние здесь и сейчас отвлек шум снаружи. Мы вышли на террасу и увидели, как толпа серокрылых родных Кико осаждают наш дворец. А охрана во главе с отцом и дедом пытается уладить дело миром. Но эрат Маилия, отец Кико, разорался так, что даже в Кристальном, наверное, слышали.

- Ваш шпион и доверенное лицо – этот темный прощелыга Мих Всезнающий – соблазнил и украл мою дочь! Если вы думали, мы не узнаем, что какой-то темнокрылый, пусть и с высокородными покровителями, может красть и пользоваться благородную шаа...

- Папа! – воскликнула Кико, взлетая с террасы и устремляясь к толпе мужчин.

Я стрелой понесся за ней, перехватил за руку. И вот тут Маилия разглядела мою девочку, особенно ее белые крылья и новую снежную масть.

- Но как? – вытаращилась на нее родня.

Между отцом и дедом появилась Амила, важная и блистательная, и строго указала не верящей своим глазам толпе:

- Вот что любовь животворящая делает! А вы, вместо того чтобы радоваться, ругаетесь, орете как потерпевшие: украли... украли... Мы соединили две истинные половинки. Мой внук столь силен, что одарил и ваш серый цветочек.

Народ притих, все-таки умеет Амила быть убедительной и управлять толпой. И вдруг...

- Я не давал разрешения на этот брак! – сориентировался ушлый эрат триста шестьдесят первого шаазата.

Кико испуганно вцепилась в мою руку.

- Нам нужно разрешение? – удивленно уточнил отец, но опешили все.

- Она несовершеннолетняя, ей всего семнадцать! – вкрадчиво заметил эрат Маилия.

- Ну и? – спросил я, подлетая к нему.

- У меня еще две дочери незамужние... и серые, - очень многозначительно намекнул отец Кико. - Может, ваша животворящая любовь и их отбелит?

Кико всхлипнула горестно и разочарованно, отворачиваясь от предприимчивого родителя.

Дед с отцом окинули нас внимательными взглядами, переглянулись и без лишних слов согласовали дальнейшие действия:

- Обсудим, но потом, после шардиса Кико и Михаила.

Эрат Маилия хотел воспротивиться, но тут к нашей группе присоединился Ший с телохранителями - и вопрос решился сам собой. Вскоре мама с бабушкой провожали нас в храм дворца шаазата Арэнк. Амила, отметив красные глаза невесты, неожиданно взяла ее за руку и негромко сказала:

- Детка, не надо слез! Твой отец перевернул Ларану, не побоялся бросить вызов самим Арэнкам, чтобы вызволить дочь...

- Чтобы страсти с вас...

Амила дернула Кико за руку, приводя в чувство:

- Если бы я увидела, что моя дочь из шаа превратилась в шаазу, усилила свою магию волшебным образом, тоже сделала бы все возможное, чтобы помочь другим своим детям усилиться. Он старается ради тебя и твоих сестер, так что не смей винить его! Он эрат и заботится обо всех вас, и прежде всего о тех, кто от него зависит!

- Вы думаете? - Кико с такой надеждой посмотрела на маму и бабушку, что у меня в душе все перевернулось от нежности.

- Уверена! - кивнула для большей весомости Амила, моя обожаемая, умная и неунывающая ни при каких обстоятельствах бабуля.

- Кико, милая, поверь, великая Амила никогда не врет! - развеселилась мама. - И в храме оторвитесь по полной, пусть лары вашу благодарность надолго запомнят!

Амила возмущенно уставилась на иронизирующую невестку, но уже через мгновение ехидно заметила:

- Твою благодарность никому не переплюнуть!

- Да если бы я знала о своем будущем счастье, то скамейку бы мы с Йелли сломали, - со смехом оправдывалась мамочка.

Кико переводила взгляд с одной на другую. Я подхватил любимую и, взмахнув крыльями, отлетел подальше от двух заклятых подруг: мамы и бабушки. Эти две шаазы со временем так сроднились, что ближе и роднее у обеих только мужья. Но от острых языков обеим периодически достается.

Ступив в храм, мы забыли обо всем. Только мы с Кико и лары с духами. Когда после клятв брачные браслеты замкнулись на наших руках, оба ощутили, что теперь едины и Мир существует только для нас. Как и мама с папой, я не захотел делиться нашей страстью с ларами и духами. С трудом преодолев инстинкт защитника, полоснул по нашим ладоням и окропил алтарь кровью.

После самого нежного поцелуя мы с любимой отправились праздновать шардис с родными. Уверен, мама с бабушкой уже приказали накрыть огромный щедрый стол, где будут сидеть самые близкие и любимые леары.

Впереди нас ждут любовь, счастье и удача! Я абсолютно уверен в этом, ведь рядом со мной - Кико!

1

Мария фон Эбнер-Эшенбах (1830-1916) - австрийская писательница и драматург.